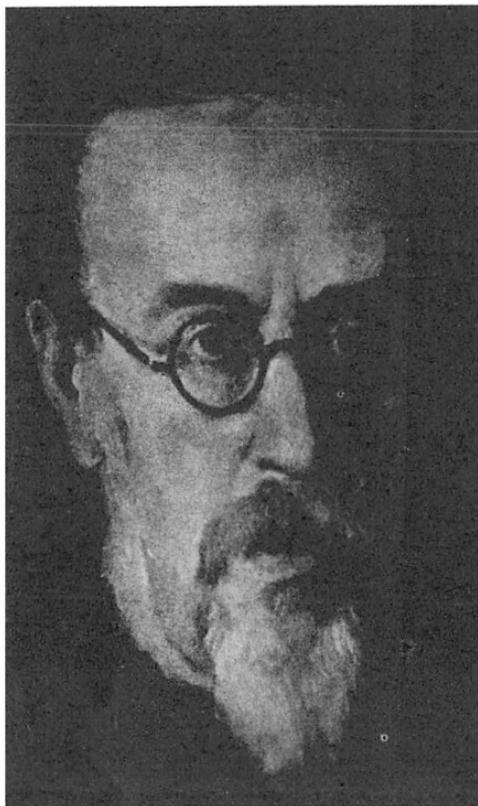

С. ФРАНК

СМЫСЛ ЖИЗНИ

С. Л. ФРАНК

*Портрет работы Л. В. Зака
Берлин, 1936*

С. ФРАНК

СМЫСЛ ЖИЗНИ

Издательство «Жизнь с Богом»

Издательство ЖИЗНЬ С БОГОМ

Foyer Oriental Chrétien
206, Av. de la Couronne

1050 Bruxelles

Брюссель 1976

D. L. 1976 - 0362 - 8

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая книжка, уже давно задуманная, образуетъ какъ бы естественное продолженіе выпущенной мною въ 1924 году книжки «Крушеніе кумировъ». Она составлена въ отвѣтъ на неоднократныя указанія друзей и единомышленниковъ о необходимости такого продолженія, которое раскрыло бы положительное содержаніе тѣхъ идей, которыя преимущественно въ формѣ критики господствующихъ предубѣжденій были изложены въ «Крушеніи кумировъ». И эта вторая книжка, подобно первой, будучи выраженіемъ личныхъ вѣрованій автора, выросла въ связи съ бесѣдами и спорами, которые пришлось вести въ кругу русскаго студенческаго христіанскаго движенія. Она предлагается поэтому, въ первую очередь, вниманію молодыхъ участниковъ этого движенія и вообще русской молодежи за границей.

Этимъ опредѣленъ и стиль книжки: авторъ пытался свои религіозно-философскія идеи выразить въ возможно простой и общедоступной формѣ, и говоритъ лишь о томъ, что имѣетъ насущное жизненное значеніе.

С. Франкъ.

Берлинъ, 29 августа 1925 г.

I. ВСТУПЛЕНИЕ.

Имѣеть ли жизнь вообще смыслъ, и если да — то какой именно? Въ чемъ смыслъ жизни? Или жизнь есть просто безсмыслица, бессмысленный, никчемный процессъ естественнаго рожденія, расцвѣтанія, созрѣванія, увяданія и смерти человѣка, какъ всякаго другаго органическаго существа? Тѣ мечты о добрѣ и правдѣ, о духовной значительности и осмысленности жизни, которыя уже съ отроческихъ лѣтъ волнують нашу душу и заставляютъ насъ думать, что мы родились не «даромъ», что мы призваны осуществить въ мірѣ что-то великое и рѣшающее, и тѣмъ самымъ осуществить и самихъ себя, дать творческій исходъ дремлющимъ въ насъ, скрытымъ отъ посторонняго взора, но настойчиво требующимъ своего обнаруженія духовнымъ силамъ, образующимъ какъ бы истинное существо нашего «я» — эти мечты оправданы ли какъ либо объективно, имѣють ли какое либо разумное основаніе, и если да — то какое? Или онѣ просто — огоньки слѣпой страсти, вспыхивающіе въ живомъ существѣ по естественнымъ законамъ его природы, какъ стихійныя влеченія и томленія, съ помощью которыхъ равнодушная природа совершаетъ черезъ наше посредство, обманывая

и завлекая насъ иллюзіями, свое безмысленное, въ вѣчномъ однообразіи повторяющееся дѣло сохраненія животной жизни въ смѣнѣ поколѣній? Человѣческая жажда любви и счастья, слезы умиленія передъ красотой, — трепетная мысль о свѣтлой радости, озаряющей и согрѣвающей жизнь или, вѣрнѣе, впервые осуществляющей подлинную жизнь — есть ли для этого какая либо твердая почва въ бытіи человѣка, или это — только отраженіе въ воспаленномъ человѣческомъ сознаніи той слѣпой и смутной страсти, которая владѣтъ и насѣкомымъ, которая обманываетъ насъ, употребляя какъ орудія для сохраненія все той же безмысленной прозы жизни животной, и обрекая насъ за краткую мечту о высшей радости и духовной полнотѣ расплачиваться пошлостью, скукой и томительной нуждой узкаго будничнаго, обывательскаго существованія? А жажда подвига, самоотверженнаго служенія добру, жажда гибели во имя великаго и свѣтлаго дѣла — есть ли это нѣчто большее и болѣе осмысленное, чѣмъ таинственная, но безмысленная сила, которая гонитъ бабочку въ огонь?

Эти, какъ обычно говорится, «проклятые» вопросы или, вѣрнѣе, этотъ единый вопросъ «о смыслѣ жизни» волнуетъ и мучаетъ въ глубинѣ души каждаго человѣка. Человѣкъ можетъ на время, и даже на очень долгое время, совсѣмъ забыть о немъ, погрузиться съ головой или въ будничные интересы сегодняшняго дня, въ матеріальныя заботы о сохраненіи жизни, о богатствѣ, довольствѣ и земныхъ успѣхахъ, или въ какія либо сверхличныя страсти и «дѣла» — въ политику, борьбу партій и т. п., — но жизнь уже такъ устроена, что совсѣмъ и навсегда отмах-

нутья отъ него не можетъ и самый тупой, заплывшій жиромъ или духовно спящій человекъ: неустранимый фактъ приближенія *смерти* и неизбежныхъ ея предвѣстниковъ — старѣнія и болѣзней, фактъ отмиранія, скоропреходящаго исчезновенія, погруженія въ невозвратное прошлое всей нашей земной жизни со всей иллюзорной значительностью ея интересовъ — этотъ фактъ есть для всякаго человекъ грозное и неотвязное напоминаніе нерѣшеннаго, отложеннаго въ сторону вопроса о *смыслѣ жизни*. Этотъ вопросъ — не «теоретическій вопросъ», не предметъ праздноумственной игры; этотъ вопросъ есть вопросъ самой жизни, онъ такъ же страшенъ — и собственно говоря еще гораздо болѣе страшенъ, чѣмъ при тяжелой нуждѣ вопросъ о кускѣ хлѣба для утоленія голода. Поистинѣ, это есть вопросъ о хлѣбѣ, который бы напиталъ насъ, и водѣ, которая утолила бы нашу жажду. Чеховъ описываетъ гдѣ-то человекъ, который всю жизнь живя будничными инетересами въ провинціальномъ городѣ, какъ всѣ другіе люди, лгалъ и притворялся, «игралъ роль» въ «обществѣ», былъ занятъ «дѣлами», погруженъ въ мелкія интриги и заботы — и вдругъ, неожиданно, однажды ночью, просыпается съ тяжелымъ сердцебіеніемъ и въ холодномъ поту. Что случилось? Случилось что-то ужасное — *жизнь прошла*, и жизни не было, потому что не было и нѣтъ въ ней смысла!

И все таки огромное большинство людей считаетъ нужнымъ отмахиваться отъ этого вопроса, прятаться отъ него, и находить величайшую жизненную мудрость въ такой «страусовой политикѣ». Они называютъ это «принципальнымъ отказомъ» отъ попытки разрѣшить «неразрѣ-

шимые метафизическіе вопросы», и они такъ умѣло обманываютъ и всѣхъ другихъ, и самихъ себя, что не только для посторонняго взора, но и для нихъ самихъ, ихъ мука и неизбывное томленіе остаются незамѣченными, быть можетъ, до самаго смертнаго часа. Этотъ пріемъ воспитыванія въ себѣ и другихъ забвенія къ самому важному, въ конечномъ счетѣ, единственно важному вопросу жизни, опредѣленъ, однако, не одной только «страусовой политикой», желаніемъ закрыть глаза, чтобы не видѣть страшной истины. Повидимому, умѣніе «устраиваться въ жизни», добывать жизненныя блага, утверждать и расширять свою позицію въ жизненной борьбѣ обратно пропорціонально вниманію, удѣляемому вопросу о «смыслѣ жизни». А такъ какъ это умѣніе, въ силу животной природы чело-вѣка и опредѣляемаго имъ «здраваго разсудка», представляется самымъ важнымъ и первымъ по настоятельности дѣломъ, то въ его интересахъ и совершается это задавливаніе въ глубокія низины безсознательности тревожнаго недоумѣнія о смыслѣ жизни. И чѣмъ спокойнѣе, чѣмъ болѣе размѣрена и упорядочена внѣшняя жизнь, чѣмъ болѣе она занята текущими земными интересами и имѣетъ удачу въ ихъ осуществленіи, тѣмъ глубже та душевная могила, въ которой похороненъ вопросъ о смыслѣ жизни. Поэтому мы, напримѣръ, видимъ, что средній европеецъ, типичный западно-европейскій «буржуа» (не въ экономическомъ, а въ духовномъ смыслѣ слова) какъ будто совсѣмъ не интересуется болѣе этимъ вопросомъ и потому пересталъ и нуждаться въ религіи, которая одна только даетъ на него отвѣтъ. Мы, русскіе, отчасти по своей натурѣ, отчасти, вѣроятно, по неустроенности и неналажен-

ности нашей внѣшной, гражданской, бытовой и общественной жизни, и въ прежнія, «благополучныя» времена отличались отъ западныхъ европейцевъ тѣмъ, что больше мучились вопросомъ о смыслѣ жизни — или болѣе открыто мучились имъ, болѣе признавались въ своихъ мученіяхъ. Однако теперь, оглядываясь назадъ, на наше столь недавнее и столь далекое отъ насъ прошлое, мы должны сознаться, что и мы тогда въ значительной мѣрѣ «заплыли жиромъ» и не видѣли — не хотѣли или не могли видѣть — истиннаго лица жизни, и потому и мало заботились объ его разгадкѣ.

Происшедшее ужасающее потрясеніе и разрушеніе всей нашей общественной жизни принесло намъ, именно съ этой точки зрѣнія, одно цѣннѣйшее, несмотря на всю его горечь, благо: оно обнажило передъ нами *жизнь*, какъ она есть на самомъ дѣлѣ. Правда, въ порядкѣ обывательскихъ размышленій, въ планѣ обычной земной «жизненной мудрости» мы часто мучимся *ненормальностью* нашей нынѣшней жизни и либо съ безграничной ненавистью обвиняемъ въ ней «большевиковъ», бессмысленно ввергшихъ всѣхъ русскихъ людей въ бездну бѣдствій и отчаянія, либо (что уже, конечно, лучше) съ горькимъ и бесполезнымъ раскаяніемъ осуждаемъ наше собственное легкомысліе, небрежность и слѣпоту, съ которой мы дали разрушить въ Россіи всѣ основы нормальной, счастливой и разумной жизни. Какъ бы много относительной правды ни было въ этихъ горькихъ чувствахъ, — въ нихъ, передъ лицомъ послѣдней, подлинной правды, есть и очень опасный самообманъ. Обозрѣвая потери нашихъ близкихъ, либо прямо убитыхъ, либо замученныхъ дикими условія-

ми жизни, потерю нашего имущества, нашего любимого дѣла, — наши собственные преждевременныя болѣзни, наше нынѣшнее вынужденное бездѣлье и бессмысленность всего нашего нынѣшняго существованія, мы часто думаемъ, что болѣзни, смерть, старость, нужду, бессмысленность жизни, — все это выдумали и впервые внесли въ жизнь большевики. На самомъ дѣлѣ они этого не выдумали и не впервые внесли въ жизнь, а только значительно усилили, разрушивъ то внѣшнее и, съ болѣе глубокой точки зрѣнія, все таки призрачное благополучіе, которое прежде царило въ жизни. И раньше люди умирали — и умирали почти всегда преждевременно, не додѣлавъ своего дѣла и бессмысленно случайно; и раньше всѣ жизненные блага — богатство, здоровье, слава, общественное положеніе — были шатки и ненадежны; и раньше мудрость русскаго народа знала, что отъ сумы и тюрьмы никто не долженъ отекаться. Происшедшее только какъ бы сняло призрачный покровъ съ жизни и показало намъ неприкрытый ужасъ жизни, какъ она всегда есть сама по себѣ. Подобно тому, какъ въ кинематографѣ можно, произвольнымъ измѣненіемъ темпа движенія, черезъ такое искаженіе именно и показать подлинную, но обычному взору незамѣтную природу движенія, подобно тому, какъ черезъ увеличительное стекло впервые видишь (хотя и въ измѣненныхъ размѣрахъ) то, что всегда есть и было, но что не видно невооруженному глазу, такъ и то искаженіе «нормальныхъ» эмпирическихъ условій жизни, которое теперь произошло въ Россіи, только раскрываетъ передъ нами скрытую прежде истинную сущность жизни. И мы, русскіе, теперь безъ дѣла и толка,

безъ родины и родного очага, въ нуждѣ и лишеніяхъ сло-
нящіеся по чужимъ землямъ, — или живущіе на ро-
динѣ, какъ на чужбинѣ, — сознавая всю «ненормаль-
ность» — съ точки зрѣнія обычныхъ внѣшнихъ формъ жиз-
ни — нашего нынѣшняго существованія, вмѣстѣ съ тѣмъ
вправѣ и обязаны сказать, что именно на этомъ ненор-
мальномъ образѣ жизни мы впервые познали истинное
вѣчное существо жизни. Мы бездомные и безпріютные
странники — но развѣ человекъ на землѣ не есть, въ
болѣе глубокомъ смыслѣ, всегда бездомный и безпріют-
ный странникъ? Мы испытали на себѣ, своихъ близкихъ,
своемъ существѣ и своей карьерѣ величайшія преврат-
ности судьбы — но развѣ самое существо судьбы не въ
томъ, что она превратна? Мы ощутили близость и грозную
реальность смерти — но развѣ это — только реальность
сегодняшняго дня? Среди роскошнаго и безпечнаго быта
русской придворной среды 18 вѣка русскій поэтъ воскли-
цалъ: «Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ; гдѣ
пиршествъ раздавались клики — надгробные тамъ сто-
нутъ лики, и блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ.» Мы обрече-
ны на тяжкій изнуряющій трудъ ради ежедневнаго про-
питанія — но развѣ уже Адаму, при изгнаніи изъ рая, не
было предречено и заповѣдано: «въ потѣ лица своего ты
будешь есть хлѣбъ свой?»

Такъ передъ нами теперь, черезъ увеличительное
стекло нашихъ нынѣшнихъ бѣдствій, съ явностью пред-
стала сама сущность жизни во всей ея превратности,
скоротечности, тягостности, — во всей ея бессмысленно-
сти. И потому всѣхъ людей мучащій, передъ всѣми не-
отвязно стоящій вопросъ о смыслѣ жизни приобрѣлъ для

насъ, какъ бы впервые вкусившихъ самое существо жизни и лишенныхъ возможности спрятаться отъ нея или прикрыть ее обманчивой и смягчающей ея ужасъ видимостью, совершенно исключительную остроту. Легко было не задуматься надъ этимъ вопросомъ, когда жизнь, по крайней мѣрѣ внѣшне-видимая, текла ровно и гладко, когда — за вычетомъ относительно рѣдкихъ моментовъ трагическихъ испытаній, казавшихся намъ исключительными и ненормальными — жизнь являлась намъ спокойной и устойчивой, когда у каждаго изъ насъ было наше естественное и разумное дѣло и, за множествомъ вопросовъ текущаго дня, за множествомъ живыхъ и важныхъ для насъ частныхъ дѣлъ и вопросовъ, общій вопросъ о жизни въ ея цѣломъ только мерещилъ гдѣ-то въ туманной дали и смутно-потаенно тревожилъ насъ. Особенно въ молодомъ возрастѣ, когда разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ жизни предвидится въ будущемъ, когда запасъ жизненныхъ силъ, требующихъ приложенія, это приложеніе по большей части и находилъ, и условія жизни легко позволяли жить мечтами, лишь немногіе изъ насъ остро и напряженно страдали отъ сознанія бессмысленности жизни. Не то теперь. Потерявъ родину, и съ нею естественную почву для дѣла, которое даетъ хотя бы видимость осмысленія жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ лишенные возможности въ безопасномъ молодомъ веселіи наслаждаться жизнью и въ этомъ стихійномъ увлеченіи ея соблазнами забывать о неумолимой ея суровости, обреченные на тяжкій изнуряющій и подневольный трудъ для своего пропитанія — мы вынуждены ставить себѣ вопросъ: для чего жить? Для чего тянуть эту нелѣпую и тягостную лямку?

Чѣмъ оправданы наши страданія? Гдѣ найти неизбежную опору, чтобы не упасть подъ тяжестью жизненной нужды?

Правда, большинство русскихъ людей еще старается отогнать отъ себя эти грозныя и тоскливыя думы страстной мечтой о будущемъ обновленіи и возрожденіи нашей общей русской жизни. Русскіе люди вообще имѣли привычку жить мечтами о будущемъ; и раньше имъ казалось, что будничная, суровая и тусклая жизнь сегодняшняго дня есть, собственно, случайное недоразумѣніе, временная задержка въ наступленіи истинной жизни, томительное ожиданіе, нѣчто вродѣ томленія на какой-то случайной остановкѣ поѣзда; но завтра, или черезъ нѣсколько лѣтъ, словомъ, во всякомъ случаѣ вскорѣ въ будущемъ все измѣнится, откроется истинная, разумная и счастливая жизнь; весь смыслъ жизни — въ этомъ будущемъ, а сегодняшній день для жизни не въ счетъ. Это настроеніе мечтательности и его отраженіе на нравственной волѣ, эта нравственная несерьезность, презрѣніе и равнодушіе къ настоящему и внутренне-лживая, неосновательная идеализація будущаго, — это духовное состояніе и есть, вѣдь, послѣдній корень той нравственной болѣзни, которую мы называемъ революціонностью и которая загубила русскую жизнь. Но никогда, быть можетъ, это духовное состояніе не было такъ распространено, какъ именно теперь; и надо признать, что никогда еще для него не было такъ много основаній или поводовъ, какъ именно теперь. Нельзя, вѣдь, отрицать, что долженъ же, наконецъ, рано или поздно наступить день, когда русская жизнь выберется изъ той трясины, въ которую она попала и въ которой она теперь неподвижно замерла;

нельзя отрицать, что именно съ этого дня наступить для насъ время, которое не только облегчитъ личныя условія нашей жизни, но — что гораздо важнѣе — поставитъ насъ въ болѣе здоровыя и нормальныя общія условія, раскроетъ возможность разумнаго дѣла, оживитъ наши силы черезъ новое погруженіе нашихъ корней въ родную почву.

И все таки, и теперь это настроеніе перенесенія вопроса о смыслѣ жизни съ сегодняшняго дня на чаемое и невѣдомое будущее, ожиданіе его рѣшенія не отъ внутренней духовной энергіи нашей собственной воли, а отъ непредвидимыхъ перемѣнъ судьбы, это совершенное презрѣніе къ настоящему и капитуляція передъ нимъ, за счетъ мечтательной идеализаціи будущаго — есть такая же душевная и нравственная болѣзнь, такое же извращеніе здороваго, вытекающаго изъ самого духовнаго существа человѣка, отношенія къ дѣйствительности и къ задачамъ собственной жизни, какъ и всегда; и исключительная интенсивность этого настроенія свидѣтельствуетъ лишь объ интенсивности нашего заболѣванія. И обстоятельства жизни складываются такъ, что и намъ самимъ это постепенно становится все яснѣе. Наступленіе этого рѣшающаго свѣтлаго дня, которое мы долго ждали чуть не завтра или послѣ-завтра, оттягивается на долгіе года; и чѣмъ больше времени мы ждемъ его, чѣмъ больше нашихъ надеждъ оказалось призрачными, тѣмъ туманнѣе становится въ будущемъ возможность его наступленія; онъ отходитъ для насъ въ какую-то неуловимую даль, мы ждемъ его уже не завтра и послѣ-завтра, а только «черезъ нѣсколько лѣтъ», и никто уже не можетъ предсказать, ни сколько лѣтъ мы должны его ждать, ни по-

чему именно и при какихъ условіяхъ онъ наступить. И уже многіе начинаютъ думать, что этотъ желанный день вообще, быть можетъ, не придетъ замѣтнымъ образомъ, не проложить рѣзкой ,абсолютной грани между ненавистнымъ и презрѣннымъ настоящимъ и свѣтлымъ, радостнымъ будущимъ, а что русская жизнь будетъ лишь незамѣтно и постепенно, быть можетъ, рядомъ мелкихъ толчковъ, выпрямляться и приходить въ болѣе нормальное состояніе. И при полной непроницаемости для насъ будущаго, при обнаружившейся ошибочности всѣхъ прогнозовъ, уже неоднократно обѣщавшихъ намъ наступленіе этого дня, нельзя отрицать правдоподобія или, по меньшей мѣрѣ, возможности такого исхода. Но одно допущеніе этой возможности уже разрушаетъ всю духовную позицію, которая осуществленіе подлинной жизни откладываетъ до этого рѣшающаго дня и ставитъ въ полную зависимость отъ него. Но и помимо этого соображенія — долго ли, вообще ,мы должны и можемъ *ждать*, и можно ли проводить нашу жизнь въ бездѣйственномъ и бессмысленномъ, неопредѣленно-долгомъ *ожиданіи*? Старшее поколѣніе русскихъ людей уже начинаетъ свываться съ горькой мыслью, что оно, быть можетъ, или вообще не доживетъ до этого дня, или встрѣтитъ его въ старости, когда вся дѣйственная жизнь будетъ уже въ прошломъ; младшее поколѣніе начинаетъ убѣждаться, по меньшей мѣрѣ, въ томъ, что лучшіе годы его жизни уже проходятъ и, можетъ быть, безъ остатка пройдутъ въ такомъ ожиданіи. И если бы мы еще могли проводить жизнь не въ бессмысленно-томительномъ ожиданіи этого дня, а въ дѣйственномъ его подготовленіи, если бы намъ

дана была — какъ это было въ прежнюю эпоху — возможность революціоннаго *дѣйствія*, а не только революціонныхъ мечтаній и словопреній! Но и эта возможность для огромнаго, преобладающаго большинства насъ отсутствуетъ, и мы ясно видимъ, что многіе изъ тѣхъ, кто считаетъ себя обладающимъ этой возможностью, заблуждаются именно потому, что, отравленные этой болѣзью мечтательности, просто уже разучились отличать подлинное, серьезное, плодотворное *дѣло* отъ протыхъ словопреній, отъ бессмысленныхъ и ребяческихъ буръ въ стаканѣ воды. Такъ сама судьба — или великія сверхчеловѣческія силы, которыя мы смутно прозрѣваемъ позади слѣпой судьбы — отучаютъ насъ отъ этой убаюкивающей, но растлѣвающей болѣзни мечтательнаго перенесенія вопроса о жизни и ея смыслѣ въ неопредѣленную даль будущаго, отъ трусливой обманчивой надежды, что кто-то или что-то во внѣшнемъ мірѣ рѣшитъ его за насъ. Теперь уже большинство изъ насъ, если не ясно сознаетъ, то, по меньшей мѣрѣ, смутно чувствуетъ, что вопросъ о чаемомъ возрожденіи родины и связанномъ съ нимъ улучшеніи судьбы каждаго изъ насъ совсѣмъ не конкурируетъ съ вопросомъ о томъ, какъ и для чего намъ жить сегодня — въ томъ *сегодня*, которое растягивается на долгіе годы и можетъ затянуться и на всю нашу жизнь, — а тѣмъ самымъ, съ вопросомъ о вѣчномъ и абсолютномъ смыслѣ жизни, какъ таковой, — совсѣмъ не заслоняетъ собой этого, какъ мы ясно ощущаемъ, все же важнѣйшаго и самаго насущнаго вопроса. Болѣе того: вѣдь этотъ чаемый «день» грядущаго не самъ же собою перестроитъ заново всю русскую жизнь и создастъ болѣе разумныя ея

условія. Вѣдь это должны будутъ совершить сами русскіе люди, *въ томъ числѣ каждый изъ насъ*. А что, если въ томительномъ ожиданіи мы растеряемъ весь запасъ нашихъ духовныхъ силъ, если къ тому времени, бесполезно истративъ нашу жизнь на бессмысленное томленіе и безцѣльное прозябаніе, мы уже потеряемъ ясныя представленія о добрѣ и злѣ, о желанномъ и недостойномъ образѣ жизни? Можно ли обновить общую жизнь, не зная, *для себя самага*, для чего ты вообще живешь и какой вѣчный, объективный смыслъ имѣетъ жизнь въ ея цѣломъ? Не видимъ ли мы уже теперь, какъ многіе русскіе люди, потерявъ надежду на разрѣшеніе этого вопроса, либо тупѣютъ и духовно замираютъ въ будничныхъ заботахъ о кускѣ хлѣба, либо кончаютъ жизнь самоубійствомъ, либо, наконецъ, нравственно умираютъ, отъ отчаянія становясь прожигателями жизни, идя на преступленія и нравственное разложеніе ради самозабвенія въ буйныхъ наслажденіяхъ, пошлость и эфемерность которыхъ сознаетъ сама ихъ охлажденная душа?

Нѣтъ, отъ вопроса о смыслѣ жизни намъ — именно намъ, въ нашемъ нынѣшнемъ положеніи и духовномъ состояніи — никуда не уйти, и тщетны надежды подмѣннить его какими либо суррогатами, заморить сосущаго внутри червя сомнѣнія какими либо иллюзорными дѣлами и мыслями. Именно наше время таково — объ этомъ мы говорили въ книжкѣ «Крушеніе кумировъ», — что всѣ кумиры, соблазнявшіе и слѣпившіе насъ прежде, рушатся одинъ за другимъ, избличенные въ своей лжи, всѣ украшающія и затуманившія завѣсы надъ жизнью ниспадаютъ, всѣ иллюзіи гибнутъ сами собой. Остается жизнь,

сама жизнь во всей своей неприглядной наготѣ, со всей своей тягостностью и бессмысленностью — жизнь, равносильная смерти и небытію, но чуждая покоя и забвенія небытія. Та, на Синайскихъ высотахъ поставленная Богомъ, черезъ древній Израиль, всѣмъ людямъ и навѣки задача: «жизнь и смерть предложилъ я тебѣ, благословеніе и проклятіе; избери жизнь, дабы жилъ ты и потомство твое» — эта задача научиться отличить истинную жизнь отъ жизни, которая есть смерть, — понять тотъ смыслъ жизни, который впервые вообще дѣлаетъ жизнь жизнью, то Слово Божіе, которое есть истинный, насыщающій насъ хлѣбъ жизни — эта задача именно въ наши дни великихъ катастрофъ, великой кары Божіей, въ силу которой разодраны всѣ завѣсы и всѣ мы снова «впали въ руки Бога живого», стоитъ передъ нами съ такой неотвязностью, съ такой неумолимо-грозной очевидностью, что никто, разъ ощутившій ее, не можетъ уклониться отъ обязанности ея разрѣшенія.

2. «ЧТО ДѢЛАТЬ?»

Издавна — свидѣтельство тому заглавіе извѣстнаго, когда то прогремѣвшаго романа Чернышевскаго — русскій интеллигентъ привыкъ вопросъ о «смыслѣ жизни» ставить въ формѣ вопроса :«что дѣлать?»

Вопросъ: «что дѣлать?» можетъ ставиться, конечно, въ весьма различныхъ смыслахъ. Наиболѣе опредѣленный и разумный смыслъ — можно сказать, единственный вполне разумный смыслъ, допускающій точный отвѣтъ — онъ имѣетъ, когда подъ нимъ подразумѣвается отысканіе *пути* или *средства* къ какой либо, уже заранѣе признанной и безспорной для вопрошающаго цѣли. Можно спрашивать, что нужно дѣлать, чтобы поправить свое здоровье, или чтобы получить заработокъ, обеспечивающій жизнь, или чтобы имѣть успѣхъ въ обществѣ и т. п. И притомъ наиболѣе плодотворна постановка вопроса, когда она обладаетъ максимальной конкретностью; тогда на нее часто можетъ слѣдовать одинъ единственный и вполне обоснованный отвѣтъ. Такъ, конечно, вмѣсто общаго вопроса: «что дѣлать, чтобы быть здоровымъ?», плодотворнѣе поставить вопросъ такъ, какъ мыгоставимъ на консультаціи у врача: «что нужно дѣлать мнѣ въ моемъ

возрастѣ, при такомъ-то моемъ прошломъ, при такомъ-то образѣ жизни и общемъ состояніи организма, чтобы вылѣчиться отъ такого-то опредѣленнаго недуга?» И по этому образцу надлежало бы формулировать всѣ аналогичные вопросы. Легче найти отвѣтъ, и отвѣтъ будетъ болѣе точнымъ, если вопросъ о средствахъ достиженія здоровья, матеріальнаго благополучія, успѣха въ любви, и т. п. ставится въ формѣ совершенно конкретной, въ которой учтены и всѣ частныя, индивидуальныя свойства самого вопрошающаго, и окружающая обстановка, и если — главное — сама цѣль его стремленія есть не нѣчто неопредѣленно-общее, вродѣ здоровья или богатства *вообще*, а нѣчто вполне конкретное — излѣченіе данной болѣзни, заработокъ по опредѣленной профессіи и т. п. Такіе вопросы: «что мнѣ дѣлать въ данномъ случаѣ, чтобы достигнуть данной конкретной цѣли», мы, собственно, ставимъ себѣ ежедневно, и каждый шагъ нашей практической жизни есть итогъ разрѣшенія одного изъ нихъ. Нѣтъ никакого основанія обсуждать смыслъ и законность вопроса «что дѣлать?» въ такой совершенно конкретной и вмѣстѣ съ тѣмъ разсудочно-дѣловой его формѣ.

Но, конечно, *этотъ* смыслъ вопроса не имѣетъ ничего, кромѣ словеснаго выраженія, общаго съ тѣмъ мучительнымъ, требующимъ принципиальнаго разрѣшенія и вмѣстѣ съ тѣмъ по большей части не находящимъ его, значеніемъ, въ которомъ этотъ вопросъ ставится тогда, когда онъ для самого вопрошающаго тождественъ съ вопросомъ о смыслѣ его жизни. Тогда это есть, прежде всего, вопросъ не о средствѣ къ достиженію опредѣленной цѣли,

а вопросъ о самой цѣли жизни и дѣятельности. Но и въ такой постановкѣ вопросъ можетъ опять-таки ставиться въ разныхъ , и притомъ существенно отличныхъ другъ отъ друга, смыслахъ. Такъ, въ молодомъ возрастѣ неизбежно ставится вопросъ о выборѣ того или иного жизненнаго пути изъ многихъ, открывающихся здѣсь возможностей. «Что мнѣ дѣлать?» значить тогда: какую спеціальную жизненную работу, какую профессію мнѣ избрать, или какъ мнѣ правильно опредѣлить мое призваніе. «Что мнѣ дѣлать?» — подъ этимъ подразумѣваются здѣсь вопросы такого порядка: «поступить ли мнѣ, напр. въ высшее учебное заведеніе или сразу стать дѣятелемъ практической жизни, научиться ремеслу, начать торговать, поступить на службу? И въ первомъ случаѣ — на какой «факультетъ» мнѣ поступить? Готовить ли себя къ дѣятельности врача, или инженера, или агронома и т. п.? Конечно, правильный и точный отвѣтъ на этотъ вопросъ возможенъ и здѣсь только при учетеніи всѣхъ конкретныхъ условій, какъ самого вопрошающаго лица (его склонностей и способностей, его здоровья, силы его воли и т. п.) такъ и внѣшнихъ условій его жизни (его матеріальной обезпеченности, сравнительной трудности — въ данной странѣ и въ данное время — каждаго изъ различныхъ путей, относительной выгодности той или иной профессіи, опять таки въ данное время и въ данномъ мѣстѣ и т. п.). Но главное — даже только принципиальная возможность опредѣленнаго и вѣрнаго отвѣта на вопросъ дана лишь въ случаѣ, если вопрошающему уже ясна послѣдняя цѣль его стремленій, высшая и важнѣйшая для него цѣнность жизни. Онъ долженъ прежде всего провѣрить себя

и рѣшить про себя, что ему важнѣе всего при этомъ выборѣ, какими, собственно, мотивами онъ руководится — ищетъ ли онъ при выборѣ профессіи и жизненнаго пути, прежде всего, матеріальной обезпеченности, или славы и виднаго общественнаго положенія, или удовлетворенія внутреннихъ — и въ такомъ случаѣ какихъ именно — запросовъ своей личности. Такъ обнаруживается, что и здѣсь мы лишь кажущимся образомъ рѣшаемъ вопросъ о цѣли нашей жизни, а на самомъ дѣлѣ обсуждаемъ лишь разныя средства или пути къ какой-то цѣли, которая либо уже извѣстна, либо должна быть намъ извѣстна; и, слѣдовательно, вопросы такого порядка отходятъ также, въ качествѣ чисто дѣловыхъ и разсудочныхъ вопросовъ о средствахъ къ опредѣленной цѣли, къ разряду вопросовъ, упомянутыхъ выше, хотя здѣсь дѣло идетъ не о цѣлесобразности отдѣльнаго, единичнаго шага или дѣйствія, а о цѣлесообразности общаго опредѣленія постоянныхъ условій и постояннаго круга жизни и дѣятельности.

Въ точномъ смыслѣ вопросъ «что мнѣ дѣлать?» со значеніемъ: «къ чему мнѣ стремиться?», «какую жизненную цѣль себѣ поставить?» поднимается тогда, когда вопрошающему неясно само содержаніе высшей, послѣдней, все остальное опредѣляющей цѣли и цѣнности жизни. Но и тутъ еще возможны весьма существенныя различія въ смыслѣ вопроса. При всякой *индивидуальной* постановкѣ вопроса: «что *мнѣ*, NN, лично дѣлать, какую цѣль или цѣнность я долженъ избрать для *себя*, въ качествѣ опредѣляющей мою жизнь?» молчаливо допускается, что есть нѣкая сложная іерархія цѣлей и цѣнностей и соотвѣтствующая ей прирожденная іерархія личностей; и дѣло

идеть о томъ, чтобы каждый (и прежде всего — я) попалъ на надлежащее мѣсто въ этой системѣ, отыскалъ въ этомъ многоголосомъ хорѣ соотвѣтствующій *своей* личности правильный голосъ. Вопросъ въ этомъ случаѣ сводится къ вопросу самопознанія, къ уясненію того, къ чему я собственно призванъ, какую роль въ міровомъ цѣломъ предназначила именно *мнѣ* природа или Провидѣніе. Въ сомнѣнія здѣсь остается наличие самой іерархіи цѣлей или цѣнностей и общее представленіе объ ея содержаніи *въ цѣломъ*.

Только теперь мы подошли, путемъ отклоненія всѣхъ иныхъ смысловъ вопроса «что дѣлать?», къ тому его значенію, въ которомъ онъ непосредственно скрываетъ въ себѣ вопросъ о смыслѣ жизни. Когда я ставлю вопросъ не о томъ, что *мнѣ лично* дѣлать (хотя бы въ высшемъ, только что указанномъ смыслѣ — какую изъ жизненныхъ цѣлей или цѣнностей признать для себя опредѣляющей и главнѣйшей), а о томъ, что нужно дѣлать *вообще*, или всѣмъ людямъ, то я подразумеваю недоумѣніе, непосредственно связанное съ вопросомъ о смыслѣ жизни. Жизнь, такъ, какъ она непосредственно течетъ, опредѣляемая стихійными силами, бессмысленна; что нужно сдѣлать, какъ наладить жизнь, чтобы она стала *осмысленной* — вотъ къ чему здѣсь сводится недоумѣніе. Каково то единственное, общее для всѣхъ людей *дѣло*, которымъ осмысляется жизнь и черезъ участіе въ которомъ, слѣдовательно, впервые приобрѣтаетъ смыслъ и моя жизнь?

Къ этому и сводится типично-русскій смыслъ вопроса «что дѣлать?». Еще точнѣе онъ значитъ: «что дѣлать *мнѣ* и другимъ, — чтобы *спасти міръ и тѣмъ впервые оправ-*

дать свою жизнь?» Въ основѣ этого вопроса лежитъ рядъ предпосылокъ, которыя мы могли бы выразить примѣрно такъ: Мiръ въ его непосредственномъ, эмпирическомъ бытiи и теченiи, безсмысленъ; онъ погибаетъ отъ страданiй, лишенiй, нравственнаго зла — эгоизма, ненависти, несправедливости; всякое простое участiе въ жизни мiра, въ смыслѣ простого вхожденiя въ составъ стихiйныхъ силъ, столкновенiемъ которыхъ опредѣляется его теченiе, есть соучастiе въ безсмысленномъ хаосѣ, въ силу чего и собственная жизнь участника есть лишь безсмысленный наборъ слѣпыхъ и тягостныхъ внѣшнихъ случайностей; но человекъ призванъ сообща *преобразить* мiръ и *спасти* его, устроить его такъ, чтобы высшая его цѣль была дѣйствительно осуществлена въ немъ. И вопросъ заключается въ томъ, какъ найти то *дѣло* (дѣло, общее всѣмъ людямъ), которое осуществить спасенiе мiра. Словомъ, «что дѣлать,» значитъ здѣсь: «какъ передѣлать мiръ, чтобы осуществить въ немъ абсолютную правду и абсолютный смыслъ?»

Русскiй человекъ страдаетъ отъ безсмыслицы жизни. Онъ остро чувствуетъ, что, если онъ просто «живетъ, какъ всѣ» — ѣсть, пить, женится, трудится для пропитанiя семьи, даже веселится обычными земными радостями, онъ живетъ въ туманномъ, безсмысленномъ водоворотѣ, какъ щепка уносится теченiемъ времени, и передъ лицомъ неизбѣжнаго конца жизни не знаетъ, для чего онъ жилъ на свѣтѣ. Онъ всѣмъ существомъ своимъ ощущаетъ, что нужно не «просто жить», а жить *для чего-то*. Но именно типичный русскiй интеллигентъ думаетъ, что «жить для чего-то» значитъ жить для соучастiя въ какомъ-то

великомъ общемъ дѣлѣ, которое совершенствуетъ міръ и ведетъ его къ конечному спасенію. Онъ только не знаетъ, въ чемъ же заключается это единственное, общее всѣмъ людямъ дѣло, и въ этомъ смыслѣ спрашиваетъ: «что дѣлать?»

Для огромнаго большинства русскихъ интеллигентовъ прошлой эпохи — начиная съ 60-хъ, отчасти даже съ 40-хъ годовъ прошлаго вѣка вплоть до катастрофы 1917 года—вопросъ: «что дѣлать?» въ этомъ смыслѣ получалъ одинъ, вполне опредѣленный отвѣтъ: улучшать политическія и соціальныя условія жизни народа, устранить тотъ соціально-политическій строй, отъ несовершенствъ котораго гибнетъ міръ, и вводитъ новый строй, обеспечивающій царство правды и счастья на землѣ и тѣмъ вносящій въ жизнь истинный смыслъ. И значительная часть русскихъ людей этого типа твердо вѣрила, что съ революціоннымъ крушеніемъ стараго порядка и водвореніемъ новаго, демократическаго и соціалистическаго порядка, эта цѣль жизни сразу и навсегда будетъ достигнута. Добивались этой цѣли съ величайшей настойчивостью, страстностью и самоотверженностью, безъ оглядки калѣчили и свою, и чужую жизнь — и добились! И когда цѣль была достигнута, старые порядки низвергнуты, социализмъ твердо осуществленъ, тогда оказалось, что не только міръ не былъ спасенъ, не только жизнь не стала осмысленной, но на мѣсто прежней, хотя съ абсолютной точки зрѣнія бессмысленной, но относительно налаженной и устроенной жизни, которая давала, по крайней мѣрѣ, возможность *искать* лучшаго, наступила полная и совершенная бессмыслица, хаосъ крови, ненависти, зла и не-

лѣпости — жизнь, какъ сущій адъ. Теперь многіе, въ полной аналогіи съ прошлымъ и только перемѣнивъ содержаніе политическаго идеала, вѣруютъ, что спасеніе міра — въ «сверженіи большевиковъ», въ водвореніи старыхъ общественныхъ формъ, которыя теперь, послѣ ихъ потери, представляются глубоко-осмысленными, возвращающими жизни ея утраченный смыслъ; борьба за восстановленіе прошлыхъ формъ жизни — будь то недавнее прошлое политическаго могущества русской Имперіи, будь то давнее прошлое, идеаль «Святой Руси», какъ онъ мнится осуществленнымъ въ эпоху московскаго царства — или ,вообще и шире говоря, — осуществленіе какихъ-то , освященныхъ давними традиціями — разумныхъ общественно-политическихъ формъ жизни становится единственнымъ дѣломъ, осмысляющимъ жизнь, общимъ отвѣтомъ на вопросъ: «что дѣлать?»

Наряду съ этимъ русскимъ духовнымъ типомъ есть и другой , по существу, однако, ему родственный. Для него вопросъ «что дѣлать» получаетъ отвѣтъ: «нравственно совершенствоваться». Міръ можно и должно спасти, его бессмысленность — замѣнить осмысленностью, если каждый человѣкъ будетъ стараться жить не слѣпыми страстями, а «разумно», въ согласіи съ нравственнымъ идеаломъ. Типичнымъ образцомъ такого умонастроенія является *толстовство*, которое частично и безсознательно исповѣдуютъ или къ которому склоняются многіе русскіе люди и за предѣлами собственно «толстовцевъ». «Дѣло», которое здѣсь должно спасти міръ, есть уже не внѣшнее политическое и общественное дѣланіе, тѣмъ менѣе — насильственная революціонная дѣятельность, а внутренняя

воспитательная работа надъ самимъ собой и другими. Но непосредственная цѣль ея — та же: внесеніе въ міръ новаго общаго порядка, новыхъ отношеній между людьми и способовъ жизни, которые «спасаютъ» міръ; и часто эти порядки мыслятся съ содержаніемъ чисто внѣшне-эмпирическимъ: вегетаріанство, земледѣльческій трудъ и т. п. Но и при самомъ глубокомъ и тонкомъ пониманіи этого «дѣла», именно какъ внутренней работы нравственнаго совершенствованія, общія предпосылки умонастроенія тѣ же: дѣло остается именно «дѣломъ», т. е. по человѣческому замыслу и человѣческими силами осуществляемая планомѣрная міровая реформа, освобождающая міръ отъ зла и тѣмъ осмысливающая жизнь .

Можно было бы указать еще на нѣкоторые иные, возможные и реально встрѣчающіеся варианты этого умонастроенія, но для нашей цѣли это несущественно. Намъ важно здѣсь не разсмотрѣніе и рѣшеніе вопроса «что дѣлать?» въ намѣченномъ здѣсь его смыслѣ, не оцѣнка разныхъ возможныхъ *ответовъ* на него, а уясненіе смысла и цѣнности самой постановки вопроса. А въ ней всѣ различные варианты отвѣтовъ сходятся. Въ основѣ ихъ всѣхъ лежитъ непосредственное убѣжденіе, что есть такое единое великое общее *дѣло*, которое спасетъ міръ и соучастіе въ которомъ впервые даруетъ смыслъ жизни личности. Въ какой мѣрѣ можно признать такую постановку вопроса правильнымъ путемъ къ обрѣтенію смысла жизни?

Въ основѣ ея, несмотря на всю ея извращенность и духовную недостаточность (къ уясненію которой мы сейчасъ и обратимся), несомнѣнно лежитъ глубокое и вѣр-

ное , хотя и смутное, религиозное чувство. Безсознательными корнями своими она соединена съ христіанской надеждой «новаго неба и новой земли». Она правильно сознаетъ фактъ безсмысленности жизни въ ея нынѣшнемъ состояніи, и праведно не можетъ съ нимъ примириться; несмотря на эту фактическую безсмысленность, она, вѣруя въ возможность обрѣсти смыслъ жизни или осуществить его, тѣмъ самымъ свидѣтельствуетъ о своей, хотя и безсознательной , вѣрѣ въ начала и силы высшія, чѣмъ эта безсмысленная эмпирическая жизнь. Но, не отдавая себѣ отчета въ своихъ необходимыхъ предпосылкахъ, она въ своихъ сознательныхъ вѣрованіяхъ содержитъ рядъ противорѣчій и ведетъ къ существенному искаженію здраваго, подлинно обоснованнаго отношенія къ жизни.

Прежде всего ,эта вѣра въ смыслъ жизни, обрѣтаемый черезъ соучастіе въ великомъ общемъ дѣлѣ, долженствующемъ спасти міръ, необоснована. Въ самомъ дѣлѣ, на чемъ основано здѣсь убѣжденіе въ *возможности* спасенія міра? Если жизнь такъ, какъ она непосредственно есть, насквозь безсмысленна, то откуда въ ней могутъ взяться силы для внутренняго самоисправленія, для уничтоженія этой безсмысленности? Очевидно, что въ совокупности силъ, участвующихъ въ осуществленіи міроваго спасенія,это умонастроеніе предполагаетъ какое-то новое, иное, постороннее эмпирической природѣ жизни начало, которое вторгается въ нее и ее исправляетъ. Но откуда можетъ взяться это начало, и какова его собственная сущность? Это начало есть здѣсь — осознанно или безсознательно — *человѣкъ*, его стремленія къ совершенству, къ идеалу, живущія въ немъ нравственныя силы добра;

въ лицѣ этого умонастроенія мы имѣемъ дѣло съ явнымъ или скрытымъ *гуманизмомъ*. Но что такое человѣкъ и какое значеніе онъ имѣетъ въ мірѣ? Чѣмъ обеспечена возможность человѣческаго прогресса, постепеннаго, — а можетъ быть и внезапнаго — достиженія имъ совершенства? Въ чемъ гарантіи, что человѣческія представленія о добрѣ и совершенствѣ *истинны*, и что опредѣленные этими представленіями нравственныя усилія восторжествуютъ надъ всѣми силами зла, хаоса и слѣпыхъ страстей? Не забудемъ, что человѣчество втеченіе всей своей исторіи стремилось къ этому совершенству, со страстью отдавалось мечтѣ о немъ, и въ извѣстной мѣрѣ вся его исторія есть не что иное, какъ исканіе этого совершенства; и все же теперь мы видимъ, что это исканіе было слѣпымъ блужданіемъ, что оно доселѣ не удалось, и непосредственная стихійная жизнь во всей ея бессмысленности оказалась непобѣжденной. Какая же можетъ быть у насъ увѣренность въ томъ, что именно *мы* окажемся счастливѣе или умнѣе всѣхъ нашихъ предковъ, что мы правильно опредѣлимъ дѣло, спасающее жизнь, и будемъ имѣть удачу въ его осуществленіи? Особенно наша эпоха, послѣ разительной трагической неудачи завѣтныхъ стремленій многихъ русскихъ поколѣній спасти Россію, а черезъ нее и весь міръ, съ помощью демократической революціи и социализма, получила такой внушительный урокъ въ этомъ отношеніи, что, казалось бы, отнынѣ намъ естественно стать болѣе осторожными и скептическими въ построеніи и осуществленіи плановъ спасенія міра. Да и при томъ самыя причины этого трагическаго крушенія нашихъ прошлыхъ мечтаній намъ теперь, при желаніи

внимательно вдуматься въ нихъ, вполне ясны: онѣ заключаются не только въ ошибочности самого намѣченнаго *плана спасенія*, а прежде всего въ непригодности самаго человѣческаго матеріала «спасителей» (будь то вожди движенія, или увѣровавшія въ нихъ народныя массы, принявшіяся осуществлять воображаемую правду и истреблять зло): эти «спасители», какъ мы теперь видимъ, безмѣрно преувеличивали, въ своей слѣпой ненависти, зло прошлаго, зло всей эмпирической, уже осуществленной, окружавшей ихъ жизни, и столь же безмѣрно преувеличивали, въ своей слѣпой гордынѣ, свои собственныя умственныя и нравственныя силы; да и сама ошибочность намѣченнаго ими плана спасенія проистекала, въ конечномъ счетѣ, изъ этой *нравственной* ихъ слѣпоты. Гордые спасители міра, противопоставлявшіе себя и свои стремленія, какъ высшее разумное и благое начало, злу и хаосу всей реальной жизни, оказались сами проявленіемъ и продуктомъ — и притомъ однимъ изъ самыхъ худшихъ — этой самой злой и хаотической русской дѣйствительности; все накопившееся въ русской жизни зло — ненависть и невниманіе къ людямъ, горечь обиды, легкомысліе и нравственная распущенность, невѣжество и легковѣріе, духъ отвратительнаго самодурства, неуваженіе къ праву и правдѣ — сказались именно въ *нихъ самихъ*, мнившихъ себя высшими, какъ бы изъ иного міра пришедшими, спасителями Россіи отъ зла и страданій. Какія же гарантіи мы имѣемъ теперь, что мы опять не окажемся въ жалкой и трагической роли спасителей, которые сами безнадежно плѣнены и отравлены тѣмъ зломъ и той безсмыслицей, отъ которыхъ они хотятъ спасти другихъ.

Но и независимо отъ этого страшнаго урока, который, казалось бы, долженъ былъ научить насъ какой то существенной реформѣ не только въ *содержаніи* нашего нравственно-общественнаго идеала, но и въ самомъ *строе-ніи* нашего нравственнаго отношенія къ жизни, — простое требованіе логической послѣдовательности мыслей вынуждаетъ насъ искать отвѣта на вопросъ: на чемъ основана наша вѣра въ разумность и побѣдоносность силъ, побѣждающихъ безсмысленность жизни, если эти силы сами принадлежать къ составу этой же жизни? Или, иначе говоря: можно ли вѣрить, что сама жизнь, полная зла, какимъ-то внутреннимъ процессомъ самоочищенія и самопреодолѣнія, съ помощью силъ, растущихъ изъ нея самой, спасетъ себя, что міровая бессмыслица въ лицѣ человѣка побѣдитъ сама себя и насадитъ въ себѣ царство истины и смысла?

Но оставимъ даже пока въ сторонѣ этотъ тревожный вопросъ, явно требующій отрицательнаго отвѣта. Допустимъ, что мечта о всеобщемъ спасеніи, объ установленіи въ мірѣ царства добра, разума и правды осуществима человѣческими силами, и что мы можемъ уже теперь участвовать въ его подготовленіи. Тогда возникаетъ вопросъ: освобождаетъ ли насъ отъ безсмысленности жизни, даруетъ ли нашей жизни смыслъ грядущее наступленіе этого идеала и наше участіе въ его осуществленіи? Нѣкогда въ будущемъ, — все равно, отдаленномъ или близкомъ — всѣ люди будутъ счастливы, добры и разумны; ну, а весь неисчислимый рядъ чюдскихъ поколѣній, уже сошедшихъ въ могилу, и мы сами, живущіе теперь, до наступленія этого состоянія — *для чего* всѣ они жили или

живуть? Для подготовки этого грядущаго блаженства? Пусть такъ. Но вѣдь они сами уже не будутъ его участниками, ихъ жизнь прошла или проходитъ безъ непосредственнаго соучастія въ немъ — чѣмъ же она оправдана или осмыслена? Неужели можно признать осмысленной роль навоза, служащаго для удобренія и тѣмъ содѣйствующаго будущему урожаю? Человѣкъ, употребляющій навозъ для этой цѣли, *для себя*, конечно, поступаетъ осмысленно, но человѣкъ *въ роли навоза* врядъ ли можетъ чувствовать себя удовлетвореннымъ и свое бытіе осмысленнымъ. Вѣдь если мы вѣримъ въ смыслъ нашей жизни или хотимъ его обрѣсти, то это во всякомъ случаѣ означаетъ — къ чему мы еще вернемся подробнѣе ниже — что мы предполагаемъ найти въ нашей жизни какую-то, *ей самой* присущую, абсолютную цѣль или цѣнность, а не только средство для чего-то другого. Жизнь подъяремнаго раба, конечно, осмысленна для рабовладѣльца, который употребляетъ его, какъ рабочій скотъ, какъ орудіе своего обогащенія; но, *какъ жизнь*, для самого раба, носителя и субъекта живого самосознанія, она, очевидно, абсолютно безсмысленна, ибо цѣликомъ отдана служенію цѣли, которая сама въ составъ этой жизни не входитъ и въ ней не участвуетъ. И если природа или міровая исторія употребляетъ насъ, какъ рабовъ, для накопленія богатства ея избранниковъ — грядущихъ человѣческихъ поколѣній, то и наша собственная жизнь такъ же лишена смысла.

Нигилистъ Базаровъ, въ тургеневскомъ романѣ «Отцы и дѣти», вполне послѣдовательно говоритъ: «какое мнѣ дѣло до того, что мужикъ будетъ счастливъ, когда изъ меня самого будетъ лопухъ расти?» Но мало того, что

наша жизнь остается при этомъ бессмысленной — хотя, конечно, для насъ это и есть самое главное; но и вся жизнь въ цѣломъ, а потому даже и жизнь самихъ грядущихъ участниковъ блаженства «спасеннаго» міра, тоже остается въ силу этого бессмысленной, и міръ совсѣмъ не «спасается» этимъ торжествомъ, когда-то въ будущемъ, идеальнаго состоянія. Есть какая-то чудовищная несправедливость, съ которой совѣсть и разумъ не можетъ примириться, въ такомъ неравномѣрномъ распредѣленіи добра и зла, разума и бессмыслицы, между живыми участниками разныхъ міровыхъ эпохъ — несправедливость, которая дѣлаетъ бессмысленной жизнь, какъ цѣлое. Почему одни должны страдать и умирать во тьмѣ, а другіе, ихъ грядущіе преемники, наслаждаться свѣтомъ добра и счастья? Для чего міръ такъ бессмысленно устроенъ, что осуществленію правды долженъ предшествовать въ немъ долгій періодъ неправды, и неисчислимое множество людей обречены всю свою жизнь проводить въ этомъ чистилищѣ, въ этомъ утомительно-долгомъ «приготовительномъ классѣ» человѣчества? Пока мы не отвѣтимъ на этотъ вопросъ — для чего?, міръ остается бессмысленнымъ, а потому бессмысленно и само грядущее его блаженство. Да оно и будетъ блаженствомъ развѣ только для тѣхъ его участниковъ, которые слѣпы, какъ животныя, и могутъ наслаждаться настоящимъ, забывъ о своей связи съ прошлымъ — такъ же, какъ и сейчасъ могутъ наслаждаться люди-животныя; для мыслящихъ же существъ именно поэтому оно не будетъ блаженствомъ, такъ какъ будетъ отравлено неутолимой скорбью о прошломъ злѣ и прошлыхъ страданіяхъ, неразрѣшимымъ недоумѣніемъ объ ихъ смыслѣ.

Такъ неумолимо стоитъ дилемма. Одно изъ двухъ: или жизнь въ цѣломъ *имѣетъ смыслъ* — тогда она должна имѣть его въ каждое свое мгновеніе, для каждаго поколѣнія людей и для каждаго живого человѣка, сейчасъ, теперь же — совершенно независимо отъ всѣхъ возможныхъ ея измѣненій и предполагаемаго ея совершенствованія въ будущемъ, поскольку это будущее есть *только* будущее и вся прошлая и настоящая жизнь въ немъ не участвуетъ; или же этого нѣтъ, и жизнь, наша нынѣшная жизнь, бессмысленна, — и тогда нѣтъ спасенія отъ бессмыслицы, и все грядущее блаженство міра не искупаетъ и не въ силахъ искупить ее; а потому отъ нея не спасаетъ и наша собственная устремленность на это будущее, наше мысленное предвкушеніе его и дѣйственное соучастіе въ его осуществленіи.

Другими словами: мысля о жизни и ея чаемомъ смыслѣ, мы неизбежно должны сознать жизнь, какъ *единое цѣлое*. Вся міровая жизнь въ цѣломъ, и наша собственная краткая жизнь — не какъ случайный отрывокъ, а какъ нѣчто, несмотря на свою краткость и отрывочность, слитое въ единство со всей міровой жизнью—это двуединство моего «я» и міра должно сознаться, какъ внѣвременное и всеобъемлющее цѣлое, и объ этомъ цѣломъ мы спрашиваемъ: имѣетъ ли оно «смыслъ», и въ чемъ его смыслъ? Поэтому міровой смыслъ, смыслъ жизни никогда не можетъ быть ни осуществленъ во времени, ни вообще приуроченъ къ какому либо времени. Онъ или *есть* — разъ навсегда! или уже его *нѣтъ* — и тогда тоже — разъ навсегда!

И теперь мы приведены назадъ, къ нашему первому

сомнѣнію объ осуществимости спасенія міра человѣкомъ, и можемъ слить его со вторымъ въ одинъ общій отрицательный итогъ. *Мірѣ не можетъ самъ себя передѣлать*, онъ не можетъ, такъ сказать, вылѣзть изъ своей собственной шкуры или — какъ баронъ Мюнхгаузенъ — самого себя вытащить за волосы изъ болота, которое, вдобавокъ здѣсь принадлежитъ къ нему самому, такъ что онъ тонетъ въ болотѣ только потому, что болото это таится въ немъ самомъ. И потому человѣкъ, какъ часть и соучастникъ міровой жизни, не можетъ сдѣлать никакого такого «дѣла», которое спасало бы его и придало смыслъ его жизни. «Смыслъ жизни»—есть ли онъ въ дѣйствительности или его нѣтъ — долженъ мыслиться во всякомъ случаѣ, какъ нѣкое *вѣчное* начало; все, что совершается во времени, все, что возникаетъ и исчезаетъ, будучи частью и отрывкомъ жизни, какъ цѣлаго, тѣмъ самымъ никакъ не можетъ обосновать ея смысла. Всякое дѣло, которое дѣлаетъ человѣкъ, есть нѣчто, производное отъ человѣка, его жизни, его духовной природы; *смыслъ* же человѣческой жизни во всякомъ случаѣ долженъ быть чѣмъ-то, на что человѣкъ опирается, что служить единой, неизмѣнной, абсолютно-прочной *основой* его бытія. Всѣ дѣла человѣка и человѣчества — и тѣ, которыя онъ самъ считаетъ великими, и то, въ которомъ онъ усматриваетъ единственное и величайшее свое дѣло—ничтожны и суетны, если онъ самъ ничтоженъ, если его жизнь по существу не имѣетъ смысла, если онъ не укорененъ въ нѣкой, превышающей его и не имъ сотворенной, разумной почвѣ. И потому, хотя смыслъ жизни — если онъ есть! — и осмысливаетъ человѣческія дѣла, и можетъ вдохновлять человѣка на истинно-великія

дѣла, но, наоборотъ, никакое дѣло не можетъ осмыслить само по себѣ человѣческой жизни. Искать недостающаго смысла жизни въ какомъ либо *дѣлѣ*, въ свершеніи чего-то, значить впадать въ иллюзію, какъ будто человѣкъ самъ можетъ сотворить смыслъ жизни своей, безмѣрно преувеличивать значеніе какого либо, по необходимости частнаго и ограниченнаго, по существу всегда безсильнаго человѣческаго дѣла. Фактически это значить трусливо и недомысленно прятаться отъ сознанія безсмысленности жизни, топить это сознаніе въ суетѣ по существу столь же бессмысленныхъ заботъ и хлопотъ. Хлопочеть ли человѣкъ о богатствѣ, славѣ, любви, о кускѣ хлѣба для себя самого на завтрашній день, или онъ хлопочеть о счастья и спасеніи всего человѣчества — его жизнь одинаково бессмысленна; только въ послѣднемъ случаѣ къ общей бессмысленности присоединяется еще лживая иллюзія, искусственный самообманъ. Чтобы *искать* смыслъ жизни — не говоря уже о томъ, чтобы найти его — надо прежде всего остановиться, сосредоточиться и ни о чемъ не «хлопотать». Вопреки всѣмъ ходячимъ оцѣнкамъ и человѣческимъ мнѣніямъ *недѣланіе* здѣсь дѣйствительно важнѣе самага важнаго и благотворнаго дѣла, ибо неослѣпленность никакимъ человѣческимъ дѣломъ, свобода отъ него, есть первое (хотя и далеко недостаточное) условіе для исканія смысла жизни.

Такъ мы видимъ, что замѣна вопроса о смыслѣ жизни вопросомъ: «что дѣлать, чтобы спасти міръ и тѣмъ осмыслить свою жизнь?» содержитъ въ себѣ недопустимый подмѣнъ первичнаго, въ самомъ существѣ человѣка коренящагося исканія незыблемой почвы для своей жиз-

ни — основаннымъ на гордынѣ и иллюзіи стремленіемъ передѣлать жизнь и собственными человѣческими силами придать ей смыслъ. На основной, недоумѣнный и тоскующій вопросъ этого умонастроенія: «когда же наступитъ настоящій день, день торжества правды и разума на землѣ, день окончательной гибели всяческаго земного нестроенія, хаоса и бессмыслицы» — и для трезвой жизненной мудрости, прямо глядящей на міръ и отдающей точный отчетъ въ его эмпирической природѣ, и для глубокого и осмысленнаго религіознаго сознанія, понимающаго не вмѣстимость духовныхъ глубинъ бытія въ предѣлы эмпирической земной жизни — есть только одинъ, трезвый, спокойный и разумный отвѣтъ, разрушающій всю незрѣлую мечтательность и романтическую чувствительность самого вопроса: « въ предѣлахъ *этого* міра — до чаемаго его сверхмірнаго преображенія—*никогда.*» Что бы ни совершалъ человѣкъ, и чего бы ему ни удавалось добиться, какія бы техническія, соціальныя, умственные усовершенствованія онъ ни вносилъ въ свою жизнь, но принципиально, передъ лицомъ вопроса о смыслѣ жизни, завтрашній и послѣзавтрашній день *ничѣмъ* не будетъ отличаться отъ вчерашняго и сегодняшняго. Всегда въ этомъ мірѣ будетъ царить бессмысленная случайность, всегда человѣкъ будетъ безсильной былинкой, которую можетъ загубить и земной зной, и земная буря, всегда его жизнь будетъ краткимъ отрывкомъ, въ которой не вмѣстится чаемой и осмысляющей жизнь духовной полноты, и всегда зло, глупость и слѣпая страсть будутъ царить на землѣ. И на вопросы: «что дѣлать, чтобы прекратить это состояніе, чтобы передѣлать міръ на лучшей ладъ» — бли-

жайшимъ образомъ есть тоже только одинъ спокойный и разумный отвѣтъ: *«ничего»* — потому что этотъ замыселъ превышаетъ человѣческія силы.»

Только тогда, когда сознаешь съ полной отчетливостью и осмысленностью очевидность этого отвѣта, самъ вопросъ «что дѣлать?» мѣняетъ свой смыслъ и пріобрѣтаетъ новое, отнынѣ уже правомѣрное значеніе. «Что дѣлать» значитъ тогда уже не: «какъ мнѣ передѣлать міръ, чтобы его спасти», а: *«какъ мнѣ самому жить, чтобы не утонуть и не погибнуть въ этомъ хаосѣ жизни.»* Иначе говоря, единственная религіозно оправданная и не иллюзорная постановка вопроса «что дѣлать», сводится не къ вопросу о томъ, какъ мнѣ спасти міръ, а къ вопросу, какъ мнѣ пріобщиться къ началу, въ которомъ — залогъ спасенія жизни. Заслуживаетъ вниманія, что въ Евангеліи не разъ ставится вопросъ: «что дѣлать», именно въ этомъ послѣднемъ смыслѣ. И отвѣты на него даваемые, постоянно подчеркиваютъ, что «дѣло», которое здѣсь можетъ привести къ цѣли, не имѣетъ ничего общаго съ какой либо «дѣятельностью», съ какими либо внѣшними человѣческими дѣлами, а сводится всецѣло къ «дѣлу» внутренняго перерожденія человѣка черезъ самоотреченіе, покаяніе и вѣру. Такъ, въ Дѣянїяхъ Апостольскихъ передается, что въ Іерусалимѣ, въ день Пятидесятницы, іудеи, выслушавъ боговдохновенную рѣчь апостола Петра, «сказали Петру и прочимъ апостоламъ: *что намъ дѣлать, мужи-братїя?»* Петръ же сказалъ имъ: «покайтесь, и да крестится каждый изъ васъ во имя Іисуса Христа для прощенія грѣховъ; и получите дары Святого Духа» (Дѣян. Ап. 2, 37-38). Покаяніе и крещеніе и, какъ плодъ его —

обрѣтеніе дара Святого Духа опредѣляется здѣсь, какъ единственное необходимое человѣческое «дѣло». А что это «дѣло» дѣйствительно достигло своей цѣли, спасало совершившихъ его — объ этомъ повѣствуется тотчасъ же далѣе: «и такъ, охотно принявшіе слово его , крестились... И они постоянно пребывали въ ученіи Апостоловъ, въ общеніи и преломленіи хлѣба и въ молитвахъ ... Всѣ же вѣрующіе были вмѣстѣ и имѣли все общее.. И каждый день единодушно пребывали въ храмѣ и, преломляя по домамъ хлѣбъ, принимали пищу *въ веселіи и простотѣ сердца, хваля Бога и находясь въ любви у всего народа*» (Дѣян. 2, 41-47). Но совершенно также и самъ Спаситель, на обращенный къ нему вопросъ: «*что намъ дѣлать, чтобы творить дѣла Божіи?*», далъ отвѣтъ: «*вотъ, дѣло Божіе, чтобы вы вѣрвали въ того, кого Онъ послалъ.*» (Ев. Іоан. 6, 28-29). На искушающій вопросъ законника: «*что мнѣ дѣлать, чтобы наслѣдовать жизньъ вѣчную?*», Христосъ отвѣчаетъ напоминаніемъ о двухъ вѣчныхъ заповѣдяхъ: любви къ Богу и любви къ ближнемъ; «*такъ поступай, и будешь жить*» (Ев. Лук. 10, 25-28). Любовь къ Богу всѣмъ сердцемъ, всей душою, всей крѣпостью и всѣмъ разумѣніемъ и вытекающая изъ нея любовь къ ближнему — вотъ единственное «дѣло», спасающее жизньъ. Богатому юношѣ на тотъ же вопросъ: «*что мнѣ дѣлать, чтобы наслѣдовать жизньъ вѣчную?*», Христосъ, напомнивъ сначала о заповѣдяхъ, запрещающихъ злыя дѣла и повелѣвающихъ любовь къ ближнему, говоритъ: «*одного тебѣ не достаетъ; пойдѣ, все, что имѣешь, продай, и раздай нищимъ; и будешь имѣть сокровище на небесахъ: и приходи, послѣдуй за мною, взявъ крестъ*» (Ев. Марк. 10, 17-21, ср. Матѣ 19,

16-21). Позволительно думать, что богатый юноша опечалился этимъ отвѣтомъ не только потому, что ему было жаль большого имѣнія, но и потому, что онъ рассчитывалъ получить указаніе на «дѣло», которое онъ могъ бы совершить самъ, своими силами и, быть можетъ, съ помощію своего имѣнія, и былъ огорченъ, узнавъ, что единственное заповѣданное ему «дѣло» — имѣть сокровище на небесахъ и слѣдовать за Христомъ. Во всякомъ случаѣ и здѣсь Слово Божіе внушительно отмѣчаетъ суетность всѣхъ человѣческихъ дѣлъ и единственное, подлинно нужное человѣку и спасительное для него дѣло усматриваетъ въ самоотреченіи и вѣрѣ.

Итакъ, «что дѣлать?» правомѣрно значитъ только: «какъ жить, чтобы осмыслить и черезъ то незыблемо утвердить свою жизнь?» Другими словами — не черезъ какое либо особое человѣческое дѣло преодолевается бессмысленность жизни и вносится въ нее смыслъ, а *единственное человѣческое дѣло только въ томъ и состоитъ*, чтобы, внѣ всякихъ частныхъ, земныхъ дѣлъ, *искать и найти смыслъ жизни*. Но гдѣ его искать и какъ найти?

3. УСЛОВІЯ ВОЗМОЖНОСТИ СМЫСЛА ЖИЗНИ.

Постараемся прежде всего вдуматься, что это означает «найти смысл жизни», — точнѣе, *чего* мы собственно ищемъ, какой смыслъ мы вкладываемъ въ самое понятіе «смысла жизни» и при какихъ условіяхъ мы почитали бы его осуществленнымъ?

Подъ «смысломъ» мы подразумѣваемъ примѣрно то же, что «разумность». «Разумнымъ» же, въ относительномъ смыслѣ, мы называемъ все цѣлесообразное, все правильно ведущее къ цѣли или помогающее ее осуществить. Разумно то поведеніе, которое согласовано съ поставленной цѣлью и ведетъ къ ея осуществленію, разумно или осмысленно пользованіе средствомъ, которое помогаетъ намъ достигнуть цѣли. Но все это только относительно разумно — именно при условіи, что сама цѣль безспорно разумна или осмысленна. Мы можемъ назвать въ относительномъ смыслѣ «разумнымъ», напр. поведеніе человѣка, который умѣетъ приспособиться къ жизни, зарабатывать деньги, дѣлать себѣ карьеру — въ предположеніи, что самъ жизненный успѣхъ, богатство, высокое общественное положеніе мы признаемъ безспорными и въ этомъ смыслѣ «разумными» благами. Если же мы, разочаровавшись въ

жизни, усмотрѣвъ ея «безсмысленность», хотя бы въ виду краткости, шаткости всѣхъ этихъ ея благъ или въ виду того, что они не дають нашей душѣ истиннаго удовлетворенія, признали спорной саму цѣль этихъ стремленій, то же поведеніе, будучи относительно, т. е. въ отношеніи къ *своей* цѣли, разумнымъ и осмысленнымъ, абсолютно представится намъ неразумнымъ и безсмысленнымъ. Такъ вѣдь это и есть въ отношеніи преобладающаго содержанія обычной человѣческой жизни. Мы видимъ, что большинство людей посвящаетъ большую часть своихъ силъ и времени ряду вполне цѣлесообразныхъ дѣйствій, что они постоянно озабочены достиженіемъ какихъ-то цѣлей и правильно дѣйствуютъ для ихъ достиженія, т. е. по большей части поступаютъ вполне «разумно»; и вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ либо сами цѣли эти «безсмысленны», либо, по крайней мѣрѣ, остается нерѣшеннымъ и спорнымъ вопросъ объ ихъ «осмысленности», — вся человѣческая жизнь принимаетъ характеръ безсмысленнаго круженія, наподобіе круженія бѣлки въ колесѣ, набора безсмысленныхъ дѣйствій, которыя неожиданно, внѣ всякаго отношенія къ этимъ цѣлямъ, ставимымъ человѣкомъ, и потому тоже совершенно безсмысленно, обрываются смертью.

Слѣдовательно, условіемъ подлинной, а не только относительной разумности жизни является не только, чтобы она разумно осуществляла какія либо цѣли, но чтобы и самыя цѣли эти, въ свою очередь, были разумны.

Но что значитъ «разумная цѣль?» Средство разумно, когда оно ведетъ къ цѣли. Но цѣль — если она есть подлинная, послѣдняя цѣль, а не только средство для чего либо иного — уже ни къ чему не ведетъ, и потому не мо-

жетъ расцѣпываться съ точки зрѣнія своей цѣлесообразности. Она должна быть разумна въ себѣ, какъ таковая. Но что это значить, и какъ это возможно? На эту трудность — превращая ее въ абсолютную неразрѣшимость — опирается тотъ софизмъ, съ помощью котораго часто доказываютъ, что жизнь необходимо бессмысленна, или что незаконенъ самый вопросъ о смыслѣ жизни. Говорятъ: всякое дѣйствіе осмысленно, когда служить цѣли; но цѣль или — что, какъ будто то же самое — жизнь въ ея цѣломъ не имѣетъ уже внѣ себя никакой цѣли: «жизнь для жизни мнѣ дана». Поэтому либо надо разъ навсегда примириться съ роковой, изъ логики вещей вытекающей, «бессмысленностью» жизни, либо же — что правильнѣе — надо признать, что сама постановка о смыслѣ жизни незаконна, что этотъ вопросъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые не находятъ себѣ разрѣшенія просто въ силу своей собственной внутренней нелѣпости. Вопросъ о «смыслѣ» чего либо имѣетъ всегда относительное значеніе, онъ предполагаетъ «смыслъ» для чего нибудь, цѣлесообразность при достиженіи опредѣленной цѣли. Жизнь же въ цѣломъ никакой цѣли ни имѣетъ, и потому о «смыслѣ» ея нельзя ставить вопроса.

Какъ ни убѣдительно, на первый взглядъ, это разсужденіе, противъ него прежде всего инстинктивно протестуетъ наше сердце; мы чувствуемъ, что вопросъ о смыслѣ жизни — самъ по себѣ совсѣмъ не бессмысленный вопросъ, и, какъ бы тягостна ни была для насъ его неразрѣшимость или неразрѣшенность, разсужденіе о незаконности самого вопроса насъ не успокаиваетъ. Мы можемъ на время отмахнуться отъ этого вопроса, отогнать его отъ себя, но въ

слѣдующее же мгновеніе не «мы» и не нашъ «умъ» его ставитъ, а онъ самъ неотвязно стоитъ передъ нами, и душа наша, часто со смертельной мукой, вопрошаетъ : «для чего жить?».

Очевидно, что наша жизнь, простой стихійный процессъ изживанія ея, пребыванія на свѣтѣ и сознанія этого факта, вовсе не есть для насъ «самоцѣль». Она не можетъ быть самоцѣлью, во первыхъ, потому, что въ общемъ страданія и тягости преобладаютъ въ ней надъ радостями и наслажденіями и, несмотря на всю силу животнаго инстинкта самосохраненія, мы часто недоумѣваемъ, для чего же мы должны тянуть эту тяжелую лямку. Но и независимо отъ этого, она не можетъ быть самоцѣлью и потому, что жизнь, по самому своему существу, есть не неподвижное пребываніе въ себѣ, самодовлѣющей покой, а дѣланіе чего-то или стремленіе къ чему то; мигъ, въ которомъ мы свободны отъ всякаго дѣла или стремленія, мы испытываемъ, какъ мучительно-тоскливое состояніе пустоты и неудовлетворенности. Мы не можемъ жить для жизни; мы всегда — хотимъ ли мы того, или нѣтъ — живемъ для чего-то. Но только въ большинствѣ случаевъ это «что-то», будучи цѣлью, къ которой мы стремимся, по своему содержанію есть въ свою очередь средство, и притомъ средство для сохраненія жизни. Отсюда получается тотъ мучительный заколдованный кругъ, который острѣе всего даетъ намъ чувствовать бессмысленность жизни и порождаетъ тоску по ея осмысленію: мы живемъ, чтобы трудиться надъ чѣмъ-то, стремиться къ чему то, а трудимся, заботимся и стремимся—для того, чтобы жить. И, измученные этимъ круженіемъ въ бѣличьемъ колесѣ,

мы ищемъ «смысла жизни» — мы ищемъ стремленія и дѣла, которое не было бы направлено на простое сохраненіе жизни, и жизни, которая не тратилась бы на тяжкій трудъ ея же сохраненія.

Мы возвращаемся, такимъ образомъ, назадъ къ поставленному вопросу. Жизнь наша осмысленна, когда она служить какой-то разумной цѣли, содержаніемъ которой никакъ не можетъ быть просто сама эта эмпирическая жизнь. Но въ чемъ же ея содержаніе, и, прежде всего, при какихъ условіяхъ мы можемъ признать конечную цѣль «разумной»?

Если разумность ея состоитъ не въ томъ, что она есть средство для чего либо иного — иначе она не была бы подлинной, конечной цѣлью—, то она можетъ заключаться лишь въ томъ, что эта цѣль есть такая безспорная, самодовлѣющая цѣнность, о которой уже бессмысленно ставить вопросъ: «для чего?» Чтобы быть осмысленной, наша жизнь — вопреки увѣреніямъ поклонниковъ «жизни для жизни» и въ согласіи съ явнымъ требованіемъ нашей души — должна быть *служеніемъ высшему и абсолютному благу.*

Но этого мало. Мы видѣли, что въ сферѣ относительной «разумности» возможны и часто встрѣчаются случаи, когда что либо осмысленно съ точки зрѣнія третьяго лица, но не для самого себя (какъ приведенный примѣръ рабскаго труда осмысленъ для рабовладѣльца, но не для самого раба). То же мыслимо въ сферѣ абсолютной разумности. Если бы наша жизнь была отдана служенію хотя бы высшему и абсолютному благу, которое, однако, не было бы благомъ для насъ или въ которомъ мы сами не участвовали бы, то *для насъ* она все же оставалась бы

безсмысленной. Мы уже видѣли, какъ безсмысленна жизнь, посвященная благу грядущихъ поколѣній; но тутъ еще можно сказать, что безсмысленность эта опредѣлена относительностью, ограниченностью или спорностью самой цѣли. Но возьмемъ, напр., философскую этику Гегеля. Въ ней человѣческая жизнь должна обрѣтать смыслъ, какъ проявленіе и орудіе саморазвитія и самопознанія абсолютнаго духа; но извѣстно, на какія моральныя трудности наталкивается это построеніе. Нашъ Бѣлинскій, который, ознакомившись съ философіей Гегеля, воскликнулъ въ негодовани: «такъ это я, значить, не *для себя самого* познаю и живу, а для развитія какого то абсолютнаго духа. Стану я для него трудиться!» — былъ, конечно, по существу совершенно правъ. Жизнь осмыслена, когда она, будучи служеніемъ абсолютному и высшему благу, есть вмѣстѣ съ тѣмъ не потеря, а утвержденіе и обогащеніе самой себя — когда она есть служеніе абсолютному благу, которое есть благо и для меня самого. Или, иначе говоря: абсолютнымъ въ смыслѣ совершенной безспорности мы можемъ признать только такое *благо*, которое есть одновременно и *самодовлѣющее*, превышающее всѣ мои личные интересы, *благо*, и *благо для меня*. Оно должно быть одновременно благомъ и въ объективномъ и въ субъективномъ смыслѣ — и высшей цѣнностью, къ которой мы стремимся ради нея самой, и цѣнностью, пополняющей, обогащающей меня самого.

Но какъ осуществимо это двойное условіе, и не содержитъ ли оно въ себѣ внутренняго противорѣчія? Подъ благомъ въ объективномъ смыслѣ мы разумѣемъ самодовлѣющую цѣнность или самоцѣль, которая уже ничему

иному не служить и стремление къ которой оправдано именно ея внутреннимъ достоинствомъ; подъ благомъ въ субъективномъ смыслѣ мы разумѣемъ, наоборотъ, нѣчто пріятное, нужное, полезное *намъ*, т.е. нѣчто служебное въ отношеніи насъ самихъ и нашихъ субъективныхъ потребностей, и потому имѣющее значеніе, очевидно, не высшей цѣли, а средства для нашего благосостоянія. Очевидно, однако, что если мы можемъ найти удовлетвореніе только въ благѣ, сочетающемъ эти разнородныя и какъ будто противорѣчивыя черты, то мы подразумеваемъ подъ нимъ нѣчто, по крайней мѣрѣ мыслимое и въ этомъ смыслѣ возможное. Когда мы о немъ мечтаемъ, когда мы конкретно его воображаемъ, это отвлеченное противорѣчіе насколько намъ не мѣшаетъ и мы его совсѣмъ не замѣчаемъ; очевидно, ошибка заключена въ самихъ отвлеченныхъ опредѣленіяхъ, съ которыми мы подошли къ уясненію этого понятія. Одно лишь самодовлѣющее благо — благо въ объективномъ смыслѣ — насъ не удовлетворяетъ; служеніе даже абсолютному началу, въ которомъ я самъ не участвую и которое не красить и не согрѣваетъ моей собственной жизни, не можетъ осмыслить послѣдней. Но и одно благо въ субъективномъ смыслѣ — субъективное наслажденіе, радость, счастье—тоже не даруетъ мнѣ смысла, ибо, какъ мы видимъ, всякая, даже самая счастливая жизнь, отравлена мукой вопроса «для чего?», не имѣетъ смысла въ самой себѣ. То, къ чему мы стремимся, какъ къ подлинному условію осмысленной жизни, должно слѣдовательно, такъ совмѣщать оба эти начала, что они въ немъ *погашены*, какъ *отдѣльныя* начала, а дано лишь *само ихъ единство*. Мы стремимся не къ той или иной субъ-

ктивной жизни, какъ бы счастлива она ни была, но и не къ холодному, безжизненному объективному благу, какъ бы совершенно оно ни было само въ себѣ — мы стремимся къ тому, что можно назвать *удовлетвореніемъ*, пополненіемъ нашей душевной пустоты и тоски; мы стремимся именно къ осмысленной, объективно-полной, *самодовольствующе-цѣнной жизни*. Вотъ почему никакое отдѣльное отвлеченное опредѣлимое благо, будь то красота, истина, гармонія и т. п. не можетъ насъ удовлетворить; ибо тогда жизнь, сама жизнь, какъ цѣлое, и прежде всего—наша собственная жизнь, остается какъ бы въ сторонѣ, не объемлется всецѣло этимъ благомъ и не пропитывается имъ, а только извнѣ, какъ средство, служить ему. А вѣдь осмыслить мы жаждемъ именно нашу собственную жизнь. Мы ищемъ, правда, и не субъективныхъ наслажденій, безсмысленность которыхъ мы также сознаемъ: но мы ищемъ осмысленной полноты жизни, такой блаженной удовлетворенности, которая въ себѣ самой есть высшая, безспорная цѣнность. Высшее благо, слѣдовательно, не можетъ быть ничѣмъ инымъ, кромѣ самой *жизни*, но не жизни, какъ безсмысленнаго текучаго процесса и вѣчнаго стремленія къ чему то иному, а жизни, какъ *вѣчнаго покоя блаженства*, какъ самознающей и самопереживающей полноты удовлетворенности въ себѣ. Въ этомъ заключается очевидное зерно истины, только плохо понятое и извращенно выраженное, въ утвержденіи, что жизнь есть самоцѣль и не имѣетъ цѣли внѣ себя. Наша эмпирическая жизнь, съ ея краткостью и отрывочностью, съ ея неизбежными тяготами и нуждами, съ ея присущимъ ей стремленіемъ къ чему-то, внѣ ея находящемуся, очевидно не

есть самоцѣль и не можетъ ею быть; наоборотъ, первое условіе осмысленности жизни, какъ мы видѣли, состоитъ именно въ томъ, чтобы мы прекратили бессмысленную погоню за самой жизнью, бессмысленную растрату ея для нея самой, а отдали бы ее служенію чему то высшему, имѣющему оправданіе въ самомъ себѣ. Но это высшее въ свою очередь должно быть жизнью, — жизнью, въ которую вольется и которой всецѣло пропитается наша жизнь. *Жизнь въ благѣ*, или *благая жизнь*, или *благо, какъ жизнь*—вотъ цѣль нашихъ стремленій. И абсолютная противоположность всякой разумной жизненной цѣли есть смерть, небытіе. Искомое благо не можетъ быть только «идеаломъ», чѣмъ-то безплотнымъ и конкретно не существующимъ, оно должно быть живымъ бытіемъ, и притомъ такимъ, которое объемлетъ нашу жизнь и даетъ ей послѣднее удовлетвореніе именно потому, что оно есть выраженіе послѣдняго, глубочайшаго ея существа.

Конкретный примѣръ — и болѣе, чѣмъ примѣръ — такого блага мы имѣемъ въ лицѣ *любви*. Когда мы любимъ подлинной любовью, чего мы въ ней ищемъ и что насъ въ ней удовлетворяетъ? Хотимъ ли мы только вкусить личныхъ радостей отъ нея, использовать любимое существо и наше отношеніе къ нему, какъ средство для нашихъ субъективныхъ наслажденій? Это было бы развратомъ, а не подлинной любовью, и такое отношеніе прежде всего было бы само наказано душевной пустотой, холодомъ и тоской неудовлетворенности. Хотимъ ли мы отдать свою жизнь на служеніе любимому существу? Конечно, хотимъ, но не такъ, чтобы это служеніе опустошало или изнуряло нашу собственную жизнь; мы хотимъ служенія, мы готовы

на самопожертвованіе, даже на гибель ради любимаго существа, но именно потому, что это служеніе, это самопожертвованіе и гибель не только радостны намъ, но даруютъ нашей жизни полноту и покой удовлетворенности. Любовь не есть холодная и пустая, эгоистическая жажда наслажденія, но любовь и не есть рабское служеніе, уничтоженіе себя для другого. Любовь есть такое преодоленіе нашей корыстной личной жизни, которое именно и даруетъ намъ блаженную полноту *подлинной жизни*, и тѣмъ осмысляетъ нашу жизнь. Понятія «объективнаго» и «субъективнаго» блага здѣсь равно недостаточны, чтобы выразить благо любви, оно выше того и другого: оно есть благо *жизни* черезъ преодоленіе самой прстивоположности между «моимъ» и «чужимъ», субъективнымъ и объективнымъ.

И, однако, любовь къ земному человѣческому существу сама по себѣ не даетъ подлиннаго, послѣдняго смысла жизни. Если и любящій, и любимое существо охвачены потокомъ времени, ввергнуты въ бессмысленный круговоротъ жизни, ограничены во времени, то въ такой любви можно временно забытья, можно имѣть отблескъ и иллюзорное предвкушеніе подлинной жизни и ея осмысленности, но нельзя достигнуть послѣдняго, осмысляющаго жизнь, удовлетворенія. Ясно, что высшее, абсолютное благо, наполняющее нашу жизнь, само должно быть *вѣчнымъ*. Ибо, какъ только мы помыслимъ, въ качествѣ него, какое либо временное состояніе, будь то человѣческой или міровой жизни, такъ возникаетъ вопросъ объ его собственномъ смыслѣ. Все временное, все, имѣющее начало и конецъ, не можетъ быть самоцѣлью, не мыслимо,

какъ нѣчто самодовлѣющее: либо оно нужно для чего то иного — имѣеть смыслъ, какъ средство, — либо же оно безсмысленно. Вѣдь потокъ времени, эта пестрая, головокружительная кинематографическая смѣна однихъ картинъ жизни другими, это выплываніе невѣдомо откуда и исчезновеніе невѣдомо куда, эта охваченность безпокойствомъ и неустойчивостью непрерывнаго движенія, и дѣлаеть все на свѣтѣ «суетнымъ», безсмысленнымъ. Само время есть какъ бы выраженіе міровой безсмысленности. Искомая нами объективно полная и обоснованная жизнь не можетъ быть этимъ безпокойствомъ, этимъ суетливымъ переходомъ отъ одного къ другому, той внутренней неудовлетворенностью, которая есть какъ бы существо мірового теченія во времени. Она должна быть *вѣчной жизнью*. Вѣчнымъ, незыблемо въ себѣ утвержденнымъ, возвышающимся надъ временной неустойчивостью, должно быть, прежде всего, то абсолютное благо, служеніемъ которому осмысливается наша жизнь. Но не только для *себя* оно должно быть вѣчнымъ; оно должно быть такимъ и для меня. Если оно для меня *только* цѣль, которую я достигаю, или стремлюсь достигнуть въ будущемъ, то все прошлое и настоящее моей жизни, удаленное отъ него, тѣмъ самымъ не оправдано и не осмысленно; оно должно быть такой цѣлью, которая вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы видѣли, есть *пребывающая основа всей моей жизни*. Я стремлюсь къ нему, но не какъ къ далекому, чуждому моему «я» постороннему предмету, а какъ къ заложенному въ моихъ собственныхъ глубинахъ началу; только тогда моя жизнь, отъ начала и до конца, согрѣта, озарена и потому «осмыслена» имъ. Но даже и этого мало. Посколь-

ку моя жизнь все таки имѣть начало и конецъ, и въ этомъ кратковременномъ длениі себя исчерпываетъ, это вѣчное благо все же остается для нея недостижимымъ — ибо оно недостижимо именно *въ своей вѣчности*. Я могу, правда, своей мыслью уловить ее — но мало ли что, чуждое и постороннее мнѣ, я улавливаю своей мыслью. И если бы мысленное обладаніе было равносильно подлинному обладанію, то всѣ люди были бы богатыми и счастливыми. Нѣтъ, я долженъ *подлинно* обладать имъ и притомъ именно *въ вѣчности*, иначе моя жизнь по прежнему лишена смысла, и я не соучастникъ осмысляющаго высшаго блага, и развѣ только мимолетно прикасаюсь къ нему. Но вѣдь моя *собственная жизнь* должна имѣть смыслъ; не будучи самоцѣлью, она все таки въ своихъ послѣднихъ глубинахъ должна не только стремиться къ благу не только пользоваться имъ, но быть слитой съ нимъ, быть *имъ самимъ*. Безконечно превышая мою ограниченную эмпирическую личность и краткое временное теченіе ея жизни, будучи вѣчнымъ, всебъемлющимъ и всеозаряющимъ началомъ, оно должно вмѣстѣ съ тѣмъ *принадлежать мнѣ*; и я долженъ *обладать* имъ, а не только къ нему стремиться или прикасаться. Слѣдовательно, въ иномъ смыслѣ, оно должно быть, какъ уже сказано, тождественнымъ съ моей жизнью, — не съ эмпирической, временной и ограниченной ея природой, а съ ея послѣдней глубиной и сущностью. Живое благо, или благо, какъ жизнь, должно быть *вѣчной жизнью*, и эта вѣчная жизнь должна быть моей личной жизнью. Моя жизнь можетъ быть осмыслена только, если она обладаетъ *вѣчностью*.

Вдумываясь еще глубже, мы подмѣчаемъ необходи-

мость еще одного, дополнительнаго условія осмысленности жизни. Не только *фактически* я долженъ служить высшему благу и, пребывая въ немъ и пропитывая имъ свою жизнь, тѣмъ обрѣтать истинную жизнь; но я долженъ также непрерывно разумно сознавать все это соотношеніе; ибо, если я безсознательно участвую въ этомъ служеніи, оно только безсознательно для меня обогащаетъ меня, то я по прежнему *сознаю* свою жизнь пребывающей во тьмѣ безсмыслицы, не имѣю *сознанія* осмысленной жизни, внѣ котораго нѣтъ и самой осмысленности жизни. И притомъ это сознаніе должно быть не случайнымъ, оно не должно какъ бы *извне* подходить къ своему содержанию «осмысленной жизни» и быть постороннимъ ему началомъ. Наше сознаніе, нашъ «умъ» — то начало въ насъ, въ силу котораго мы что либо «знаемъ», само какъ бы требуетъ метафизическаго основанія, утвержденности въ послѣдней глубинѣ бытія. Мы лишь тогда подлинно обладаемъ «осмысленной жизнью», когда не *мы*, какъ то со стороны, по собственной нашей человѣческой инициативѣ и нашими собственными усиліями «сознаемъ» ее, а когда она сама сознаетъ себя въ насъ. Покой и самоутвержденность послѣдняго достиженія возможны лишь въ полномъ и совершенномъ единствѣ нашемъ съ абсолютнымъ благомъ и совершенной жизнью, а это единство есть лишь тамъ, гдѣ мы не только согрѣты и обогащены, но и *озарены* совершенствомъ. Это благо, слѣдовательно, не только должно объективно *быть* истиннымъ, и не только восприниматься *мною*, какъ истинное (ибо въ послѣднемъ случаѣ не исключена возможность и сомнѣнія въ немъ, и забвенія его), но оно само должно

быть самой Истиной, самим озаряющим меня свѣтомъ знанія. Вся полнота значенія того, что мы зовемъ «смысломъ жизни» и что мы чаемъ, какъ таковой, совсѣмъ не исчерпывается «разумностью», въ смыслѣ цельсообразности или абсолютной цѣнности; она вмѣстѣ съ тѣмъ содержитъ и разумность, какъ «постигнутый смыслъ» или *постиженіе*, какъ озаряющій насъ *свѣтъ знанія*. Безсмысленность есть тьма и слѣпота; «смыслъ» есть свѣтъ и ясность, и осмысленность есть совершенная пронизанность жизни яснымъ, покойнымъ, всеозаряющимъ свѣтомъ. Благо, совершенная жизнь, полнота и покой удовлетворенности и свѣтъ истины есть *одно и то же*, и въ немъ и состоитъ «смыслъ жизни». Мы ищемъ въ немъ и абсолютно твердой основы, подлинно-насыщающаго питанія, и озаренія, и просвѣтленія нашей жизни. Въ этомъ неразрывномъ единствѣ полноты удовлетворенности и совершенной просвѣтленности, въ этомъ единствѣ жизни и Истины и заключается искомый «смыслъ жизни».

Итакъ, жизнь становится осмысленной, поскольку она служить, и свободно и сознательно служить, абсолютному и высшему благу, которое есть вѣчная *жизнь*, животворящая человѣческую жизнь, какъ ея вѣчная основа и подлинное завершеніе, и есть вмѣстѣ съ тѣмъ абсолютная истина, свѣтъ разума, пронизывающій и озаряющій человѣческую жизнь. Жизнь наша осмысляется, поскольку она есть разумный путь къ цѣли, или путь къ разумной, высшей цѣли, иначе она есть безсмысленное блужданіе. Но такимъ истиннымъ путемъ для нашей жизни можетъ быть лишь то, что вмѣстѣ съ тѣмъ само есть и жизнь, и Истина. «Азъ есмь путь, истина и жизнь.».

И теперь мы можем подвести краткій итогъ нашимъ размышленіямъ. Для того, чтобы жизнь имѣла смыслъ, необходимы два условія: *существованіе Бога* и наша собственная причастность ему, достижимость для насъ *жизни въ Бога или божественной жизни*. Необходимо прежде всего, чтобы, несмотря на всю бессмысленность міровой жизни, существовало общее условіе ея осмысленности, чтобы послѣдней, высшей и абсолютной основой ея былъ не слѣпой случай, не мутный, все на мигъ выбрасывающій наружу и все опять поглощающій хаотическій потокъ времени, не тьма невѣденія, а Богъ, какъ вѣчная твердыня, вѣчная жизнь, абсолютное благо и всеобъемлющій свѣтъ разума. И необходимо, во вторыхъ, чтобы мы сами, несмотря на все наше безсиліе, на слѣпоту и губительность нашихъ страстей, на случайность и краткосрочность нашей жизни, были не только «твореніями» Бога, не только глиняной посудой, которую лѣпитъ по своему произволу горшечникъ, и даже не только «рабами» Бога, исполняющими его волю подневольно и только для него, но и свободными участниками и причастниками самой божественной жизни, такъ, что бы служа Ему, мы въ этомъ служеніи не угашали и не изнуряли своей собственной жизни, а, напротивъ, ее утверждали, обогащали и просвѣтляли. Это служеніе должно быть истиннымъ хлѣбомъ насущнымъ и истинной водой, утоляющей насъ. Болѣе того: только въ этомъ случаѣ мы *для себя самихъ* обрѣтаемъ смыслъ жизни, если, служа Ему, мы, какъ сыновья и наслѣдники домохозяина, служимъ въ нашемъ собственномъ дѣлѣ, если Его жизнь, свѣтъ, вѣчность и блаженство можетъ стать и нашимъ, если наша жизнь можетъ стать

божественной, и мы сами можемъ стать «богами», «обожиться». Мы должны имѣть возможность преодолѣть всеобезсмысливающую смерть, слѣпоту и раздражающее волненіе нашихъ слѣпыхъ страстей, всѣ слѣпыя и злыя силы бессмысленной міровой жизни, подавляющія насъ или захватывающія въ плѣнь, для того, чтобы найти этотъ истинный жизненный путь, который есть для насъ и истинная Жизнь и подлинная живая Истина.

Но какъ же найти этотъ путь, совпадающій съ истинной и жизнью, какъ удостовѣриться въ подлинности бытія Бога и въ подлинной возможности для насъ обрѣсти божественность, соучаствовать въ вѣчномъ блаженствѣ? Легко намѣтить такія идеи, но возможно ли реально осуществить ихъ? Не противорѣчатъ ли онѣ всему нашему непосредственному жизненному опыту, не суть ли онѣ — мечта, которую достаточно высказать, чтобы понять ея неосуществимость?

Мы стоимъ передъ труднѣйшей задачей, и не должны трусливо скрывать отъ себя ея трудности. Чтобы обрѣсти смыслъ жизни, человѣкъ долженъ найти абсолютное, высшее благо — но не относительны ли всѣ мыслимыя блага? Человѣкъ долженъ обладать и самой истиной, и вѣчной жизнью — но не обреченъ ли человѣкъ всегда заблуждаться, или только искать истину, или въ лучшемъ случаѣ находить частныя и несовершенныя истины, но никакъ не саму Истину? А вѣчная жизнь — что это, какъ не мечтательно-утопическое, по самому своему смыслу неосуществимое понятіе? Легко говорить и проповѣдывать о «вѣчной жизни», а попробуйте ка на дѣлѣ, въ подлинной жизни, справиться съ неумолимымъ и неотвязнымъ фак-

томъ роковой краткотечности и нашей собственной жизни, и жизни намъ близкихъ людей, и всего вообще, что живетъ и движется въ мірѣ. Ваши мечты разлетаются, какъ дымъ, ваши слова обличаются, какъ лицемѣрныя или сентиментальныя «слова, только слова» передъ ужасной логикой смерти, передъ плачемъ надъ тѣломъ дорогого покойника, передъ тлѣнностью, гибелью и бессмысленной смѣной всего живого на свѣтѣ. И гдѣ найти, какъ доказать существованіе Бога и примирить съ нимъ и нашу собственную жизнь, и міровую жизнь въ цѣломъ — во всемъ томъ злѣ, страданіяхъ, слѣпотѣ, во всей той бессмыслицѣ, которая всецѣло владѣетъ ею и насквозь ее проникаетъ? Повидимому, здѣсь остается только выборъ: или честно и мужественно глядѣть въ лицо фактамъ жизни, какъ она есть на самомъ дѣлѣ, или, трусливо спрятавшись отъ нихъ, предаться мечтамъ о жизни, какой она должна была бы быть, чтобы имѣть смыслъ. Но на что нужны, какую цѣну имѣютъ такія безсильныя мечты? А надежда увидать свою мечту осуществленной, признать въ ней истину, — не есть ли просто самообманъ трусливыхъ душъ, утѣшающихъ себя ложью, чтобы не погибнуть отъ ужаса передъ истиной?

Мы не должны и не можемъ отталкивать отъ себя эти сомнѣнія, мы обязаны взять на себя все бремя честной и горькой правды, которая въ нихъ содержится. Но мы не должны и преждевременно впадать въ отчаяніе. Какъ ни мало мы до сихъ поръ подвинулись впередъ въ разрѣшеніи вопроса о смыслѣ жизни, мы достигли по крайней мѣрѣ одного: мы отдали себѣ отчетъ въ томъ, что мы разубѣемъ, когда говоримъ о смыслѣ жизни, и при какихъ

условіяхъ мы считали бы этотъ смыслъ осуществленнымъ
А теперь попытаемся, не дѣлая себѣ никакихъ иллюзій
но и не отступая передъ величайшими трудностями —
соединивъ безстрашіе честной мысли съ безстрашіемъ
воли, стремящейся къ единственной цѣли всей нашей
жизни — вдуматься и присмотрѣться, въ какой мѣрѣ и
въ какой формѣ осуществимы или даны сами эти условія.

4. БЕЗСМЫСЛЕННОСТЬ ЖИЗНИ.

Что жизнь, какъ она фактически есть, безсмысленна, что она ни въ малѣйшей мѣрѣ не удовлетворяетъ условіямъ, при которыхъ ее можно было бы признать имѣющей смыслъ — это есть истина, въ которой насъ все убѣждаетъ: и личный опытъ, и непосредственныя наблюденія надъ жизнью, и историческое познаніе судьбы человѣчества, и естественно-научное познаніе мірового устройства и міровой эволюціи.

Безсмысленна, прежде всего, — и это, съ точки зрѣнія личныхъ духовныхъ запросовъ, самое важное — личная жизнь каждаго изъ насъ. Первое, такъ сказать, минимальное условіе возможности достиженія смысла жизни есть *свобода*; только будучи свободнымъ, мы можемъ дѣйствовать «осмысленно», стремиться къ разумной цѣли, искать полноты удовлетворенности; все, необходимое подчинено слѣпымъ силамъ необходимости, дѣйствуетъ слѣпо, какъ камень, притягиваемый землею при своемъ паденіи. Но мы со всѣхъ сторонъ связаны, окованы силами необходимости. Мы тѣлесны и потому подчинены всѣмъ слѣпымъ, механическимъ законамъ міровой матеріи; спотыкаясь, мы падаемъ, какъ камень, и если

случайно это произойдет на рельсах поезда или перед налетающим на нас автомобилем, то элементарные законы физики сразу прескают нашу жизнь, а с ней — все наши надежды, стремления, планы разумного осуществления жизни. Ничтожная бактерия туберкулеза или иной болезни может прекратить жизнь гения, остановить величайшую мысль и возвышеннейшее устремление. Мы подчинены и слепым законам и силам органической жизни: в силу их непреодолимого действия, срок нашей жизни даже в ее нормальном течении, слишком краток для полного обнаружения и осуществления заложенных в нас духовных сил; не успеем мы научиться из опыта жизни и ранее накопленного запаса знаний разумно жить и правильно осуществлять наше призвание, как наше тело уже одряхлело и мы приблизились к могиле; отсюда неизбежное даже при долгой жизни трагическое чувство преждевременности и неожиданности смерти — «как, уже конец? а я только что собирался жить по настоящему, исправить ошибки прошлого, возместить зря потерянное время и потраченные силы!» — и трудность поверить в свое собственное старение. И вдобавок, мы и изнутри обременены тяжким грузом слепых стихийно-биологических сил, мшающих нашей разумной жизни. Мы получаем по наследству от родителей страсти и пороки, которые нас мучают и на которые бесплодно растрачиваются наши силы; в лице нашей собственной животной природы мы обречены на пытку и каторгу, прикованы к тачке, бессмысленно терпим наказание за грехи наших отцов или вообще за грехи,

на которые насъ обрекла сама природа. Лучшія и разумныя наши стремленія либо разбиваются о внѣшнія преграды, либо обезсиливаются нашими собственными слѣпыми страстями. И притомъ слѣпая природа такъ устроила насъ, что мы обречены на иллюзіи, обречены блуждать и попадать въ тупикъ, и обнаруживаемъ иллюзорность и ошибочность нашихъ стремленій лишь тогда, когда они причинили намъ непоправимый вредъ и наши лучшія силы уже ушли на нихъ. Одинъ разстрачиваетъ себя на разгуль и наслажденія, и когда физическое и духовное здоровье уже безнадежно потеряно, съ горечью убѣждается въ пошлости, бессмысленности всѣхъ наслажденій, въ неутолимости ими жизненной тоски; другой аскетически воздерживается отъ всѣхъ непосредственныхъ жизненныхъ радостей, закаляя и сберегая себя для великаго призванія или святого дѣла, чтобы потомъ, когда жизнь уже клонится къ концу, убѣдиться, что этого призванія у него совсѣмъ нѣтъ, и это дѣло совсѣмъ не свято, и въ безсильномъ раскаяніи жалѣть о безплодно упущенныхъ радостяхъ жизни. Кто остается одинокъ, боясь обременить себя тягостями семьи, страдаетъ отъ холода одинокой старости и скорбитъ о уже недостижимомъ уютѣ семьи и ласкѣ любви; кто, поддавшись соблазну семьи, оказался обремененнымъ тягостями семейныхъ заботъ, погруженный въ мелочную суету семейныхъ дразгъ и волненій, безплодно кается, что добровольно продалъ свою свободу за мнимыя блага, отдалъ себя въ рабство подневольнаго труда и не осуществилъ своего истиннаго призванія. Всѣ наши страсти и сильнѣйшія влеченія обманчиво выдаютъ себя за что-то

абсолютно важное и драгоценное для насъ, сулятъ намъ радость и успокоеніе, если мы добьемся ихъ удовлетворенія, и всѣ потомъ, заднимъ числомъ, когда уже поздно исправить ошибку, обнаруживаютъ свою иллюзорность, ложность своего притязанія исчерпать собою глубочайшее стремленіе нашего существа и дать, черезъ свое удовлетвореніе, полноту и прочность нашему бытію. Отсюда неизбежное для всѣхъ людей меланхолическое, втайнѣ глубоко и безысходно трагическое, сознание выражаемое французской поговоркой: «*si jeunesse savait, si vieillesse pouvait*» — сознание обманутыхъ надеждъ, недостижимости истиннаго счастья на землѣ. Гете, прозванный «баловнемъ судьбы», прожившій исключительно долгую, счастливую и плодотворную жизнь, обладатель рѣдчайшаго дара — умѣнія сочетать творческую энергію, безмѣрное трудолюбіе и могучую самообуздывающую силу воли съ жаждой и способностью испытать всѣ жизненныя наслажденія, упиться всѣми радостями жизни — этотъ избранникъ человѣчества подъ конецъ своей жизни признавался, что за 80 лѣтъ своей жизни онъ извѣдалъ лишь нѣсколько дней полного счастья и удовлетворенія; и онъ испыталъ на себѣ всю неизбежную трагику человѣческой жизни, онъ повѣдалъ, что сушность жизни узнаеть лишь тотъ , кто въ слезахъ ѣсть свой хлѣбъ и въ тоскѣ и кручинѣ проводить безсонныя мучительныя ночи, и что судьба утѣшаетъ насъ лишь однимъ неустаннымъ припѣвомъ: «терпи лишенія» (*Entbehren sollst du, sollst entbehren!*). Если такова жизненная мудрость избраннаго счастливица человѣчества, то какой итогъ должны подвести своей

жизни всѣ остальные, менѣе удачливые и одаренные люди, со всей ихъ немощностью, со всей тяжестью ихъ жизненной участи, со всѣми изнутри раздирающими ихъ противорѣчіями и затуманивающими ихъ пути духовными слабостями?

Всѣ мы— рабы слѣпой судьбы — слѣпыхъ ея силь внѣ насъ и въ насъ. А рабъ, какъ мы уже знаемъ и какъ это ясно само собой, не можетъ имѣть осмысленной жизни. Древніе греки, такъ ярко чувствовавшіе гармонію и космическую налаженность, стройность міровой жизни, вмѣстѣ съ тѣмъ оставили намъ вѣчные, незабвенные образцы трагическаго сознанія, что человѣческимъ мечтамъ и надеждамъ нѣтъ мѣста въ этой гармоніи. Народное сознаніе вѣрило, что боги завидуютъ человѣческому счастью и всегда принимаютъ мѣры къ тому, чтобы покарать и унижить счастливецъ, чтобы возмѣстить случайную человѣческую удачу горькими ударами судьбы; и, съ другой стороны, оно вѣрило, что даже блаженные боги подчинены, какъ высшему началу, неумолимой слѣпой судьбѣ. Болѣе очищенное религіозное сознаніе ихъ мудрецовъ учило, что по законамъ міровой гармоніи никто не долженъ захватывать слишкомъ много для себя, чрезмѣрно перерастать общій уровень, что человѣкъ долженъ знать свое скромное мѣсто и что даже сама *индивидуальность* человѣка есть грѣховная иллюзія, караемая смертью; лишь въ добровольномъ признаніи себя служебнымъ зависимымъ звеномъ міроваго цѣлаго, лишь въ смиренномъ пріятіи своей рабской зависимости отъ космоса и своего космическаго ничтожества человѣкъ покоряется божественной волѣ, исполняетъ свое един-

ственное назначеніе и можетъ надѣяться не загубить себя. Итогъ обоихъ воззрѣній — одинъ и тотъ же. И потому уже наивный Гомеръ говорить, что

... «изъ тварей, которыя дышать и ползають въ прахѣ, Истинно въ цѣлой вселенной несчастнѣе нѣтъ человѣка».

и всѣ греческіе поэты согласно вторятъ ему въ этомъ. «И земля, и море полны бѣдствій для человѣка», говоритъ Гесіодъ. «Слаба жизнь человѣка, бесплодны его заботы, въ краткой его жизни скорбь слѣдуетъ за скорбью» (Симонидъ). Человѣкъ въ этомъ міровомъ цѣломъ — лишь «дуновеніе и тѣнь» — или еще менѣе — «сонъ тѣни» (Пиндаръ). И вся античная философія, отъ Анаксимандра, Гераклита и Эмпедокла до Платона, Марка Аврелія и Плотина, во всемъ другомъ расходясь съ ученіями поэтовъ и борясь съ ними, въ этомъ пессимизмѣ, въ этомъ горькомъ признаніи безнадежной суетности, слабости и бессмысленности земной жизни человѣка сходится съ греческой поэзіей. Съ нею совпадаетъ и вся живая мудрость остального человѣчества — Библія и Махабхарата, вавилонскій эпосъ и могильныя надписи древняго Египта. «Суета суетъ, сказалъ Екклесіастъ, суета суетъ — все суета! Что пользы человѣку отъ всѣхъ трудовъ его, которыми трудится онъ подъ солнцемъ?... Участь сыновъ человѣческихъ и участь животныхъ — участь одна; какъ тѣ умирають, такъ умирають и эти, и одно дыханіе у всѣхъ, и нѣтъ у человѣка преимущества передъ скотомъ: потому что все — суета!.. И ублажилъ я мертвыхъ, которые давно умерли, болѣе живыхъ, которые живутъ доселѣ; а блаженнѣе обоихъ тотъ, кто еще

не существовать, кто не видалъ злыхъ дѣлъ, какія дѣлаются подъ солнцемъ. И обратился я, и видѣлъ подъ солнцемъ, что не проворнымъ достается успѣшный бѣгъ, не храбрымъ — побѣда, не мудрымъ — хлѣбъ, и не у разумныхъ — богатство, и не искуснымъ благорасположеніе, но время и случай для всѣхъ ихъ» (Еккл. 1, 1 — 2, 3, 19, 4, 2 — 3, 9, 11).

Но допустимъ даже, что мудрость всѣхъ временъ и народовъ не права. Допустимъ, что возможна подлинно счастливая жизнь, что всѣ желанія наши будутъ удовлетворены, что кубокъ жизни будетъ для насъ полонъ однимъ лишь сладкимъ виномъ, не отравленнымъ никакой горечью. И все же жизнь, даже самая сладостная и безмятежная, сама по себѣ не можетъ удовлетворить насъ; неотвязный вопросъ: «зачѣмъ? для чего?» даже въ счастіи рождаетъ въ насъ неутолимую тоску. Жизнь ради самого процесса жизни не удовлетворяетъ, а развѣ лишь на время усыпляетъ насъ. Неизбѣжная смерть, равно обрывающая и самую счастливую, и самую неудачную жизнь, дѣлаетъ ихъ одинаково бессмысленными. Наша эмпирическая жизнь есть обрывокъ: сама для себя, безъ связи съ нѣкимъ цѣлымъ, она такъ же мало можетъ имѣть смыслъ, какъ обрывокъ страницы, вырванный изъ книги. Если она можетъ имѣть смыслъ, то только въ связи съ общей жизнью человѣчества и всего міра. И мы уже видѣли, что осмысленная жизнь неизбѣжно должна быть служеніемъ чему то иному, чѣмъ она сама, какъ замкнутая въ себѣ личная жизнь, что лишь въ исполненіи призванія, въ осуществленіи какой либо сверхличной и самодовлѣющей цѣнности человѣкъ мо-

жетъ найти самого себя, какъ разумное существо, требующее разумной, осмысленной жизни. Ближайшимъ цѣлымъ, съ которымъ мы связаны и часть котораго мы составляемъ, является жизнь народа или человѣчества; внѣ родины и связи съ ея судьбою, внѣ культурнаго творчества, теорческаго единства съ прошлымъ человѣчества и его будущимъ, внѣ любви къ людямъ и солидарнаго соучастія въ ихъ общей судьбѣ мы не можемъ осуществить самихъ себя, обрѣсти подлинно осмысленную жизнь. Какъ листъ или вѣтвь дерева, мы питаемся соками цѣлага, расцвѣтаемъ его жизнью и засыхаемъ и опадаемъ въ прахъ, если въ самомъ цѣломъ нѣтъ жизни. Для того, чтобы индивидуальная жизнь имѣла смыслъ, нужно поэтому, чтобы имѣла смыслъ и жизнь общечеловѣческая, чтобы исторія человѣчества была связнымъ и осмысленнымъ процессомъ, въ которомъ достигается какая либо великая общая и безспорно цѣнная цѣль. Но и здѣсь, при безпристрастномъ и честномъ разсмотрѣннн эмпирическаго хода вещей, насъ ждетъ новое разочарованіе, новое препятствіе для возможности обрѣсти смыслъ жизни.

Ибо, какъ бессмысленна каждая единичная личная жизнь человѣка, такъ же бессмысленна и общая жизнь человѣчества. Исторія человѣчества, если мы ищемъ смысла имманентнаго ей и ей самой внутренне присущаго, такъ же обманываетъ наши ожиданія, какъ и наша личная жизнь. Она есть , съ одной стороны, наборъ бессмысленныхъ случайностей, длинная вереница коллективныхъ, всенародныхъ и международныхъ событій, которыя не вытекають разумно одно изъ другого, не ведутъ ни къ

какой цѣли, а случаются, какъ итогъ стихійнаго столкно-
венія и скрещенія коллективныхъ человѣческихъ стра-
стей; и, съ другой стороны, поскольку исторія есть все
же послѣдовательное осуществленіе человѣческихъ иде-
аловъ, она есть вмѣстѣ съ тѣмъ исторія ихъ крушеній,
неуклонное разоблаченіе ихъ иллюзорности и несостоя-
тельности, безконечно длинный и мучительный предмет-
ный урокъ, въ которомъ человѣчество обучается усматри-
вать тщету своихъ надеждъ на разумное и благое устро-
еніе своей коллективной жизни. Вѣра въ прогрессъ, въ
неустанное и непрерывное совершенствованіе человѣ-
чества, въ неуклонное, безъ остановокъ и паденій, вос-
хожденіе его на высоту добра и разума — эта вѣра,
которая вдохновляла множество людей въ продолженіе
послѣднихъ двухъ вѣковъ, въ настоящее время разобла-
чена въ своей несостоятельности съ такою очевидностью,
что намъ остается только удивляться наивности поколѣ-
ній, ее раздѣлявшихъ. Человѣчество въ своей эмпири-
ческой исторической жизни совсѣмъ не движется «впе-
редъ»; поскольку мы мнимъ обосновать нашу жизнь на
служеніи общественному благу, осуществленію совершен-
наго общественнаго строя, воплощенію въ коллектив-
номъ бытѣ и человѣческихъ отношеніяхъ началъ правды,
добра и разума, мы должны съ мужественной трезвостью
признать, что міровая исторія совсѣмъ не есть прибли-
женіе къ этой цѣли, что человѣчество теперь не ближе
къ ней, чѣмъ вѣкъ, два или двадцать вѣковъ тому назадъ.
Даже сохраненіе уже достигнутыхъ цѣнностей для него
оказывается невозможнымъ. Гдѣ нынѣ эллинская муд-
рость и красота, одно воспоминаніе о которой наполняетъ

намъ душу грустнымъ умиленіемъ? Кто изъ нынѣшнихъ мудрецовъ, если онъ не обольщаетъ себя самомнѣніемъ, можетъ достигнуть своей мыслью тѣхъ духовныхъ высотъ, на которыхъ свободно витала мысль Платона или Плотина? Близки ли мы теперь отъ того умиротворенія и правового упорядоченія всего культурнаго міра подъ единой властью, котораго міръ уже достигъ въ золотую пору римской имперіи съ ея рах Романа? Можемъ ли мы надѣяться на возрожденіе въ мірѣ тѣхъ недостижимыхъ образцовъ глубокой и ясной религіозной вѣры, которую являли христіанскіе мученики и исповѣдники первыхъ вѣковъ нашей эры? Гдѣ теперь богатство индивидуальностей, цвѣтушая полнота и многообразіе жизни средневѣковья, которыя высокомѣрная пошлость убогаго просвѣтительства назвала эпохой варварства и которое, какъ несбыточная мечта, манитъ теперь къ себѣ всѣ чуткія души, изголодавшіяся въ пустынѣ современной цивилизаціи? Поистинѣ, надо очень твердо вѣровать въ абсолютную цѣнность внѣшнихъ техническихъ усовершенствованій — аэроплановъ и беспроводныхъ телеграфовъ, дальнобойныхъ орудій и удушливыхъ газовъ, крахмальныхъ воротничковъ и ватеръ-клозетовъ — чтобы раздѣлять вѣру въ непрерывное совершенствованіе жизни. И самый прогрессъ эмпирической науки — безспорный за послѣдніе вѣка и во многомъ благодѣтельный — не искупается ли онъ съ избыткомъ той *духовной слѣпотой*, тѣмъ небреженіемъ къ абсолютнымъ цѣностямъ, той пошлостью мѣщанской самоудовлетворенности, которыя сдѣлали такіе удручающіе успѣхи за послѣдніе вѣка и какъ будто неустанно продолжаютъ прогрессиро-

вать въ европейскомъ мірѣ? И не видимъ ли мы, что культурная, просвѣщенная, озаренная научнымъ разумомъ и очищенная гуманитарными нравственными идеями Европа дошла до безчеловѣчной и бессмысленной міровой войны и стоитъ на порогѣ анархіи, одичанія и новаго варварства? И развѣ ужасная историческая катастрофа, совершившаяся въ Россіи и сразу втоптавшая въ грязь, отдавшая въ руки разнузданной черни и то, что мы въ ней чтили какъ «святую Русь» и то, на что мы уповали и чѣмъ гордились въ мечтахъ о «великой Россіи», не есть рѣшающее обличеніе ложности «теоріи прогресса»?

Мы научились понимать — и въ этомъ отношеніи непосредственныя жизненныя впечатлѣнія совпадаютъ съ главными достиженіями объективной исторической науки за послѣдніе сто лѣтъ — что непрерывнаго прогресса не существуетъ, что человѣчество живетъ смѣной подъемовъ и паденій, и что всѣ великія его достиженія во всѣхъ областяхъ жизни — государственной и общественной, научной и художественной, религіозной и нравственной — имѣютъ свой конецъ и смѣняются періодами застоя и упадка, когда человѣчеству приходится учиться на ново и снова подыматься изъ глубинъ. «Все великое земное разлетается, какъ дымъ — нынче жребій выпаль Троѣ, завтра выпадеть другимъ». Подъ вліяніемъ этого сознанія одинъ изъ самыхъ тонкихъ, чуткихъ и всесторонне образованныхъ историческихъ мыслителей нашего времени — Освальдъ Шпенглеръ — учитъ, что «всемирная исторія есть принципіально бессмысленная смѣна рожденія, расцвѣтанія, упадка и смерти отдѣльныхъ культуръ.»

И когда мы, неудовлетворенные этимъ выводомъ, ищемъ за этой безсмысленной смѣной всплесковъ и замираній духовныхъ волнъ исторической жизни какую либо связанность и послѣдовательность, когда мы стараемся разгадать ритмъ міровой исторіи и черезъ него — ея смыслъ, то единственное, чего мы достигаемъ, есть уясненіе ея смысла, какъ общечеловѣческаго религіознаго воспитанія черезъ рядъ горькихъ разочарованій, отличающихъ суетность всѣхъ земныхъ человѣческихъ упованій и мечтаній. Исторія человѣчества есть исторія послѣдовательнаго крушенія его надеждъ, опытное изобличеніе его заблужденій. Всѣ человѣческіе идеалы, всѣ мечты построить жизнь на томъ или иномъ отдѣльномъ нравственномъ началѣ взвѣшиваются самою жизнью, находятся слишкомъ легкими и жизнью отбрасываются, какъ негодные. Какъ индивидуальная человѣческая жизнь въ ея эмпирическомъ осуществленіи имѣетъ только одинъ смыслъ — научить насъ той жизненной мудрости, что счастье неосуществимо, что всѣ наши мечты были иллюзорны и что процессъ жизни, какъ таковой, безсмысленъ, — такъ и всечеловѣческая жизнь есть тяжкая опытная школа, необходимая для очищенія насъ отъ иллюзій всечеловѣческаго счастья, для обличенія суетности и обманчивости всѣхъ нашихъ упованій на воплощеніе въ этомъ мірѣ царства добра и правды, всѣхъ нашихъ человѣческихъ замысловъ идеальнаго общественнаго самоустроенія.

Да и можетъ ли быть иначе? Когда мы думаемъ объ исторіи, объ общей судьбѣ человѣчества, мы какъ-то забываемъ, что исторія человѣчества есть лишь обрывокъ

и зависимая часть космической истории, мировой жизни, как цѣлаго. Та плѣненность — извнѣ и извнутри — случайными, слѣпыми, чуждыми нашимъ завѣтнымъ чаяніямъ космическими силами, которую мы усмотрѣли, какъ роковое состояніе единичной человѣческой жизни — эта плѣненность присуща въ такой же, если не большей мѣрѣ и жизни общечеловѣческой. Со всѣхъ сторонъ человѣчество окружаютъ слѣпыя силы и роковыя, слѣпыя необходимости космической природы. Уже то обстоятельство, что человѣческая жизнь, индивидуальная и коллективная, въ такой огромной мѣрѣ сводится на ту самую борьбу за существованіе, на непрерывную, самоубійственную драку за средства пропитанія, которая господствуетъ во всемъ животномъ мірѣ, — что, несмотря на всѣ техническія усовершенствованія, съ размноженіемъ человѣческаго рода, все относительно меньше становится на землѣ плодородной почвы, угля, желѣза и всего, что нужно людямъ, и борьба за обладаніе ими становится все ожесточеннѣе — уже одно это есть достаточное свидѣтельство того, какъ стихійныя условія космической жизни сковываютъ человѣческую жизнь и заражаютъ ее своей бессмысленностью. А въ нашей груди — и именно въ особенности въ душѣ человѣчества, какъ коллективнаго цѣлаго, въ сердцахъ народныхъ массъ — живутъ страсти и влеченія, которыя столь же слѣпы и убійственны, какъ всѣ остальные космическія силы; и если отдѣльный человѣкъ легко можетъ впасть въ самообманъ, считая себя свободнымъ отъ слѣпоты космическихъ силъ, то именно народныя массы и всяческіе историческіе коллективы являютъ намъ въ своей

жизни столь разительные образцы подчиненности слѣпымъ инстинктамъ и грубымъ стихійнымъ страстямъ, что въ отношеніи ихъ этотъ самообманъ невозможенъ или гораздо менѣе простителенъ. Представимъ себѣ хоть на мгновеніе съ полной реалистической ясностью то положеніе человѣчества, которое соотвѣтствуетъ подлинной дѣйствительности, поскольку мы беремъ жизнь въ ея эмпирическомъ составѣ. Въ какомъ то уголкѣ мірового пространства кружится и летитъ комочекъ міровой грязи, называемый земнымъ шаромъ; на его поверхности копошатся, кружась и летя вмѣстѣ съ нимъ милліарды и билліоны живыхъ козявокъ, порожденныхъ изъ него же, въ томъ числѣ двуногія, именующія себя людьми; бессмысленно кружась въ міровомъ пространствѣ, бессмысленно зарождаясь и умирая черезъ мгновеніе по законамъ космической природы, онѣ въ то же время, движимыя тѣми же слѣпыми силами, дерутся между собой, къ чему-то неустанно стремятся, о чемъ-то хлопчутъ, устраиваютъ между собой какіе то порядки жизни. И эти то ничтожныя созданія природы мечтаютъ о смыслѣ своей общей жизни, хотятъ достигнуть счастья, разума и правды. Какая чудовищная слѣпота, какой жалкій самообманъ.

Чтобы понять это, мы даже совсѣмъ не должны итти такъ далеко, какъ того требуетъ господствующее естественно-научное понятіе о мірѣ, совсѣмъ не должны представлять себѣ міръ, какъ мертвый хаосъ, какъ механизмъ безжизненныхъ физическихъ и химическихъ силъ. Это воззрѣніе, которое многимъ еще доселѣ представляется высшимъ достиженіемъ точнаго научнаго

знанія, есть лишь свидѣтельство узости, бездушія и научной тупости, до котораго дошло все «прогрессирующее» человѣчество. Древніе греки лучше насъ знали что міръ — не мертвая машина, а живое существо, что онъ полонъ живыхъ и одушевленныхъ силъ. Къ счастью, тотъ духовный кризисъ, который переживаетъ въ настоящее время человѣчество, уже раскрылъ многимъ наиболее пронизательнымъ естествоиспытателямъ нашего времени глаза и далъ имъ понять убожество и ложность чисто-механическаго естественно-научнаго міросозерцанія. Со всѣхъ сторонъ—въ новѣйшей критикѣ механической физики Галлилея и Ньютона, въ новѣйшихъ физико-механическихъ открытіяхъ, разлагающихъ косную матерію на заряды силъ, въ критикѣ дарвинистическихъ ученій объ эволюціи, въ усмотрѣніи виталистическихъ анти-механистическихъ началъ органической жизни — всюду возрождаются и вновь открываются человѣческому взору признаки, свидѣтельствующіе, что міръ есть не мертвый хаосъ косныхъ матеріальныхъ частицъ, а нѣчто гораздо болѣе сложное и живое. Тотъ упрекъ, который русскій поэтъ посылалъ современнымъ людямъ:

Они не видятъ и не слышатъ,
Живутъ въ семь мірѣ, какъ впотъмахъ,
Для нихъ и солнце, знать, не дышитъ
И жизни нѣтъ въ мірскихъ волнахъ —

этотъ упрекъ повторяютъ теперь уже и многіе представители научнаго знанія. Міръ не есть мертвая машина или хаосъ косной матеріи, «не слѣпокъ, не бездушный ликъ»;

міръ есть великое живое существо и вмѣстѣ съ тѣмъ единство множества живыхъ силъ.

И все же міръ не есть зрячее и разумное существо. Онъ — слѣпой великанъ, который корчится въ мукахъ, терзается своими собственными страстями, отъ боли грызетъ самого себя и не находитъ выхода своимъ силамъ. И поскольку человѣкъ входитъ въ его составъ, есть только его ничтожная часть и порожденіе, ничтожная клѣточка или молекула его тѣла, и поскольку сама душа человѣка есть лишь частица этой космической души, подчинена ея силамъ и обуреваема ими — человѣкъ все же безнадежно окованъ, захваченъ въ плѣнъ могучими слѣпыми силами космоса и вмѣстѣ съ нимъ обреченъ корчиться въ бессмысленныхъ мукахъ, бессмысленно рождаться, куда-то стремиться и бесплодно гибнуть въ слѣпомъ процессѣ неустаннаго круговорота міровой жизни. И мы уже видѣли, что древніе греки, восхищаясь красотой и живою стройностью космическаго цѣлаго, съ горечью и безысходнымъ отчаяніемъ сознавали безнадежность, тщету и бессмысленность въ немъ человѣческой жизни.

Куда бы мы ни кинули нашъ взоръ, съ какой бы стороны ни посмотрѣли на жизнь — поскольку мы стараемся честно постигнуть эмпирическое, объективно-данное намъ существо жизни — всюду и черезъ все мы убѣждаемся въ ея роковой бессмысленности. Мы видѣли условія достижимости смысла жизни: существованіе Бога, какъ абсолютнаго Блага, вѣчной Жизни и вѣчнаго свѣта Истины, и божественность человѣка, возможность для него приобщиться къ этой истинной, божественной жизни, на ней утвердить, ею всецѣло заполнить свою

собственную жизнь. Но міръ не есть Богъ, и его жизнь — не божественная жизнь; противоположное утвержденіе пантеизма можетъ развѣ отвлеченно соблазнить кого либо, въ живомъ же опытѣ мы слишкомъ ясно сознаемъ несовпаденіе того и другого: въ мірѣ царитъ смерть, онъ подчиненъ всеуничтожающему потоку времени, онъ полонъ тьмы и слѣпоты. И если таковъ міръ — вправѣ ли мы отъ него, по крайней мѣрѣ, умозаключать о существованіи Бога? Всѣ попытки человѣческой мысли *такимъ путемъ* дойти до признанія Бога оказывались и оказываются тщетными. Какъ бы мы ни восхищались стройностью и грандіозностью мірозданія, красотой и сложностью живыхъ существъ въ немъ, какъ бы мы ни трепетали передъ безмѣрностью его глубины — и созерцая звѣздное небо, и сознавая свою собственную душу, — но одна наличность страданій, зла, слѣпоты и тлѣнности въ немъ противорѣчитъ его божественности и не позволяетъ намъ въ немъ, какъ онъ есть и непосредственно намъ данъ, усмотрѣть рѣшающее свидѣтельство наличія всевѣдущаго, всеблагаго и всемогущаго Творца. Какъ говоритъ одинъ проникательный современный нѣмецкій религіозный мыслитель (Максъ Шелеръ): «если бы мы должны были отъ познанія міра умозаключить къ существованію Бога, то наличіе въ мірѣ хотя бы одного червя, извивающагося отъ боли, было бы уже рѣшающимъ противоположаніемъ». Разсматривая міръ, какъ онъ есть, мы неизбѣжно приходимъ въ вопросъ объ его первопричинѣ или о дѣйствіи Бога въ немъ къ дилеммѣ. Одно изъ двухъ: или Бога совсѣмъ нѣтъ, и міръ есть твореніе безсмысленной слѣпой силы, или же Богъ, какъ всебла-

гое и всевѣдующее существо, есть, но тогда онъ не всемогущъ, и не есть Творецъ и единодержавный Промыслитель міра . Первый выводъ дѣлаетъ нынѣ господствующее міровоззрѣніе, второй, болѣе глубокій, по чисто религиознымъ мотивамъ былъ утверждаемъ гностиками и въ новѣйшее время былъ снова сдѣланъ рядомъ мыслителей, искавшихъ Бога на чисто интеллектуальномъ пути. Но и въ томъ и другомъ случаѣ — и если Бога нѣтъ, и если Онъ не въ силахъ намъ помочь и насъ спасти отъ мірового зла и безсмыслія — наша жизнь одинаково безсмысленна. Но какъ мы видѣли, даже и существованія Бога мало для обрѣтенія смысла нашей жизни: для этого нужна возможность нашего, человѣческаго соучастія въ свѣтъ и жизни Божества, нужна вѣчность, совершенная просвѣтленность и покой удовлетворенности нашей собственной, человѣческой жизни. А это условіе — независимо отъ трудности его во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ — абсолютно неосуществимо, поскольку человѣкъ есть часть и порожденіе міровой, космической природы со всей ея слѣпотой, несовершенствомъ и тлѣнностью. Для того, чтобы увѣрять въ достижимость смысла жизни, мы какъ будто вынуждены отрицать этотъ безспорный фактъ плѣненности и пронизанности человѣка силами природы, мы должны идти противъ очевидности неотмѣнимаго факта. Не значить ли это, что положительное рѣшеніе вопроса о смыслѣ жизни, реальное обрѣтеніе этого смысла невозможно, и что мы обречены лишь бессильно мечтать о немъ, ясно усматривая абсолютную неосуществимость нашей мечты?

Безсмысленность жизни открылась не со вчерашняго дня; какъ мы уже видѣли, ее утверждала древняя мудрость, пожалуй, съ большей силой и ясностью, чѣмъ это доступно современному человѣку, утратившему цѣлостное воспріятіе жизни и потому склонному опьяняться иллюзіями. И все же человѣчество издавна имѣло религиозное сознание, вѣрило въ Бога и возможность спасенія человѣка и тѣмъ утверждало осуществимость смысла жизни. Есть ли это одна простая непослѣдовательность, неумѣніе или боязнь сдѣлать послѣдній выводъ изъ неоспоримыхъ фактовъ? Такое сужденіе было бы съ нашей стороны поспѣшнымъ и легкомысленнымъ заключеніемъ. Мы должны, наоборотъ, сами глубже вдуматься въ дѣло, полнѣе оцѣнить мотивы, руководящія религиознымъ сознаніемъ человѣчества, и поставить теперь себѣ вопросъ: есть ли умозаключеніе отъ эмпирической природы міра и жизни достаточный и единственный критерій для рѣшенія вопроса о смыслѣ жизни?

5. САМООЧЕВИДНОСТЬ ИСТИННАГО БЫТІЯ.

Разъ поставивъ этотъ вопросъ, мы тотчасъ же должны отвѣтить на него отрицательно. Дѣло въ томъ, что мы просто не можемъ удовлетвориться утверженіемъ всеобщей безсмысленности жизни, не можемъ — независимо отъ всего прочаго — уже потому, что оно заключаетъ въ себѣ *внутреннее логическое противорѣчіе*. А именно оно противорѣчитъ тому простому, очевидному и именно, по своей очевидности обычно незамѣчаемому факту, что *мы понимаемъ и разумно утверждаемъ эту безсмысленность*. Разъ мы понимаемъ и разумно утверждаемъ ее, значитъ не все на свѣтѣ и не всецѣло безсмысленно; есть, по крайней мѣрѣ, осмысленное познаніе — хотя бы познаніе одной лишь безсмысленности мірового бытія. Разъ мы *ясно видимъ* нашу слѣпоту, значитъ мы все же не совсѣмъ слѣпы, но въ то же время и зрячи. Существо, абсолютно и всецѣло лишенное смысла, не могло бы сознать свою безсмысленность. Если бы міръ и жизнь были сплошнымъ хаосомъ слѣпыхъ, безсмысленныхъ силъ, то въ нихъ не нашлось бы существа, которое это сознавало и высказывало бы. Какъ утверженіе «истины

не существуетъ» безсмысленно, ибо противорѣчиво, такъ какъ утверждающій его считаетъ свое утверженіе истиной и тѣмъ самымъ сразу и признаетъ, и отрицаетъ наличіе истины, такъ и утверженіе совершенной и всеобщей безсмысленности жизни само безсмысленно, ибо, будучи само актомъ разумнаго познанія, оно въ своемъ собственномъ лицѣ являетъ фактъ, опровергающій его содержаніе.

Намъ, конечно, отвѣтятъ: это традиціонное возраженіе есть пустой и жалкій софизмъ, основанный на игрѣ словъ. Утверждая безсмысленность жизни, мы, какъ это вы сами выяснили выше, разумѣемъ отсутствіе въ ней абсолютнаго блага и возможность заполненія имъ нашей жизни, мы отрицаемъ существованіе Бога и божественность человѣка. Что это «отсутствіе» можетъ быть усмотрѣно и понято нами, — это ничего не мѣняетъ въ его содержаніи; что утверженіе безсмысленности жизни само есть разумное и въ *этомъ* смыслѣ «осмысленное» познаніе, ничуть не колеблетъ содержанія утверженія, ибо «смыслъ» значитъ здѣсь просто теоретическую обоснованность или очевидность, а совсѣмъ не тотъ практической, жизненный смыслъ, котораго мы ищемъ. Напротивъ, наличность *сознанія* безсмысленности жизни усугубляетъ, а не умаляетъ ее; само это сознаніе, по своему безсилію и по своей безцѣльности, есть свидѣтельство сугубой безсмысленности жизни; для чего нужно было, въ этомъ слѣпомъ хаосѣ, присутствіе человѣческой мысли, если она ничему не можетъ помочь, не можетъ спасти насъ отъ безсмысленности жизни, и лишь обрекаетъ насъ на безсильныя страданія отъ нея? Не

есть ли это, напротивъ, особое и особенное безмысленное издѣвательство міровой судьбы надъ человѣкомъ — даровать ему духовный взоръ, чтобы онъ видѣлъ свое безсиліе передъ слѣпыми силами и безысходно мучился имъ?

Въ этомъ возраженіи есть доля истины. Она состоитъ въ томъ, что разумъ, въ смыслѣ простой способности теоретическаго знанія, конечно, не можетъ насъ спасти и замѣнить намъ искомый цѣлостный смыслъ жизни. Но не будемъ торопиться, не будемъ быстро проходить мимо самого этого факта наличія въ насъ разума и ограничиваться поверхностной его оцѣнкой. Какъ бы недостаточенъ онъ ни былъ самъ по себѣ, онъ есть просвѣтъ, въ который мы должны внимательно всмотрѣться.

Итакъ, міръ такъ устроенъ, что, будучи слѣпымъ и безмысленнымъ въ своемъ теченіи, въ своихъ дѣйственныхъ силахъ, онъ, въ лицѣ человѣческаго разума, вмѣстѣ съ тѣмъ пронизанъ лучемъ свѣта, озаренъ *знаніемъ самого себя*. Этотъ свѣтъ знанія — какъ бы недостаточенъ онъ ни былъ для того, чтобы преобразить міръ и разогнать его тьму, ибо онъ мсжетъ лишь видѣть саму эту тьму, а не побѣдить ее — есть все же нѣчто абсолютно инородное этой тѣмѣ и вообще всѣмъ силамъ и реальностямъ эмпирическаго міра. Знаніе не есть ни физическое столкновеніе реальностей, ни какое либо ихъ взаимодействие, это есть совершенно своеобразное, въ терминахъ эмпирической реальности неопишемое начало, въ силу котораго бытіе раскрывается или озаряется, сознаетъ и познаетъ себя. Это есть все же, несмотря на все зло реальнаго безсилія, въ своей самобытности и не-

сравнимости великій и чудесный фактъ. Вглядываясь въ него, Паскаль назвалъ человѣка «мыслящимъ тростникомъ» и говорилъ: «если вся вселенная обрушится на меня и задавить меня, то въ это мгновенье моей гибели я буду все же возвышаться надъ ней, ибо она не будетъ знать, что она совершаетъ, а я буду это знать». Человѣкъ, ничтожный тростникъ, колеблемый любымъ порывомъ вѣтра, слабый ростокъ, гибнущій отъ самаго легкаго воздѣйствія на него враждебныхъ міровыхъ силъ, — своимъ разумнымъ сознаниемъ возвышается надъ всѣмъ міромъ, ибо обозрѣваетъ его; рожденный на краткій мигъ, бессильно уносимый быстротекущимъ потокомъ времени и обрекаемый имъ на неминуемую смерть, онъ въ своемъ сознаниіи и познаниіи обладаетъ вѣчностью, ибо его взоръ можетъ витать надъ безконечнымъ прошлымъ и будущимъ, можетъ познавать вѣчныя истины и вѣчную основу жизни. Скажутъ: слабое утѣшеніе — въ моментъ своей гибели сознать ее. Да, слабое — и все же утѣшеніе или возможное начало утѣшенія. Ибо, по крайней мѣрѣ въ лицѣ нашего знанія, мы уже явно не принадлежимъ къ этому міру и не подчинены его бессмысленнымъ силамъ; мы имѣемъ соприкосновеніе съ чѣмъ то инымъ, маленькую точку опоры, которая все же есть нѣкоторая подлинная, неподвижная и неколебимая опора. Въ лицѣ нашего знанія, которое явно сверхпространственно и сверхвременно (ибо способно обозрѣвать и познавать и безконечное пространство, и безконечное время), мы имѣемъ наличіе въ насъ начала иного, вѣчнаго бытія, дѣйствіе въ насъ (хотя и замутненное нашей чувственной ограниченностью и слабостью) нѣкой

сверхмірной, божественной силы. Въ немъ открывается для насъ совершенно особое, сверхъэмпирическое и въ то же время абсолютно очевидное бытіе — ближайшимъ образомъ, внутреннее бытіе насъ самихъ. Это самоочевидное внутреннее бытіе во всемъ его отличіи отъ всего внѣшняго, эмпирически извнѣ намъ даннаго, впервые опозналъ и описалъ блаженный Августинъ. Въ отношеніи *этого* бытія — говоритъ онъ — «насъ не смущаетъ никакая возможность смѣшенія истины съ ложью. Ибо мы не прикасаемся къ нему, какъ къ тому, что лежитъ внѣ насъ, какимъ либо внѣшнимъ чувствомъ... Но внѣ всякаго воображенія какого либо образа и представленія, мнѣ абсолютно очевидно, что я есмь... Вѣдь если я заблуждаюсь, то я есмь; ибо кто не существуетъ, тотъ не можетъ заблуждаться... Но если мое бытіе слѣдуетъ изъ того, что я заблуждаюсь, какъ могу я заблуждаться въ томъ, что я есмь, разъ для меня достовѣрно мое бытіе изъ самого факта, что я заблуждаюсь? Слѣдовательно, такъ какъ я, въ качествѣ заблуждающагося, былъ бы, даже еслибы заблуждался, то внѣ всякаго сомнѣнія я не заблуждаюсь въ томъ, что вѣдаю себя существующимъ» (De C. D. XI, 26). И вмѣстѣсь этимъ, столь своеобразнымъ и сверхъэмпирическимъ, внутреннимъ бытіемъ насъ самихъ, намъ непосредственно открывается и нѣчто, еще гораздо болѣе значительное — самоочевидное и въ себѣ утвержденное бытіе самой Истины, хотя здѣсь лишь въ односторонней формѣ свѣта теоретическаго знанія. Вѣдь въ актѣ нашего познанія не мы сами что-то дѣлаемъ, и не изъ насъ самихъ, какъ ограниченныхъ и отдѣльныхъ существъ, оно рождается: мы только узнаемъ истину,

насъ озаряетъ свѣтъ знанія, очевидность того, что истинно есть, — независимо отъ того, познаемъ ли мы его или нѣтъ, раскрывается ли оно нашему сознанию или нѣтъ. Поэтому не наше собственное бытіе, при всей его самоочевидности, есть первая и самодовлѣющая очевидность; оно само не раскрывалось бы намъ, мы не имѣли бы знанія о немъ, если бы въ самомъ бытіи, какъ таковомъ, не было начала Знанія, первичнаго свѣта Истины, которое во всякомъ человѣческомъ знаніи только озаряетъ собою человѣческую душу. Этотъ свѣтъ Истины, единый для всѣхъ — ибо истина одна для всѣхъ, — вѣчный, — ибо истина сама не мѣняется съ сегодняшняго дня на завтрашній, а имѣетъ силу разъ навсегда, и всеобъемлющій — ибо нѣтъ ничего, что принципиально было бы недоступно озаренію знаніемъ, какъ бы слабо и ограничено ни было человѣческое знаніе каждаго изъ насъ — этотъ свѣтъ Истины явно не есть ни что либо только человѣческое, ни даже что либо только отъ міра, ни что либо частное и обусловленное вообще; не исчерпывая собою неизъяснимой полноты и жизненности Божества, онъ есть Его отблескъ и обнаруженіе въ нашемъ собственномъ сознаніи и бытіи. И потому, вмѣстѣ съ нашимъ собственнымъ бытіемъ и его самосознаніемъ, намъ открывается, какъ его условіе, самоочевидное и въ себѣ утвержденное бытіе самой Истины и наша утвержденность въ ней. Это также отчетливо постигнулъ и выразилъ блаженный Августинъ: «Всякій, постигающій, что онъ сомнѣвается, сознаетъ нѣчто истинное и увѣренъ въ томъ, что онъ постигаетъ, т. е. увѣренъ въ чемъ-то истинномъ; итакъ, всякій сомнѣвавшійся, есть ли истина, имѣетъ въ себѣ нѣчто истинное,

въ чемъ онъ не сомнѣвается, а нѣчто истинное не можетъ быть таковымъ иначе, чѣмъ въ силу Истины». (De vera religione, с. 39.). «И я сказалъ себѣ: развѣ Истина есть ничто, только потому, что она не разлита нивъ конечномъ, ни въ безконечномъ пространствѣ? И Ты воззвалъ ко мнѣ издалика: «да, она есть. Я есмь сушій». И я услышалъ, какъ слышать въ сердцѣ, и всякое сомнѣніе совершенно покинуло меня. Скорѣе я усомнился бы въ томъ, что я живу, чѣмъ что есть Истина». (Confess. VII., 10.).

Такъ, простой и непримѣтный фактъ нашего знанія — хотя бы лишь знанія о бессмысленности и тьмѣ нашей жизни — удостовѣряетъ насъ не только въ нашемъ собственномъ, внутреннемъ сверхъэмпирическомъ бытіи, но и въ бытіи божественнаго, вѣчнаго и всеобъемлющаго, сверхмірнаго начала Истины, хотя бы лишь, какъ свѣта чистаго знанія. Отдавая себѣ отчетъ въ фактъ знанія и въ его природѣ, мы впервые открываемъ, наряду съ эмпирическимъ предметнымъ міромъ, наличіе иного, абсолютнаго *бытія* — хотя лишь въ первыхъ его, неясныхъ и самыхъ общихъ очертаніяхъ — и нашу непосредственную, исконную принадлежность къ нему. А этимъ открываются новыя перспективы въ вопросѣ о смыслѣ жизни. Какъ бы тягостна намъ ни была бессмысленность всей эмпирической жизни, какъ бы ни затрудняла она насъ въ поискахъ смысла жизни, мы впервые теперь начинаемъ понимать, что мы искали этотъ смыслъ не тамъ, гдѣ есть вообще надежда его найти, и что этой темной и хаотической областью совсѣмъ не исчерпывается бытіе: мы оставили еще необслѣдованнымъ тотъ первичный, болѣе глубокой его слой, который данъ намъ въ лицѣ нашего

собственного, непосредственно въ насъ обнаруживающагося внутренняго бытія и въ лицѣ тѣхъ послѣднихъ, абсолютныхъ глубинъ, къ которымъ мы прикасаемся изнутри. Наши горизонты расширились, цѣлый новый — и неизмѣримо болѣе глубокой, значительный и прочный міръ — міръ истиннаго, духовнаго бытія — впервые обрисовывается, хотя лишь смутно и частично. Что эмпирическая жизнь, какъ таковая — будь то наша личная жизнь, будь то жизнь міровая — бессмысленна, — не удовлетворяетъ условіямъ, при которыхъ осуществимъ смыслъ жизни — это принадлежитъ къ самому ея существу, это вытекаетъ уже изъ того, что она подчинена потоку времени, что она, говоря словами Платона, «только возникаетъ и гибнетъ, а совсѣмъ не *есть*», — и это знала истинная мудрость всѣхъ временъ и народовъ. Но ею совсѣмъ не исчерпывается истинное бытіе и къ нему то мы должны теперь обратить нашъ духовный взоръ.

Не одинъ только фактъ осмысленнаго *знанія* наводитъ насъ на него. Вѣдь мы не только безстрастно-объективно *знаемъ* фактъ бессмысленности жизни — мы томимся этимъ знаніемъ, неудовлетворены имъ и ищемъ смысла жизни. Пусть эти поиски остаются тщетными; но въ лицѣ *ихъ самихъ* мы имѣемъ тоже многозначительный фактъ, принадлежащій также къ реальности нашего внутренняго существа. Оглянемся на самихъ себя и спросимъ: откуда это наше томленіе, откуда наша неудовлетворенность и влеченіе къ чему-то принципиально иному, къ чему-то, что, какъ мы видѣли, такъ рѣзко и рѣшительно противорѣчитъ всемъ эмпирическимъ данностямъ жизни? Если мы раньше указали на то, что суще-

ство, всецѣло погруженное въ міровую безсмысленность и охваченное ею, не могло бы ея *знать*, то мы вправѣ теперь прибавить: оно не могло бы и страдать отъ нея, возмущаться ею и искать смысла жизни. Если бы люди дѣйствительно были только слѣпыми животными, существами, которыя движимы только стихійными страстями самосохраненія и сохраненія рода, они, подобно всѣмъ другимъ животнымъ, не томились бы безсмысленностью жизни и не искали бы смысла жизни. Лежащее въ основѣ этого томленія и исканія влеченіе къ абсолютному благу, вѣчной жизни и полнотѣ удовлетворенности, жажда найти Бога, приобщиться къ Нему и въ Немъ найти покой — есть тоже *великій фактъ реальности* человѣческаго бытія; и при болѣе внимательномъ и чуткомъ разсмотрѣніи человѣческой жизни легко обнаруживается, что вся она, при всей слѣпотѣ, порочности и тѣмъ ея эмпирическихъ силъ, есть смутное и искаженное обнаруженіе этого основного факта. Когда мы ищемъ богатства, наслажденій, почета, когда мы трусливо въ отношеніи себя самихъ и холодно-жестоко въ отношеніи нашихъ близкихъ боремся за наше собственное существованіе, тѣмъ болѣе, когда мы ищемъ забвенія и утѣшенія въ любви или практической дѣятельности — мы всюду *въ сущности* стремимся къ одному: «спасти» самихъ себя, найти подлинную почву для нашего бытія, подлинно насыщающее питаніе для нашего духа; слѣпо и извращенно, но мы всегда стремимся къ абсолютному благу и истинной жизни. Откуда все это? И отчего душа наша не можетъ удовлетвориться рамками и возможностями эмпирической жизни и, хоть тайно и полусознательно,

ищетъ невозможнаго? Откуда этотъ разладъ между
человѣческой душой и *всѣмъ міромъ*, въ составъ котораго
вѣдь входитъ и она сама?

Откуда, какъ разладъ возникъ?
И отчего же въ общемъ хорѣ
Душа не то поетъ, что море
И ропщетъ мыслящій тростникъ?

Правда, сторонники натуралистическаго и позитивистическаго міровоззрѣнія возражаютъ намъ: какъ бы трудно ни было отвѣтить на вопросъ: «откуда?», онъ во всякомъ случаѣ не можетъ вывести насъ за предѣлы этого міра и навести на путь, приводящій къ открытію смысла жизни. Вѣдь при слѣпотѣ силъ, дѣйствующихъ въ мірѣ, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что не все въ немъ устроено гармонично, и что, въ частности, мы, люди, одарены печальнымъ свойствомъ стремиться къ невозможному и бесплодно томиться. Какъ слѣпо бабочка летитъ на огонь и въ немъ гибнетъ, такъ же слѣпо мы проходимъ безъ удовлетворенія мимо реальныхъ, эмпирическихъ данныхъ намъ жизненныхъ возможностей, и губимъ себя, часто даже кончаемъ самоубійствомъ, въ поискахъ того, чего не бываетъ на свѣтѣ, въ бессмысленномъ и безпредметномъ томленіи. Это томленіе, заложенное отъ рожденія въ нашей груди, есть, слѣдовательно, само лишнее, добавочное свидѣтельство безсмысленности, слѣпой стихійности жизни.

И все таки, какъ только мы дѣйствительно пристально взглянемся въ этотъ фактъ нашей внутренней жизни и ощутимъ его во всей его безмѣрной значительности,

въ насъ невольно нарастаетъ совсѣмъ иное умонастроеніе: не онъ, а именно весь міръ, ему несоотвѣтствующій, кажется намъ тогда страннымъ недоразумѣніемъ; не мы должны исправиться и ради трезваго приспособленія къ эмпирическимъ возможностямъ забыть объ этой первоосновѣ нашего существа, а весь міръ долженъ былъ бы быть инымъ, чтобы дать просторъ и удовлетвореніе этому нашему неизбывному стремленію, этому глубочайшему существу нашего «Я». И намъ, по крайней мѣрѣ, смутно мерещится, что этотъ, съ точки зрѣнія предметнаго эмпирическаго міра, столь ничтожный и мелкій фактъ, какъ неспособность двуногаго животнаго, именуемаго человѣкомъ, спокойно устроиться на землѣ и его муки отъ непонятной внутренней неудовлетворенности, есть — для взора, обращеннаго внутрь и вглубь — свидѣтельство нашей принадлежности къ совсѣмъ иному, болѣе глубокому, полному и разумному бытію. Пусть мы безсильные плѣнники этого міра, и нашъ бунтъ — бессмысленная по своему безсилію затѣя; но все же мы — только его плѣнники, а не граждане, у насъ есть смутное воспоминаніе объ иной, подлинной нашей родинѣ, и мы не завидуемъ тѣмъ, кто могъ совсѣмъ о ней забыть, а испытываемъ къ нимъ лишь презрѣніе или состраданіе, несмотря на всѣ ихъ жизненные успѣхи и всѣ наши страданія. И если эта наша истинная духовная родина, эта исконная почва для нашего духовнаго питанія, для возможности истинной жизни есть именно то, что люди называютъ Богомъ, то мы понимаемъ глубокой смыслъ этихъ словъ: «Ты создалъ насъ для Себя, и неспокойно сердце наше, пока оно не найдетъ Тебя» (бл. Августинъ).

Есть одно соображеніе, которое помогаетъ намъ оправдать это смутное сознаніе и отвергнуть самодовольно-жалкое объясненіе натурализма. Пусть остается неизвѣстнымъ и подъ сомнѣніемъ, откуда взялась въ насъ эта тоска по истинной жизни и абсолютному благу и о чемъ она сама свидѣтельствуемъ. Но всмотримся въ само содержаніе *того, къ чему мы стремимся*, и поставимъ о немъ вопросъ: откуда оно и что оно означаетъ? Тогда мы сразу, при внимательномъ отношеніи къ дѣлу, постигнемъ, что здѣсь кончаются всѣ возможности натуралистическаго объясненія. Вѣдь *именно потому*, что, какъ ужъ признано, въ эмпирическомъ мірѣ нѣтъ ничего, что соотвѣтствовало бы предмету нашихъ стремленій, становится необъяснимымъ, какъ онъ могъ овладѣть нашимъ сознаніемъ, и что онъ вообще означаетъ. Мы ищемъ абсолютнаго блага; но въ мірѣ всѣ блага относительны, всѣ суть лишь средства къ чему то иному, въ концѣ концовъ средства къ сохраненію нашей жизни, которая сама совсѣмъ не есть безспорное и абсолютное благо; откуда же въ насъ это *понятіе* абсолютнаго блага? Мы ищемъ вѣчной жизни, ибо все временное бессмысленно; но въ мірѣ все, въ томъ числѣ мы сами, временно; откуда же въ насъ само *понятіе* вѣчнаго? Мы ищемъ покоя и самоутвержденности жизненной полноты — но въ мірѣ и въ нашей жизни мы вѣдаемъ только волненіе, переходъ отъ одного къ другому, частичное удовлетвореніе, сопутствуемое нуждой или же скукой пресыщенія. Откуда же родилось въ насъ это понятіе блаженнаго покоя удовлетворенности?

Скажутъ: мало ли откуда берутся въ больномъ чело-

вѣческомъ мозгу безумныя мечты! Но тѣ, кто такъ легко отвѣчаютъ на этотъ вопросъ, не отдають себѣ отчета въ его трудности. Мы спрашиваемъ здѣсь не о происхожденіи факта нашихъ мечтаній, а о *содержаніи* его предмета. Всѣ другія, даже самыя безумныя и неосуществимыя человѣческія мечты имѣють своимъ предметомъ эмпирическое содержаніе жизни, извѣстное изъ опыта: мечтаемъ ли мы — безъ всякихъ къ тому основаній — о неожиданномъ полученіи миллионнаго наслѣдства, или о міровой славѣ, или о любви первой красавицы въ мірѣ — мы всегда въ нашихъ мечтахъ оперируемъ съ тѣмъ, что въ мірѣ, вообще говоря, бываетъ, хотя бы и рѣдко, и знакомо намъ, хотя бы по наслышкѣ, изъ познанія этого міра; или, на худой конецъ, наша мечта просто количественно преувеличиваетъ реальности, данныя въ опытѣ. Здѣсь же мы стремимся къ чему-то, чего мы никогда, даже въ количественномъ маломъ масштабѣ, не встрѣчали и не видали въ мірѣ, чего мы никогда и не *могли* видѣть и знать, потому что оно по самому своему понятію, по самому качественному своему содержанію, невозможно въ мірѣ. Предметъ нашей мечты, слѣдовательно, имѣеть сверхмірное, сверхъ-эмпирическое содержаніе; онъ есть что-то *иное, чѣмъ весь міръ*; и вмѣстѣ съ тѣмъ — онъ *намъ данъ*. Это есть фактъ, надъ которымъ нельзя не призадуматься; и онъ открываетъ намъ широкіе, еще не извѣданные горизонты. Не *дано* ли намъ, на самомъ дѣлѣ, именно то, чего мы ищемъ, не являемся ли мы уже *обладателями искомага*?

Я предвижу, что читатель въ негодованіи или смущеніи снова возразить: но вѣдь это — жалкій софизмъ!

Предметъ нашихъ мечтаній данъ, но вѣдь именно только, какъ предметъ нашихъ *мечтаній*; онъ намъ данъ, какъ воображаемое нами благо, а вовсе не въ реальности; онъ данъ такъ, какъ «данъ» мысли предметъ, котораго ищешь, какъ «дано» потерянное, гдѣ-то зарытое сокровище, а не такъ, какъ дано благо, которымъ обладаешь и можешь наслаждаться. Должны ли мы удовлетвориться «воображаемымъ» Богомъ, воображаемой «истинной жизнью»?

Это возраженіе психологически вполне естественно; оно имѣетъ и болѣе глубокой объективный смыслъ, къ уясненію котораго мы вернемся ниже. Но въ цѣломъ, въ томъ непосредственномъ значеніи, въ которомъ оно высказывается, оно основано на невнимательномъ отношеніи къ духовной проблемѣ и на ложной плѣненности одностороннимъ, чисто чувственно-эмпирическимъ понятіемъ реальности.

Въ Евангеліи сказано: «ищите, и обрящете; толцете, и отвержется вамъ». Подлинное усвоеніе глубокой, божественной правды этихъ словъ основано совсѣмъ не на какой либо «слѣпой», безотчетной вѣрѣ въ авторитетъ; оно дается той вѣрѣ, которая есть просто устремленность взора на духовное бытіе и усмотрѣніе его природы. Кто обратилъ свой взоръ на духовное бытіе, тотъ знаетъ, что смыслъ и правда этихъ словъ — въ томъ, что въ духовномъ бытіи всякое исканіе уже есть частичное обладаніе, всякій толчекъ въ закрытую дверь есть тѣмъ самымъ ея раскрываніе.

Въ эмпирическомъ мірѣ «воображаемое» и только «искомое» существенно отличается отъ «реальнаго» и

«наличнаго»; ибо здѣсь подъ «реальностью» мы разумѣемъ присутствіе предмета для нашего чувственнаго взора, его наличие въ чувственной близости отъ насъ, его доступность нашей дѣйственной волѣ. Въ этомъ смыслѣ есть, — какъ указывалъ Кантъ въ критикѣ т. наз. «онтологическаго» доказательства бытія Бога — колоссальное, совершенно непреодолимое практическое различіе между «ста талерами въ карманѣ» и «ста талерами воображаемыми», при полномъ тождествѣ мыслимаго предмета; первые насъ насыщаютъ, практически намъ полезны, вторые — только манятъ обманчивую мечту и *«на самомъ дѣлѣ»* — т. е. для нашего кармана, для насыщенія голоднаго желудка — отсутствуютъ, не существуютъ. Здѣсь «существовать» значитъ быть гдѣ-то, когда-то, у кого-то, быть видимымъ, осязаемымъ, находиться въ чувственной наличности, въ кругозорѣ познающаго. И предметъ можетъ мыслиться и быть объектомъ мечты и воображенія, не существуя здѣсь, теперь, не будучи налицо. Но въ духовномъ мірѣ и въ отношеніи предметовъ духовнаго порядка — возможно ли, удовлетворительно ли *такое* понятіе существованія, и ему соотносительное простой «воображаемости»?

Очевидно, здѣсь «существовать» не можетъ значить: находиться вотъ здѣсь, передо мною, въ чувственной близости отъ меня, быть видимымъ, слышимымъ, осязаемымъ — ибо предметы духовнаго порядка, будь то блаженство, или вѣчность, или разумъ — *такъ* вообще «существовать» не могутъ. «Существовать» здѣсь значитъ просто: быть самоочевиднымъ, воочію стоять передъ духовнымъ взоромъ, передъ умозрѣніемъ. Но тогда, значитъ, разъ мы

ищемъ ихъ, и въ этомъ исканіи «мыслимъ» или «воображаемъ», т. е. имѣемъ мысленно передъ собой — и разъ мы уже убѣдились, что они — не плодъ нашей субъективной фантазіи, сочетающей или преувеличивающей матеріалъ чувственнаго міра, а нѣкія *первичныя* содержанія — они *тѣмъ самымъ* и *существуютъ* для насъ, хотя бы и въ самой смутной формѣ. Спрашивать: существуютъ ли они «на самомъ дѣлѣ» здѣсь такъ же бессмысленно, какъ бессмысленно ставить вопросъ: существуетъ ли на самомъ дѣлѣ число или математическое понятіе, которое я мыслю. Можно разумно спрашивать; возможно ли мнѣ овладѣть этимъ предметомъ, пріобщиться къ нему, слиться съ нимъ? Но нельзя спрашивать: существуетъ ли оно само? Кто разъ остро и напряженно вдумался въ то, что такое есть истинное добро, блаженство или вѣчность, которыхъ онъ ищетъ, тотъ *тѣмъ самымъ* знаетъ что *нѣчто такое и есть*. Пусть оно противорѣчитъ всѣмъ возможностямъ эмпирическаго міра и мы никогда не встрѣчали его въ нашемъ чувственномъ опытѣ, пусть оно, съ точки зрѣнія обычнаго людского опыта и всѣхъ нашихъ ходячихъ понятій и преобладающихъ интересовъ, парадоксально, невѣроятно — но если только наше сердце влечетъ насъ къ нему и потому нашъ взоръ на него направленъ, мы его *видимъ* и потому оно *есть*. Я могу думать, что оно не осуществимо въ эмпирическомъ мірѣ, что оно бессильно передъ слѣпыми силами жизни, которыя загнали его въ какія-то далекія глубины за предѣлами міра, въ которыхъ оно доступно только моею ищущей душѣ — но тамъ, бессильное и далекое отъ всего міра, оно все таки *есть*, и ничто не мѣшаетъ мнѣ

его любить и къ нему влечься. Впрочемъ, я невольно подмѣчаю, хоть изрѣдка, его присутствіе, или хотя бы слабое его проявленіе или отблескъ и въ жизни: искренній привѣтъ, душевная ласка другого человѣка, его добрый взоръ, на меня устремленный, говоритъ мнѣ, что добро какъ то отдаленно живетъ и сквозить и въ немъ; всякій актъ самоотверженія свидѣтельствуемъ мнѣ, что въ жизни дѣйствуютъ не однѣ животныя страсти и холодный расчетъ корысти; и изрѣдка въ совершенно исключительныя минуты моей жизни, я способенъ не только мечтать о вѣчности или о полнотѣ удовлетворенности, но на краткое мгновеніе и *испытывать ихъ*, ощущать ихъ осуществленными. То, чего я ищу, не только есть, но лучи его доходятъ до міра и воздѣйствуютъ на міръ.

И если я обращаюсь теперь къ своему собственному *исканію* смысла жизни, то я ясно вижу, что оно — не смотря на его кажущуюся неосуществимость — *само есть проявленіе во мнѣ реальности того, что я ищу*. Исканіе Бога есть уже дѣйствіе Бога въ человѣческой душѣ. Не только Богъ есть вообще — иначе мы не могли бы Его помыслить и искать, такъ непохоже то, чего мы здѣсь ищемъ, на все, знакомое намъ изъ чувственнаго опыта — но Онъ *есть именно съ нами или въ насъ*, Онъ въ насъ дѣйствуетъ, и именно Его дѣйствіе обнаруживается въ этомъ странномъ, столь нецѣлесообразномъ и непонятномъ съ мірской точки зрѣнія, нашемъ безпокойствіи, нашей неудовлетворенности, нашемъ исканіи того, что въ мірѣ не бываетъ. «Ты создалъ насъ для Себя, и неспокойно сердце наше, пока не найдетъ Тебя».

Добро, вѣчность, полнота блаженной удовлетворен-

ности, какъ и свѣтъ истины — все то, что намъ нужно, для того, чтобы наша жизнь обрѣла «смысль», есть не пустая мечта, не человѣческая выдумка — все это *есть на самомъ дѣлѣ* — свидѣтельство тому мы сами, наша мысль объ этомъ, наши собственныя исканія его. Мы похожи на тѣхъ близорукихъ и разсѣянныхъ людей, которые ищутъ потерянные очки и не могутъ ихъ найти, потому что очки сидятъ на ихъ носу, и ищущіе въ своихъ поискахъ *глядятъ черезъ нихъ*. «Не иди во внѣ — говорилъ тотъ же бл. Августинъ — иди во внутрь самого себя; и когда ты внутри обрѣтешь себя ограниченнымъ, перешагни черезъ самого себя!». Стоитъ только отучиться отъ привычки считать единственной реальностью то, что окружаетъ насъ извнѣ, что мы видимъ и осязаемъ, — и что насъ толкаетъ, мучаетъ и кружить въ неясномъ вихрѣ, — и обратить вниманіе на великую реальность нашего собственнаго бытія, нашего внутренняго міра, чтобы удостовѣриться, что въ мірѣ все же *не все* бессмысленно и слѣпо, что въ немъ — въ лицѣ нашего собственнаго томленія и исканія, и въ лицѣ того свѣта, *который* мы ищемъ и, значить, смутно видимъ, — дѣйствуютъ силы и начала иного порядка — именно тѣ, которыхъ мы ищемъ. Конечно, есть много какъ будто покинутыхъ Богомъ людей, которые во всю свою жизнь такъ и не могутъ объ этомъ догадаться — какъ не можетъ младенецъ обратить умственный взоръ на самого себя и, плача и радуясь, знать, что съ нимъ происходитъ, видѣть свою собственную реальность. Но человѣческая слѣпота и недогадливость, замкнутость человѣческаго взора шорами, которыя позволяютъ ему глядѣть только впередъ и не даютъ огля-

нуться, не есть же опроверженіе реальности того, чего не видитъ этотъ взоръ. Эта реальность съ нами и въ насъ, каждый вздохъ нашей тоски, каждый порывъ нашего глубочайшаго существа есть ея дѣйствіе, и, значить, свидѣтельство о ней, и надо только научиться, какъ говорилъ Платонъ, «повернуть глаза души», чтобы увидѣть то, чѣмъ мы «живемъ, движемся и есмы».

И теперь мы можемъ объединить два, найденныхъ нами, условія смысла жизни. Мы видѣли, черезъ анализъ самого нашего пониманія «безсмысленности» жизни, что въ немъ самомъ обнаруживается дѣйствіе сущей Истины, какъ свѣта знанія. И мы видѣли дальше, что въ самомъ нашемъ исканіи, въ самой неудовлетворенности безсмысленностью жизни, обнаруживается присутствіе и дѣйствіе началъ, *противоположныхъ* этой безсмысленности. Оба эти момента не столь разнородны и несвязны между собой, какъ это казалось съ самага начала. Ибо въ самомъ *знаніи* безсмысленности жизни, въ самомъ холодномъ теоретическомъ ея констатированіи, конечно, содержится безсознательно моментъ исканія смысла, моментъ неудовлетворенности — иначе мы не могли бы образовать и теоретическаго сужденія, предполагающаго *оцѣнку* жизни съ точки зрѣнія искомага ея идеала. И, съ другой стороны, мы не могли бы ничего искать, ничѣмъ сознательно томиться, если бы мы вообще не были сознательными существами, если бы мы не могли *знать* и нашей нужды, и того, что намъ нужно для ея утоленія. Какъ бы часто холодное сужденіе мысли ни расходилось на поверхности нашего сознанія съ несказуемымъ, намъ самимъ непонятнымъ порывомъ нашего

существа, — въ послѣдней глубинѣ они слиты между собой въ неразрывномъ единствѣ. Мы хотимъ *знать*, чтобы жить; а жить значить, съ другой стороны, жить не въ слѣпотѣ и тьмѣ, а въ свѣтѣ знанія. Мы ищемъ живого знанія и знающей, озаренной знаніемъ жизни. Свѣтъ не только освѣщаетъ, но и согрѣваетъ; а сила горѣнія сама собой накаляетъ насъ до яркаго свѣта. Истинная жизнь, которой мы ищемъ и смутное бѣненіе которой въ насъ мы ощущаемъ въ самомъ этомъ исканіи, есть единство жизни и истины, жизнь, не только озаренная свѣтомъ, но слитая съ нимъ, «свѣтлая жизнь». И въ послѣдней глубинѣ нашего существа мы чувствуемъ, что свѣтъ знанія и искомое нами высшее благо жизни, суть двѣ стороны одного и того же начала. Сверхъэмпирическое, абсолютное въ насъ мы сразу сознаемъ и какъ свѣтъ знанія, и какъ вѣчное благо — какъ то неизъяснимое высшее начало, которое русскій языкъ обозначаетъ непереводимымъ и неисчерпаемымъ до конца словомъ «правда».

И именно это абсолютное, этотъ живой разумъ или разумная жизнь, эта сущая, озаряющая и согрѣвающая насъ правда самоочевидно *есть*. Она есть *истинное бытіе*, непосредственно намъ данное или вѣрнѣе въ насъ раскрывающееся; она достовѣрнѣе всего остального на свѣтѣ, ибо о всемъ, что намъ извнѣ дано, можно спрашивать: есть ли оно или нѣтъ, объ истинномъ же бытіи нельзя даже спрашивать, есть ли оно, ибо *самъ вопросъ* есть уже обнаруженіе его, и утвердительный отвѣтъ здѣсь *предшествуетъ самому вопросу*, какъ условіе его возможности. Гдѣ-то въ глубинѣ нашего собственнаго существа, далеко отъ всего, что возможно въ мірѣ и чѣмъ

міръ живеть и вмѣстѣ съ тѣмъ ближе всего остального, *въ насъ самихъ* или на томъ порогѣ, который соединяеть послѣднія глубины нашего я съ еще большими, послѣдними глубинами бытія, есть Правда, есть истинное, абсолютное бытіе; и оно бьется въ насъ и требуетъ себѣ исхода и обнаруженія, хочетъ залить лучами своего свѣта и тепла всю нашу жизнь и жизнь всего міра, и именно это его біеніе, это непосредственное его обнаруженіе и есть та неутоленная тоска по смыслу жизни, которая насъ мучить. Мы уже не одиноки въ нашихъ исканіяхъ, и они не кажутся намъ столь безнадежными, какъ прежде.

6. ОПРАВДАНИЕ ВЪРЫ.

Но, конечно, и этого намъ мало. То, что намъ нужно для обрѣтенія подлинно существеннаго смысла жизни, есть, какъ мы знаемъ, во-первыхъ, бытіе Бога, какъ абсолютной основы для силы добра, разума и вѣчности, какъ ручательства ихъ торжества надъ силами зла, безсмыслія и тлѣнности, и, во-вторыхъ, возможность для меня лично, въ моей слабой и краткой жизни, пріобщиться къ Богу и заполнить свою жизнь имъ. Но именно эти два желанія какъ будто абсолютно неосуществимы, ибо содержать въ себѣ противорѣчіе.

Богъ есть единство всеблагости съ всемогуществомъ. Въ Бога мы вѣримъ, поскольку мы вѣримъ, что добро есть не только вообще сущее начало, подлинная сверхмірная реальность, но и *единственная* истинная реальность, обладающая поэтому полнотою всемогущества. Безсильный богъ не есть Богъ; и мы поторопились выше назвать найденное нами сущее добро — Богомъ. Не заключается ли мучающая насъ бессмысленность жизни именно въ томъ, что лучи свѣта и добра въ ней такъ слабы, что лишь смутно и издалека пробиваются сквозь

толщѣ тьмы и зла, что они лишь еле мерещатся намъ, а господствуютъ и властвуютъ въ жизни противоположныя имъ начала. Пусть въ бытіи подлинно есть Правда; но она въ немъ затеряна и безсильна, плѣнена враждебными силами и на каждомъ шагу одолевается ими; міровая жизнь все таки остается безсмысленной.

И тѣмъ болѣе остается безсмысленной наша собственная жизнь. Мы-то во всякомъ случаѣ — каждый изъ насъ — плѣненъ мірскими силами зла и слѣпоты, вихри ихъ захватываютъ насъ извнѣ и мутятъ насъ изнутри; жизнь наша разбивается, унесенная потокомъ времени; и *въ насъ* во всякомъ случаѣ нѣтъ того въ себѣ утвержденнаго покоя, той свѣтлой ясности, той полноты бытія, которые намъ нужны для смысла нашей жизни. И лишь смутно и съ величайшимъ трудомъ мы догадываемся о прикосновенности насъ къ иному началу — къ Правдѣ; и эта Правда живетъ въ насъ слабой, безсильной, въ туманѣ еле мерцающей искоркой (Fünklein — такъ именно называлъ божественное начало въ насъ Мейстеръ Экхартъ). А намъ нужно, чтобы она наполнила нашу жизнь и всю ее въ себѣ растворила.

Оба условія оказываются неосуществленными. Болѣе того, мы какъ будто ясно видимъ ихъ неосуществимость. Ибо если само бытіе Правды мы могли признать, несмотря на безсмысленность всей эмпирической жизни — именно, какъ особое начало, сверхмірное и сверхэмпирическое, — то ея всемогущество или ея всеединство — внѣ насъ и въ насъ — мы какъ будто явно не имѣемъ права признать, ибо оно противорѣчитъ безспорному факту безсмысленности жизни.

Никакими логическими ухищреніями, никакими тончайшими разсужденіями нельзя распутать это противорѣчіе, честно и до конца убѣдительно его преодолѣть. И все же наше сердце его преодолѣваетъ, и въ вѣрѣ, въ особомъ, высшемъ актѣ «сердечнаго знанія», мы ясно усматриваемъ самоочевидную наличность условій смысла жизни — очевидность всемогущества Правды и полную, совершенную утвержденность насъ самихъ, всего нашего существа, въ ней. И эта вѣра есть не просто «слѣпая» вѣра, не «credo quia absurdum»; съ логической парадоксальностью, съ «невѣроятностью» она сочетаетъ высшую, совершенную достовѣрность и самоочевидность. И только по слабости нашей мы въ жизни постоянно теряемъ уже достигнутую самоочевидность и снова впадаемъ въ сознание ея «невѣроятности», въ мучительныя сомнѣнія.

Когда мы съ величайшей интенсивностью духовной воли вдумываемся или, вѣрнѣе, разумно вживаемся и вчувствуемся въ то высшее начало, которое явно предстоить намъ, какъ сущая Правда, то мы съ совершенной очевидностью убѣждаемся, что Правда и подлинное Бытіе *есть одно и то же*. Правда не только просто есть; и она есть не только *Правда*. Она есть вмѣстѣ съ тѣмъ то, что мы называемъ въ послѣднемъ, глубочайшемъ смыслѣ *жизнью, бытіемъ*; она есть наша абсолютно твердая и единственная *почва*, и внѣ ея все виситъ въ воздухѣ, замираетъ; она есть то, противоположность чего есть небытіе, смерть, исчезновеніе. Въ ней все укрѣпляется, пріобрѣтаетъ прочность и полноту, расцвѣтаетъ и дышетъ полной грудью; внѣ ея все засыхаетъ, отмираетъ, блѣднѣетъ, вянетъ и задыхается. И хотя факти-

чески, кромѣ нея, есть многое другое, — весь эмпирический міръ со всѣмъ множествомъ существъ въ немъ, — но, поскольку мы мыслимъ его дѣйствительно внѣ абсолютной правды, онъ становится тѣнью, призракомъ, тьмой небытія и мы перестаемъ понимать, какъ онъ можетъ существовать. Что бы ни говорилъ намъ нашъ обыденный опытъ, въ глубинѣ нашего существа живетъ высшій критерій истины, который ясно усматриваетъ, что внѣ Бога нѣтъ ничего и что только въ Немъ мы «живемъ, движемся и есмы».

Съ разныхъ сторонъ мы можемъ подойти къ этой самоочевидной, хотя и таинственной, истинѣ, разными способами можемъ помочь себѣ утвердиться въ ея сознаниі. Здѣсь мы отмѣтимъ тѣ стороны, которыя, хотя и будучи сверхраціональными, ближе всего поддаются раціональному выраженію.

Мы видѣли, что въ составъ сущей Правды входитъ моментъ, по которому она есть свѣтъ знанія, теоретическая истина или созерцаніе, раскрытіе бытія. Но въ подлинномъ, послѣднемъ смыслѣ быть — это и значить сознать или знать. Совершенно безсознательное бытіе не есть бытіе; быть значить быть *для себя*, быть себѣ раскрытымъ, быть самосознаніемъ. Правда, мы видимъ вокругъ себя множество вещей и существъ, которыя мы называемъ безсознательными, неодушевленными и даже мертвыми; и мы знаемъ, что наше тѣло обречено стать такою «мертвой» вещью и съ содроганіемъ ужаса сознаемъ, что это дѣйствительно такъ. Всѣ эти мертвыя, неодушевленные существа и вещи *существуютъ* — они именно

существуютъ «для насъ», потому что мы ихъ знаемъ или сознаемъ, но они не существуютъ для себя. Но хотя это такъ, —мы не понимаемъ, какъ это, собственно, возможно, и именно этотъ фактъ есть величайшая проблема философіи. И, основываясь на нашемъ собственномъ опытѣ, на понятіи о бытіи, которое мы имѣемъ въ лицѣ нашего собственнаго бытія (а, въ послѣднемъ счетѣ, откуда еще мы могли бы почерпнуть понятіе бытія?) — мы приходимъ къ убѣжденію, что либо эти мертвыя вещи совсѣмъ не существуютъ *въ себѣ*, а «существуютъ» *только* «для насъ», т. е. какъ представленія нашего сознанія, и значить въ подлинномъ смыслѣ не существуютъ, *либо же* — и таковъ окончательный выводъ, въ виду неудовлетворительности перваго предположенія — существуя въ себѣ, онѣ хоть въ зачаточной, смутной, потенціальной формѣ существуютъ и *для себя*, сознаютъ себя, суть угасающія, еле тлѣющія искорки абсолютнаго Свѣта. То, что есть, какъ-то (хотя бы зачаточно) *живетъ*, а то, что *живетъ*, какъ-то (хотя бы тоже лишь зачаточно) одушевлено и сознательно. Въ послѣдней глубинѣ бытія нѣтъ ничего, кромѣ свѣта, и лишь на поверхности бытія мы видимъ, — въ силу ли искаженности самого бытія, или по нашей недалновидности, — слѣпоту и тьму. Но абсолютная тьма и абсолютная темнота есть такая же бессмыслица, какъ абсолютное небытіе; небытія именно и нѣтъ, все, что есть, есть бытіе; а потому все, что есть, есть бытіе для себя, свѣтъ знанія, обнаруженіе сущей истины. И мы понимаемъ, что свѣтъ есть не случайное начало, откуда то взявшееся въ мірѣ и затерявшееся въ немъ, рискуя ежемгновенно погаснуть, быть разру-

шеннымъ тьмой. Мы постигаемъ, наоборотъ, что свѣтъ есть начало и сущность всего, что свѣтъ и бытіе есть одно и то же, единственное истинно Сушее. «Въ началѣ было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Богъ. Оно было въ началѣ у Бога. Все черезъ него начало быть, и безъ него ничто не начало быть, что начало быть. Въ Немъ была жизнь и жизнь была свѣтъ человѣковъ. И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ, и тьма не объяла его». (Ев. Іоанна, 1, 1 — 5).

Этотъ сверхмірный и объемлющій міръ Свѣтъ есть вмѣстѣ съ тьмѣ вѣчное начало; болѣе того, онъ есть сама вѣчность. Въ лицѣ всякой истины, хотя бы самой эмпирической по своему содержанію и доступной самому ограниченному уму, мы постигаемъ вѣчность и смотримъ на міръ изъ вѣчности. Ибо всякая истина, какъ таковая, есть усмотрѣніе вѣчнаго смысла, она навѣки фиксируетъ хотя бы единичное, мимолетное явленіе, она имѣетъ силу разъ навсегда. И поскольку мы сознаемъ Свѣтъ, какъ первооснову бытія и какъ единственное подлинное бытіе, мы тьмѣ самымъ познаемъ, что мы утверждены въ вѣчности, что вѣчность со всѣхъ сторонъ объемлетъ насъ и что самый потокъ времени невысказанъ иначе, какъ въ лонѣ вѣчности и, какъ говорилъ Платонъ, въ качествѣ «подвижнаго образа вѣчности». И не только мы ясно сознаемъ, что вѣчность *есть* — какъ могло бы не быть то, смыслъ чего есть бытіе разъ навсегда, всеобъемлющая и въ себѣ утвержденная полнота и цѣлокупность бытія, — но мы сознаемъ, что вѣчность и бытіе есть, собственно, одно и то же. Ибо то, что не вѣчно, что возникаетъ и исчезаетъ, — лишь переходитъ изъ не-

бытія въ бытіе и обратно — изъ бытія въ небытіе; оно то включается, то исключается изъ бытія; и такъ какъ все временное въ своей измѣнчивости въ сущности ежемгновенно частично погибаетъ и возобновляется, то оно совсѣмъ *не есть*, а только какъ бы скользитъ у порога бытія. И мы сами, въ качествѣ временныхъ существъ, только скользимъ по поверхности бытія; но, сознавая все, и себя самихъ, въ свѣтѣ вѣчности — а иначе ничего и нельзя сознавать — мы вмѣстѣ съ тѣмъ уже въ лицѣ этого сознанія подлинно *есмы*; а поскольку мы не только нашей мыслью приобщаемся къ вѣчному свѣту, а стараемся жизненно впитать его въ себя, или, вѣрнѣе, жизненно усмотрѣть нашу исконную утвержденность въ немъ, мы знаемъ, что это подлинное — или, что то же — вѣчное бытіе есть основа и послѣдняя сущность всего нашего существа. Откуда бы ни взялось не-вѣчное, временное существованіе, этотъ всеразрушающій и всепоглощающій потокъ измѣнчивости и тлѣнности, — мы ясно видимъ, что онъ есть не существо бытія, и не положительная и самостоятельная сила, а лишь умаленность, неполнота, ущербленность бытія и что это дефективное бытіе не способно поглотить въ себѣ и увлечь за собой твердыню вѣчности, на почвѣ которой оно само только и возможно. Бытіе и вѣчность, вѣчная жизнь есть просто *одно и то же*; вѣчность есть не что иное, какъ цѣлокупная, всеобъемлющая, сразу данная полнота бытія; и эта вѣчность есть наше исконное достояніе, она всегда какъ бы готова насъ принять въ свое лоно, и только отъ насъ, отъ нашей духовной энергіи и готовности къ самоуглубленію зависить — пойти ли на встрѣчу ей, или бѣжать отъ нея

на ту умаленную периферію, въ ту «тьму кромѣшную», въ которой все течетъ и ничто не прочно.

Мы видѣли, далѣе, что Правда есть высшее благо, совершенство, полнота удовлетворенности, и что это благо, разъ мы его усматриваемъ, — безъ чего невозможно было бы само его исканіе — необходимо *есть*. Но оно тоже не просто «есть», въ числѣ многаго иного. Именно здѣсь то полное, адекватное знаніе, которое мы назвали «сердечнымъ знаніемъ» или вѣрой, ясно говоритъ намъ, что высшее добро или совершенство и бытіе есть одно и то же, что на самомъ дѣлѣ и въ послѣдней глубинѣ оно одно только *истинно есть* и его то мы разумѣемъ, когда говоримъ о бытіи — о томъ истинномъ бытіи, которое намъ нужно и котораго мы ищемъ. Для отвлеченнаго или теоретическаго знанія это есть наиболѣе трудное и парадоксальное утвержденіе. Не видимъ ли мы, что многое, существующее на свѣтѣ, или, вѣрнѣе, даже все на свѣтѣ — несовершенно, дурно? Не видимъ ли мы даже, что совершенство, напротивъ, неосуществимо въ мірѣ и есть *только* предметъ нашей мечты, нашего безсильнаго томленія. Такъ, для холоднаго теоретическаго знанія реальность становится синонимомъ несовершенства, а совершенство — синонимомъ нереальности, только «идеаломъ», чѣмъ то только воображаемымъ, мечтаемымъ, безплотнымъ и призрачнымъ. И, конечно, поскольку подъ бытіемъ мы будемъ разумѣть эмпирическое существованіе, реальность міровой природы, ближайшимъ образомъ и непосредственно такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. Но намъ уже открылось, что эмпирическое существованіе, какъ таковое, не только не

исчерпываетъ собой бытія, но совсѣмъ не принадлежитъ къ нему, не есть истинное бытіе, и что вмѣстѣ съ тѣмъ это истинное бытіе самоочевидно *есть*. И когда мы всѣмъ существомъ нашимъ вглядываемся и сознательно вживаемся въ это истинное бытіе, мы знаемъ, что оно есть именно то, что мы зовемъ совершенствомъ или высшимъ благомъ.

Здѣсь мы должны вспомнить то, о чемъ мы говорили при разсмотрѣніи условій возможности смысла жизни. Простое существованіе, какъ дліе во времени, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бессмысленная растрата силъ жизни въ погонѣ за ея сохраненіемъ, конечно, не есть высшее благо, не есть абсолютная цѣнность, а есть нѣчто, что осмысляется лишь черезъ отдачу его на служеніе истинному благу. Но, съ другой стороны, это истинное благо, котораго мы ищемъ, не есть какая то цѣнность съ особымъ, ограниченнымъ содержаніемъ — будь то наслажденіе, или власть, или даже нравственное добро. Ибо все это само требуетъ оправданія, въ отношеніи всего этого опять встаетъ неотвязный вопросъ: «для чего?». Мы же ищемъ такого блага, которое давало бы полноту непосредственной удовлетворенности и о которомъ уже никто не могъ бы спросить: «для чего оно?» — и именно такое благо мы называемъ совершенствомъ. А что значить: полнота непосредственной удовлетворенности? Что значить, вообще, найти настоящее, послѣднее удовлетвореніе? Мы уже видѣли это выше: это значить найти *истинную жизнь*, обнаруженіе и осуществленіе жизни, не какъ бѣднаго содержаніемъ, текучаго, краткаго и потому бессмысленнаго отрывка, а какъ всеобъемлющей

полноты бытія. Мы стремимся къ полной, прочной, безмѣрно-богатой жизни — или, по просту говоря, мы стремимся обрѣсти саму жизнь въ противоположность ея призрачному и обманчивому подобію. То сознание, которое въ искаженно-смутной формѣ и съ лживымъ, обманчивымъ содержаніемъ, живетъ во всѣхъ нашихъ порывахъ, страстяхъ и мечтахъ и образуетъ послѣднюю, глубочайшую ихъ движущую силу — сознание: «мы хотимъ *жить*, подлинно жить, а не только довольствоваться пустымъ подобіемъ жизни или безплодной растратой ея силъ», — это сознание есть и существо исканія смысла жизни; оно выражаетъ наше основное и первичное стремленіе. Въ этомъ смыслѣ, какъ мы видѣли (гл. 3), вѣрно утвержденіе: «жизнь для жизни намъ дана». Нѣтъ блага выше самой жизни — но только *подлинной жизни*, какъ осуществленія и изживанія, творческаго раскрытія абсолютныхъ глубинъ нашего существа. Совершенство и жизнь одно и то же; а такъ какъ жизнь есть ничто иное, какъ внутренняя сущность бытія, какъ подлинное для себя бытіе, самоизживаніе и самораскрытіе бытія, то *совершенство и бытіе есть одно и то же*.

Совершенство не можетъ быть только «идеаломъ», его нѣтъ ни въ чемъ, что не есть, а только «должно быть». Какое же это совершенство — быть только призракомъ, тѣнью, сномъ человѣческой души? То, что мы разумѣемъ подъ совершенствомъ и чего мы ищемъ, какъ единственнаго абсолютнаго блага, есть, напротивъ, само *бытіе*. Послѣдняя, чаемая нами, абсолютная глубина бытія, послѣдняя его почва, — и высшее благо, совершенство, совершенная радость, блаженство и свѣтлый покой *есть*

одно и то же. Этого дальше нельзя разъяснить, этого никакимъ производнымъ образомъ нельзя доказать, и для эмпирическаго сознанія это всегда есть парадоксъ или голословное утвержденіе; для сердечнаго же знанія это есть самоочевидная истина, не требующая никакого доказательства и не допускающая его именно по своей очевидности. Это есть простое описаніе того, чѣмъ живеть наше сердце и что для него есть не субъективное его «чувство» или «мечта», а самоочевидно раскрывающаяся послѣдняя глубина сущаго. Послѣднее, абсолютное бытіе есть блаженство и совершенство; и наоборотъ: блаженство и совершенство есть послѣднее, глубочайшее бытіе, основа всего сущаго — такъ воочію раскрывается передъ нами послѣдняя тайна бытія. Лучшій образецъ и символъ этой тайны есть, какъ мы уже говорили, *любовь*. Ибо любовь, истинная любовь, и есть не что иное, какъ радость жизни, или жизнь, какъ полнота радости — внутреннее, неразрывное единство жизненной полноты и интенсивности, удовлетворенія. Жажда жизни и бытія съ радостью, блаженствомъ, счастьемъ. И потому мы понимаемъ, что «Богъ есть любовь». «Любовь отъ Бога, и всякій любящій рожденъ отъ Бога. Кто не любитъ, тотъ не позналъ Бога, потому что Богъ есть любовь». (Посл. Іоанна, 4, 7, 8). «Богъ есть любовь, и пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ, и Богъ въ немъ». (Посл. Іоанна, 4, 16).

Въ этомъ — существо религіозной вѣры. Это сознаніе тождества послѣднихъ глубинъ бытія съ абсолютнымъ совершенствомъ, благостью и блаженствомъ есть то послѣднее проникновеніе въ тайну бытія, которое

спасаетъ насъ отъ ужаса жизни. Въ человѣческой душѣ живутъ два основныхъ, глубочайшихъ чувства, образующихъ какъ бы послѣдніе два корня, которыми она соприкасается съ абсолютнымъ. Одно есть чувство ужаса и трепета передъ глубиной и безмѣрностью *бытія*, передъ бездонной бездной, со всѣхъ сторонъ насъ окружающей и готовой ежесекундно насъ поглотить; другое есть жажда совершенства, счастья, умиротворенія, послѣдняго свѣтлаго и согревающего пріюта для души. Душа наша раздирается противоположностью этихъ двухъ чувствъ, она мечется, то охваченная паническимъ ужасомъ передъ безмѣрностью бытія, то привлеченная неизъяснимой сладостью мечты о спасеніи и упокоеніи. Въ нашихъ смутныхъ и слѣпыхъ страстяхъ, въ бѣшенствѣ изступленія, въ оргійномъ опьяненіи виномъ и половой страстью, въ взрывахъ ярости, мы истытываемъ больное, извращенное единство этихъ противоборствующихъ силъ: самъ ужасъ здѣсь даетъ мимолетное наслажденіе, само наслажденіе наполняетъ сердце ужасомъ.

Есть упоеніе въ бою
И бездны мрачной на краю.
Все, все, что гибелью грозитъ,
Для сердца смертнаго таитъ
Неизъяснимы наслажденья.

Но намъ даровано и искупленіе отъ этого мучительнаго противоборства глубочайшихъ силъ нашего духа, отъ этого болѣзненно-противоестественнаго ихъ смѣшенія. Мы обрѣтаемъ его тогда, когда энергіей нашего духовнаго устремленія въ послѣднія глубины бытія и

вмѣстѣ, какъ незаслуженный даръ свыше, мы вдругъ открываемъ, что эти два чувства только по слабости и слѣпотѣ своей расходятся и противоборствуютъ между собой, а въ послѣдней своей основѣ суть одно и то же чувство, усмотрѣніе одного и того же абсолютнаго начала. Это высшее, центральное и объединяющее чувство, вносящее миръ и успокоеніе въ нашу душу, есть — *благоговѣніе*. Благоговѣніе есть непосредственное единство страха и любовной радости. Въ немъ мы открываемъ, что безмѣрныя глубины жизни несутъ нашей душѣ не слѣпое и парализующее насъ чувство безъисходнаго ужаса, а радостное сознаніе *величія* и *неизъяснимой полноты бытія*, и что радость, счастье, покой, по которымъ мы томимся, суть не мечта, не бѣгство отъ бытія, а первооснова самыхъ неисповѣдимыхъ глубинъ бытія. Благоговѣніе есть «страхъ Божій», страхъ, дарующій слезы умиленія и радость совершеннаго покоя и послѣдняго пріюта. Благоговѣніе есть страхъ, преодолѣнный любовью и насквозь пропитанный и преображенный ею. «Въ любви нѣтъ страха, но совершенная любовь изгоняетъ страхъ; потому что въ страхѣ есть мученіе; боящійся же несовершененъ въ любви». (Посл. Іоанна, 4, 18).

Въ этомъ непосредственномъ чувствѣ благоговѣнія, съ неизъяснимой, но совершенной очевидностью раскрывающемъ намъ послѣднюю тайну бытія, какъ единства бытія и совершенства, бытія и высшей радости, сразу даны намъ тѣ два условія, которыя намъ нужны для осмысленія нашей жизни. Ибо въ немъ, съ одной стороны и прежде всего, намъ непосредственно открывается бытіе Бога, именно какъ послѣдней глубины, какъ един-

ства *всемогушества* и *всеблагости*. Какъ бы парадоксально ни было, для эмпирическаго сознанія и передъ лицомъ фактовъ эмпирической жизни, это убѣжденіе, оно есть для насъ реальный, опытно удостовѣренный и потому самоочевидный фактъ; и здѣсь — какъ и всюду — наше неумѣнье примирить этотъ фактъ съ другими фактами, наше недоумѣніе, какъ связать несовершенство и зло міровой жизни съ реальностью всеблагаго и всемогущаго Бога не можетъ, вѣдь, опровергнуть самого факта — ибо онъ просто самоочевидно есть — а только ставить передъ нашей религіозной мыслью новыя задачи; и, при всей трудности ихъ разрѣшенія, мы ясно знаемъ, что несовершенство міра не есть ни вина Бога, ни результатъ Его слабости, а имѣетъ какой то иной источникъ, согласимый и съ всемогуществомъ, и съ всеблагостью Божіей.

Съ другой стороны, непосредственно вмѣстѣ съ этимъ удостовѣреніемъ бытія Бога, намъ удостовѣряется и наша причастность къ Нему, Его близость и доступность намъ, и слѣдовательно возможность для насъ обрѣтенія полноты и совершенства божественной жизни. Ибо Богъ не только *открывается* намъ, какъ иное, высшее, безмѣрно превосходящее насъ абсолютное начало; но вмѣстѣ съ тѣмъ, Онъ открывается намъ, какъ источникъ и первая основа нашего собственнаго бытія. Вѣдь мы непосредственно чувствуемъ, что мы лишь постольку живемъ и подлинно существуемъ, поскольку есмы въ Немъ и Его силой. Онъ Самъ есть наше бытіе. Будучи его твореніями, — твореніями «изъ ничего», бессильными и ничтожными созданіями, ежемгновенно, безъ Его творческой силы, готовыми провалиться въ бездну небытія, мы вмѣстѣ съ

тѣмъ сознаемъ себя «образомъ и подобіемъ Бога» — ибо Онъ Самъ свѣтитъ не только намъ, но и въ насъ, Его сила есть основа всего нашего бытія. Болѣе того, мы сознаемъ себя «сынами Божиими», мы сознаемъ Богочеловѣчество, связь Бога съ «человѣкомъ» (какъ сущей идеальной первоосновы всякаго эмпирическаго, тварнаго человѣка), въ качествѣ основного, первичнаго факта самого абсолютнаго бытія. Мы не можемъ отождествить себя съ Богомъ, но мы не можемъ и отдѣлить себя отъ Бога и противопоставить себя Ему, ибо тогда мы въ то же мгновенье исчезаемъ, обращаемся въ ничто. И мы начинаемъ прозрѣвать тайну Боговочеловѣченія и Боговоплощенія. Богу мало было сотворить міръ и человѣка, Ему надо было еще наполнить и пронизать Собою человѣка и міръ. Его предвѣчное Слово, свѣтъ и жизнь человѣковъ, еще прежде созданія міра предопредѣлило то полное, совершенное Свое откровеніе, которое явлено было въ Боговочеловѣченіи. Мы только еле коснулись здѣсь этой тайны, и полнота ея еще не раскрыта намъ; но мы пониманіемъ ея первичный, необходимый смыслъ. Мы знаемъ, что будучи безсильными, тлѣнными и порочными существами, ежесекундно угрожаемыми гибелью — гибелью физической и духовной — мы вмѣстѣ съ тѣмъ потенциально вѣчны, потенциально всемогущи и пріобщены къ всеблагости вѣчной силою Богочеловѣка, что Христосъ всегда съ нами до скончанія вѣковъ, и что лишь отъ насъ самихъ зависитъ сполна, цѣликомъ наполниться Имъ, «облечься въ Него», природы къ Нему, какъ вѣтвь къ лозѣ и тѣмъ самимъ напитаться божественной жизнью, «обожиться». И здѣсь мы также понимаемъ,

что, какъ бы трудно ни было нашей мысли объяснить противорѣчіе между нашей эмпирической нищетой и тлѣнностью и метафизической нашей полнотой и вѣчностью, это «противорѣчіе» такъ же мало «опровергаетъ» самоочевидный фактъ нашей божественности, какъ мало нищета и убожество человѣка можетъ опровергнуть знатность его происхожденія, достоинство его крови. Какія бы трудности ни представляло объясненіе этого противоестественнаго сочетанія признаковъ въ человѣкѣ, оно *должно* быть возможно, и основной его смыслъ намъ даже сразу ясенъ: онъ сводится, очевидно, къ нѣкому «паденію», къ нѣкоторой слабости человѣка, въ которой онъ самъ повиненъ и которая связана съ его свободой, т. е. съ самимъ его Богоподобіемъ.

Богъ есть основа человѣческой жизни, ея питаніе, — то, что ей самой нужно, чтобы быть подлинной жизнью, чтобы выявить и воплотить себя, чтобы незыблемо себя утвердить. Существованіе Бога, какъ всеблагости и вѣчной жизни, — въ этомъ, христіанскомъ его пониманіи — *совпадаетъ* съ близостью, доступностью Его человѣку, съ способностью человѣка приобщиться Божеству и заполнить Имъ свою жизнь. Оба условія смысла жизни даны *сразу* — въ нераздѣльномъ и неслиянномъ Богочеловѣчествѣ. Въ силу него Божье дѣло есть мое собственное дѣло, и, отдавая свою жизнь служенію Богу, рассматривая всю ее, какъ путь къ абсолютному совершенству, я не теряю жизни, не становлюсь рабомъ, который служить другому и самъ остается съ пустыми руками, а, напротивъ, впервые обрѣтаю ее въ этомъ служеніи. «Кто хочетъ душу свою сберечь, тотъ потеряетъ ее; а кто

потеряетъ ее ради Меня, тотъ сбережетъ ее. Ибо что пользы человѣку, приобрѣсть весь міръ, а себя самого погубить» (Ев. Луки 9, 24 — 25). Заповѣдь: «будьте совершенны, какъ совершененъ Отецъ вашъ небесный» — эта единственная всеобъемлющая заповѣдь нашей жизни — или, что то же — заповѣдь безконечной, всѣми силами души, любви къ Богу, есть вмѣстѣ съ тѣмъ путь къ обрѣтенію вѣчнаго и нетлѣннаго сокровища, къ обогащенію нашей души. Не человѣкъ для субботы, а суббота для человѣка, и нашъ Путь есть не смерть, а Жизнь. По-истинѣ, правъ Господь, сказавши: «иго Мое благо, и бремя Мое легко».

Но вмѣстѣ съ тѣмъ это есть путь борьбы и отреченія — борьбы Смысла жизни противъ ея безсмысленности, отреченія отъ слѣпоты и пустоты ради свѣта и богатства жизни. Дѣйствию Бога въ насъ и, тѣмъ самымъ, подлинному осуществленію нашей жизни всюду противодѣйствуютъ — внѣ насъ и въ насъ — безсмысленныя силы міра, стремящіяся погубить насъ. Но таинственный и сердцу столь очевидный смыслъ христіанской вѣры учитъ насъ, что за видимымъ торжествомъ зла, смерти и безсмыслія таится невидимая и все же удостовѣренная побѣда Бога надъ зломъ, смертью и безсмысліемъ. «Іудеи требуютъ чудесъ, и Еллина ищутъ мудрости; а мы проповѣдуемъ Христа распятаго, для Іудеевъ соблазнъ, а для Еллиновъ безуміе». (I Коринѣ. I, 22 — 23). Наша чувственная природа требуетъ, чтобы въ эмпирическомъ, чувственномъ мірѣ было удостовѣрено торжество Бога надъ слѣпыми силами міра, иначе мы не хотимъ повѣрить въ Него; и іудеи требовали, для вѣры въ Христа, чтобы

онъ сошелъ съ креста. И нашъ разумъ, наша потребность въ логической очевидности, требуетъ, чтобы намъ философски было *доказано*, что въ бытіи есть смыслъ, что Богъ подлинно есть. Но вѣра, будучи «увѣренностью въ невидимомъ», «вещей обличеніемъ невидимыхъ», съ *самоочевидностью* свидѣтельствуешь о томъ, что расходится съ эмпирическими фактами чувственного бытія и превосходить всяческую логическую убѣдительность. «Блаженны не видѣвшіе и увѣровавшіе». Это не есть призывъ къ *слѣпой* вѣрѣ, къ рабской покорности авторитету, къ ребяческой довѣрчивости; это есть призывъ къ духовному видѣнію, къ готовности усмотрѣть и признать *высшую* очевидность вопреки свидѣтельству *нисшей* очевидности. Вѣдь и въ другихъ областяхъ, и въ области научнаго знанія, нужна аналогичная вѣра. Когда Галилей вопреки показаніямъ чувственной очевидности и настояніямъ авторитетовъ утверждалъ, что земля вращается, онъ такъ же жертвовалъ очевидностью нисшаго порядка ради относительно высшей очевидности математическаго умозрѣнія. Воля къ вѣрѣ, упорство въ отстаиваніи вѣры нужны не для того, чтобы слѣпо довѣрять невозможному и бессмысленному; они нужны, чтобы упорствовать въ сознаніи, что *высшая очевидность* имѣеть преимущества надъ нисшей, которая психологически хотя и дѣйствуетъ сильнѣе на нашу природу, но логически имѣеть за себя меньше основаній, чѣмъ высшая очевидность, и по существу никогда не можетъ опровергнуть послѣднюю, а можетъ лишь, по нашей слабости, неправомѣрно вытѣснить ее изъ нашего сознанія, заглушить ее въ насъ. Христіанство учитъ насъ этой вѣрѣ въ высшую очевидность Богоче-

ловѣчества, Бога, какъ единства блага и жизни, воплощенности Смысла въ жизни и потому осуществимости его для насъ — *несмотря* на эмпирическую бессмысленность жизни и логическую невозможность ее «философски» осмыслить. Это христіанское откровеніе Бога въ воплощеніи Бога-Слова только раскрываетъ намъ *последнюю очевидность*, которую смутно прозрѣвали всѣ великіе религіозные мыслители, которую смутно ощущаетъ всякая человѣческая душа, ибо «душа — по природѣ христіанка», какъ сказалъ Тертуліанъ. Абсолютная осуществленность, воплощенность Слова — Смысла жизни, и потому его осуществимость въ жизни каждаго изъ насъ есть очевидность, сохраняющая силу *вопреки* бессмысленности эмпирической жизни. Достоевскій гдѣ то признается, что его любовь ко Христу такъ велика, что если бы вся истина была противъ Христа, онъ былъ бы на сторонѣ Христа — противъ истины. Мысль выражена, повидимому, нарочито наивно, потому что не можетъ быть истина противъ Того, Кто самъ есть абсолютная полнота живой Истины. Но смыслъ ея хорошо понятенъ. Высшая, последняя Истина постигается въ христіанствѣ черезъ *преодолѣніе* истины нисшаго порядка — чувственного и логическаго — и имѣетъ силу *вопреки* имъ. Истина, открытая христіанствомъ — истина богочеловѣчества, основанная на истинѣ Богочеловѣка, на живомъ явленіи самого Бога — даруетъ намъ увѣренность — и вмѣстѣ съ тѣмъ требуетъ нашей вѣры, что существо, распятое и умершее на крестѣ, есть единородный Сынъ Божій, въ которомъ обитаетъ вся полнота Божества и которое своимъ воскресеніемъ незыблемо утвердило побѣду жизни

надъ смертью, смысла жизни надъ ея безсмысліемъ. Метафизическое всемогущество Добра удостовѣрено въ самомъ его эмпирическомъ безсиліи, невозможное для людей не только возможно, но самоочевидно *есть* у Бога и черезъ Бога. И потому условія смысла жизни самоочевидно осуществлены, несмотря на эмпирическую безсмысленность жизни.

И теперь мы понимаемъ, что наши жалобы на безсмысленность жизни, на невозможность обрѣсти въ ней смыслъ, по крайней мѣрѣ, *отчасти* просто неправомѣрны. Жизнь *имѣетъ* смыслъ, и этотъ смыслъ легко и просто осуществимъ для cadaго изъ насъ — ибо Богъ съ нами, въ насъ.

Онъ *здѣсь, теперь*. Средь суеты случайной,
Въ потокѣ мутномъ жизненныхъ тревогъ,
Владѣешь ты всерадостною тайной:
Безсильно зло. Мы вѣчны. Съ нами Богъ.

Кто этого не видитъ и не замѣчаетъ, тотъ самъ виновать — его глаза слишкомъ близоруки, его вниманіе слишкомъ слабо и несосредоточенно. Что *эмпирическая* жизнь міра безсмысленна, это принадлежитъ къ ея существу, это такъ же безспорно и естественно, какъ то, что выдранные изъ книги клочки страницъ безсвязны, или то, что въ темнотѣ нельзя ничего увидать. Поэтому заключается внутреннее противорѣчіе въ самой попыткѣ отыскать абсолютный смыслъ въ эмпирической жизни, или до конца «осмыслить» ее. Мы, правда, имѣемъ законное желаніе и праведную надежду, чтобы все въ бытіи было осмысленно, и чтобы всяческая безсмыслица исчез-

ла, сгинула, не существовала. Но истинный смысл этого желанія въ молитвѣ: «да придетъ царство Твое», истинная цѣль этого упованія, чтобы Богъ былъ «все во всемъ». Его смыслъ совпадаетъ съ послѣдней задачей — чтобы весь міръ растворился въ Богѣ и пересталъ существовать, какъ нѣчто отдѣльное отъ Бога, т. е. какъ міръ, чтобы времени больше не было; это есть надежда, залогъ которой — въ воскресеніи Христа — надежда на послѣднее преображеніе, которое совпадаетъ съ концомъ міра. Вездѣ же, гдѣ мы одержимы смутной жаждой осмыслить міръ, какъ онъ есть, и въ мірскихъ же формахъ осуществить Истинную Жизнь и абсолютный смыслъ, мы впадаемъ въ противорѣчіе, мы жертвуемъ, изъ нетерпѣнія видѣть смыслъ жизни осуществленнымъ, необходимыми, именно Божественными условіями его осуществимости; и, что хуже того, мы сознательно или бессознательно, *измѣняемъ* нашей высшей цѣли, вмѣсто подлиннаго, т. е. абсолютнаго смысла, хотимъ успокоиться на какомъ-то относительномъ, мірскомъ, т. е. бессмысленномъ «смыслѣ».

«Но зачѣмъ же нужно было вообще существованіе этого бессмысленнаго міра? Отчего Богъ не могъ сотворить человѣка и вселенской жизни такъ, чтобы она сразу и разъ навсегда была въ Немъ, была проникнута Его благодатью и Его разумомъ? Кому и для чего нужны наши страданія, наши немощи, наша слѣпота? Разъ они есть, жизнь все таки бессмысленна, и нельзя найти ей никакого оправданія!». Такое возраженіе постоянно приводятъ съ торжествомъ невѣрующіе, и, какъ сомнѣніе, оно часто смущаетъ и вѣрующихъ. Мы забываемъ при

этомъ, что пути Господни неисповѣдимы, мы забываемъ, что Богъ, будучи всеблагъ и всевѣдущъ, вѣдаетъ тѣ глубины блага и разума, которыя намъ недоступны. Такъ божественное откровеніе въ книгѣ Іова и въ реченіяхъ пророковъ само отвѣчаетъ на это недоумѣніе. Едва прикоснувшись къ таинственной самоочевидности для насъ божественнаго бытія, мы уже думаемъ, что исчерпали ее и судимъ о ней по нашимъ, человѣческимъ понятіямъ добра и разума. Откуда мы знаемъ, что то, что *мы* считаемъ благомъ и разумомъ, подлинно благостно и разумно? Вѣдь вся наша жизнь, какъ мы уже знаемъ, проходитъ въ заблужденіяхъ, въ слѣпой погонѣ за иллюзорными, обманчивыми благами!

Но намъ нѣтъ надобности ограничиться простой ссылкой на непостижимость для насъ Божьяго промысла. Ибо Богъ, будучи непостижимымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ всегда и открываетъ Себя намъ, и намъ нужно только научиться воспринимать Его откровенія. Не видимъ ли мы часто въ жизни, въ мгновенія духовнаго просвѣтленія, что постигнувшія насъ бѣдствія, страданія, зло служатъ къ нашему благу, суть очищающія и благодѣтельныя кары Божіи, — проявленія Его любви и мудрости? Не сознаемъ ли мы и теперь, поскольку мы не совсѣмъ ослѣплены нашими страстями — все равно, индивидуальными или общими — что тотъ хаосъ безсмыслицы и зла, который затопилъ нашу родину и потопилъ насъ всѣхъ, имѣетъ вмѣстѣ съ тѣмъ какой-то глубочайшій религіозный смыслъ, что онъ есть, очевидно, для насъ единственный вѣрный путь къ религіозному, т. е. подлинному возрожденію нашей жизни, единичной и національной? Отчего

же мы, руководясь этимъ примѣромъ и множествомъ ему подобныхъ, не можемъ допустить, что міровая бессмыслица въ цѣломъ есть такой же, нужный намъ и значить осмысленный, путь къ истинной жизни, хотя мы и не понимаемъ, почему это такъ?

Впрочемъ, въ одномъ отношеніи, и притомъ въ самомъ главномъ, мы даже способны это понять. Гдѣ-то въ Талмудѣ фантазія еврейскихъ мудрецовъ рассказываетъ о существованіи святой страны, въ которой не только всѣ люди, но и вся природа повинуются безпрекословно заповѣдямъ Божиимъ, такъ, что, во исполненіе ихъ, даже рѣка перестаетъ течь по субботамъ. Согласились ли бы мы, чтобы Богъ съ самаго начала создалъ насъ такими, чтобы мы автоматически, сами собой, безъ размышленія и разумнаго свободнаго рѣшенія, какъ эта рѣка, исполняли Его велѣнія? И былъ ли бы тогда осуществлень смыслъ нашей жизни? Но если бы мы автоматически творили добро и по природѣ были разумны, если бы все кругомъ насъ само собой и съ полной, принудительной очевидностью свидѣтельствовало о Богѣ, о разумѣ и добрѣ, — то *все сразу стало бы абсолютно бессмысленнымъ*. Ибо «смыслъ» есть разумное осуществленіе жизни, а не ходъ заведенныхъ часовъ, смыслъ есть подлинное обнаруженіе и удовлетвореніе тайныхъ глубинъ нашего «я», а наше я немислимо внѣ свободы, ибо свобода, спонтанность, требуетъ возможности нашей собственной инициативы, а послѣдняя предполагаетъ, что не все идетъ гладко «само собой», что есть нужда въ творествѣ, въ духовной мощи, въ преодолѣніи преградъ. Царство Божіе, которое получалось бы совсѣмъ «даромъ» и было бы

разъ навсегда предопредѣлено, совсѣмъ не было бы для насъ царствомъ *Божіимъ*, ибо въ немъ мы должны быть свободными соучастниками божественной славы, сынами Божіими, а тогда мы были бы не то, что рабами, а мертвымъ винтикомъ какого-то необходимаго механизма. «Царствіе Небесное силою берется, и употребляющіе усиліе восхищаютъ его», ибо въ этомъ усиліи, въ этомъ творческомъ подвигѣ — необходимомъ условіе *подлиннаго* блаженства, подлиннаго смысла жизни, Такъ мы видимъ, что эмпирическая бессмыслица жизни, съ которой долженъ бороться человѣкъ, противъ которой онъ долженъ въ максимальной мѣрѣ напрягать свою волю къ подвигу, свою вѣру въ реальность Смысла — не только не *препятствуетъ* осуществленію Смысла жизни, но загадочнымъ, до конца не вполне постижимымъ, и все же опытно понятнымъ намъ образомъ есть само *необходимое условіе* его осуществленія. Бессмысленность жизни нужна, какъ преграда, требующая преодоленія, ибо безъ преодоленія и творческаго усилія нѣтъ реального обнаруженія свободы, а безъ свободы все становится безличнымъ и безжизненнымъ, такъ что безъ нея не было бы ни осуществленія *нашей* жизни, жизни самого *моего «я»*, ни осуществленія самой его *жизни*, въ ея послѣдней, подлинной глубинѣ. Ибо «широки врата, и пространенъ путь, ведущій въ погибель, и тѣсны врата и узокъ путь, ведущіе въ жизнь». Лишь кто возложитъ крестъ на плечи свои и послѣдуетъ за Христомъ, обрѣтетъ подлинную жизнь и подлинный смыслъ жизни. И это есть не «печальная необходимость», основанная на какомъ-то непонятномъ и случайномъ, внѣшнемъ для насъ несовершенствѣ міра;

это есть глубочайшій, таинственный внутренній законъ человеческой жизни, въ силу котораго самое существо жизни состоитъ въ свободѣ, въ самопреодоленіи, въ возрожденіи черезъ умираніе и жертву — законъ, символъ котораго указанъ въ пшеничномъ зернѣ, которое, павши въ землю, не оживетъ, если не умретъ. Мы стоимъ здѣсь передъ послѣдней самоочевидностью, которая столь же таинственна, но и столь же непосредственно понятна нашему сердцу, какъ и вся наша жизнь.

Отсюда ясно, почему «смыслъ жизни» нельзя, такъ сказать, найти въ готовомъ видѣ разъ навсегда даннымъ, уже утвержденнымъ въ бытіи, а можно только добиваться его осуществленія. Ибо смыслъ жизни не *данъ* — онъ *заданъ*. Все — «готовое», все, существующее внѣ и независимо отъ нашей воли и отъ нашей жизни вообще, есть либо мертвое, либо чуждое намъ и пригодное развѣ въ качествѣ вспомогательнаго средства для нашей *жизни*. Но смыслъ жизни долженъ вѣдь быть смысломъ самой нашей жизни, онъ долженъ быть въ ней, принадлежать къ ней, онъ самъ долженъ быть живымъ. Жизнь же есть дѣйственность, творчество, самопроизвольное расцвѣтаніе и созрѣваніе изнутри, изъ собственныхъ глубинъ. Если бы мы могли *найти* внѣ насъ готовый «смыслъ жизни», онъ все таки насъ не удовлетворилъ бы, не былъ бы смысломъ нашей жизни, оправданіемъ нашего собственного существа. Смыслъ нашей жизни долженъ быть *въ насъ*, мы сами *своею жизнью должны являть его*. Поэтому исканіе его есть не праздное упражненіе любознательности, не пассивная оглядка вокругъ себя, а есть волевое, напряженное самоуглубленіе, подлинное,

полное труда и лишены, погруженіе въ глубины бытія, невозможное безъ самовоспитанія. «Найти» смыслъ жизни значитъ сдѣлать такъ, чтобы онъ былъ, напречъ свои внутреннія силы для его обнаруженія, — болѣе того, для его осуществленія. Ибо, хотя первое его условіе — бытіе Бога — есть отъ вѣка сущая первооснова всего остального, но, такъ какъ само это бытіе есть *жизнь*, и такъ какъ мы должны приобщиться къ нему, Богъ же не есть Богъ мертвыхъ, но Богъ живыхъ, то мы должны черезъ максимальное напряженіе и раскрытіе нашего существа «искать» смысла жизни и улавливать его въ творческомъ процессѣ приобрѣтенія и приобщенія къ нему. Поэтому также исканіе смысла жизни есть всегда *борьба* за смыслъ противъ безсмыслицы, и не въ праздномъ размышленіи, а лишь въ подвигѣ борьбы противъ тьмы безсмыслия мы можемъ добраться до смысла, утвердить его въ себѣ, сдѣлать его смысломъ своей жизни и тѣмъ подлинно усмотрѣть его или увѣровать въ него. Вѣра, будучи «вещей обличеніемъ невидимыхъ», невозможна безъ дѣйствія; она сама есть напряженное внутреннее дѣйствіе, которое необходимо находить свое обнаруженіе въ дѣйственномъ преобразованіи нашей жизни; и потому «вѣра безъ дѣлъ мертва есть».

Въ этомъ преобразующемъ дѣйствіи, а не въ какомъ либо теоретическомъ размышленіи, можно найти и послѣднее разрѣшеніе того противорѣчія между истинной жизнью и всей нашей эмпирической природой, о которомъ мы уже говорили выше. Мы видѣли, что зло и несовершенство нашей эмпирической природы какимъ-то непостижимымъ образомъ нужно для осуществленія смысла

жизни, ибо безъ него невозможна была бы *свобода по-двига*, а безъ послѣдней смыслъ жизни не былъ бы подлиннымъ смысломъ, не былъ бы тѣмъ, чего мы ищемъ. Напряженность противоположности между бытіемъ и существованіемъ, между жизнью и ея злымъ и мнимымъ подобіемъ какимъ то образомъ выражаетъ само существо нашей жизни, какъ пути къ совершенству. Она должна быть, чтобы быть *уничтоженной*. Ибо это противорѣчіе, теоретически до конца неустранимое, практически можетъ и должно быть преодолено. Правда, не въ нашей власти — не во власти насъ, слабыхъ, ограниченныхъ и отравленныхъ зломъ существъ — доставить послѣднее, окончательное торжество истинному бытію и сущностному добру. Только *оно само* и можетъ достигнуть этого торжества; но вѣдь оно — какъ мы уже усмотрѣли это въ тождествѣ совершенства и бытія, и какъ христіанская вѣра учитъ тому въ лицѣ факта искупленія и воскресенія Христова — въ основѣ *уже имѣетъ* эту власть, уже достигло побѣды. Но отъ насъ зависитъ *уничтожить въ себѣ то*, что этому противорѣчить, сдѣлать такъ, какъ это говоритъ апостоль про себя, чтобы въ насъ жили уже не мы сами, а жилъ лишь самъ Богочеловѣкъ Христосъ. Это, по примѣру самого Христа совершаемое, поправленіе смерти (и, слѣдовательно, бессмысленности жизни) — смертью, это добровольное самоуничтоженіе своего тварнаго существа ради торжества въ насъ нашего божественнаго существа, есть реальное, подлинное преодоленіе основнаго мучительнаго противорѣчія нашей жизни, реальное достиженіе — «Царства Небеснаго». И оно — въ нашей власти. Таково послѣднее, не умственно-теоретическое,

а дѣйственно-жизненное преодоленіе міровой безсмыслицы истинно сущимъ смысломъ жизни. Его символъ есть крестъ, пріятіе котораго есть достиженіе истинной жизни.

7. ОСМЫСЛЕНИЕ ЖИЗНИ.

Исканіе смысла жизни есть, такимъ образомъ, собственно «осмысленіе» жизни, раскрытіе и внесеніе въ нее смысла, который внѣ нашей духовной дѣйственности не только не могъ бы быть найденъ, но въ эмпирической жизни и не существовалъ бы.

Точнѣе говоря, въ вѣрѣ, какъ исканіи и усмотрѣніи смысла жизни, есть двѣ стороны, неразрывно связанныя между собою — сторона теоретическая и практическая; искомое «осмысленіе» жизни есть, съ одной стороны, усмотрѣніе, *нахожденіе* смысла жизни и, съ другой стороны, его дѣйственное созиданіе, волевое усиліе, которымъ оно «восхищается». Теоретическая сторона осмысленія жизни заключается въ томъ, что, усмотрѣвъ истинное бытіе и его глубочайшее, подлинное средоточіе, мы тѣмъ самымъ имѣемъ жизнь, какъ подлинное цѣлое, какъ осмысленное единство, и потому понимаемъ осмысленность того, что раньше было бессмысленнымъ, будучи лишь клочкомъ и обрывкомъ. Какъ, чтобы обзрѣть мѣстность и понять ея расположеніе, нужно удалиться отъ нея, встать внѣ ея, на высокой горѣ *надъ нею* и только

тогда дѣйствительно увидишь ее, — такъ, для того, чтобы понять жизнь, нужно какъ бы выйти за предѣлы жизни, посмотрѣть на нее съ нѣкоторой высоты, съ которой она видна цѣликомъ. Тогда мы убѣждаемся, что все, что казалось намъ бессмысленнымъ, было таковымъ только потому, что было зависимымъ и несамостоятельнымъ отрывкомъ. Наша единичная, личная жизнь, которая, при отсутствіи въ ней подлиннаго центра, кажется намъ игрищемъ слѣпыхъ силъ судьбы, точкой скрещенія бессмысленныхъ случайностей, становится въ мѣру нашего самопознанія, глубоко значительнымъ и связнымъ цѣлымъ; и всѣ случайныя ея событія, всѣ удары судьбы приобрѣтаютъ для насъ смыслъ, какъ-то сами собой укладываются, какъ необходимыя звенья, въ то цѣлое, осуществить которое мы призваны. Историческая жизнь народовъ, которая, какъ мы видѣли, являетъ эмпирическому взору картину бессмысленно-хаотическаго столкновенія стихійныхъ силъ, коллективныхъ страстей или коллективнаго безумія, или свидѣтельствуется лишь о непрерывномъ крушеніи всѣхъ человѣческихъ надеждъ, — *созерцаемая изъ глубины*, становится, подобно нашей индивидуальной жизни, связнымъ и разумнымъ, какъ бы жизненно-предметно проходимымъ «курсомъ» самооткровенія Божества. И глубокой нѣмецкій мыслитель Баадеръ былъ правъ, когда говорилъ, что если бы мы обладали духовной глубиной и религиозной проничательностью составителей Священной Исторіи, вся исторія человечества, исторія всѣхъ народовъ и временъ была бы для насъ непрерывающимся продолженіемъ единой Священной Исторіи. Только пото-

му, что мы потеряли чутье и вкусъ къ символическому смыслу историческихъ событій, беремъ ихъ лишь съ ихъ эмпирической стороны, и въ чувственно-явственной или разсудочно-постижимой ихъ части признаемъ все цѣлое событій, вмѣсто того, чтобы черезъ эту часть прозрѣвать подлинное, метафизическое цѣлое — только поэтому событія свѣтской, «научно» познаваемой исторіи кажутся намъ бессмысленнымъ наборомъ слѣпыхъ случайностей. Прочитайте, послѣ ряда «научныхъ» исторій французской революціи, послѣ Тэновъ и Оларовъ, «Исторію французской революціи» Карлейля, который въ 19-мъ вѣкѣ сохранилъ хоть слабый остатокъ религіознаго, пророческаго воспріятія жизни — и вы на живомъ примѣрѣ можете убѣдиться, какъ одно и то же событіе, смотря по духовной значительности воспринимающаго его, то является просто безвкуснымъ и бессмысленнымъ хаосомъ, то развертывается въ мрачную, но глубоко значительную и осмысленную трагедію человѣчества, обнаруживаетъ разумную связь, за которой, мы ощущаемъ мудрую волю Провидѣнія. И если бы мы сами имѣли очи, чтобы видѣть, и уши, чтобы слышать, то и теперь среди насъ были бы Іереміи и Исаи, и мы поняли бы, что въ такихъ событіяхъ, какъ русская революція, крушеніе былой славы и могущества русскаго государства и скитаніе милліоновъ русскихъ по чужбинѣ, не менѣе духовной значительности, не менѣе явственныхъ признаковъ Божьей мудрости, чѣмъ въ разрушеніи храма и вавилонскомъ плѣненіи. Мы поняли бы, что если исторія человѣчества есть какъ будто исторія послѣдовательнаго крушенія всѣхъ человѣческихъ надеждъ, то — лишь въ той мѣрѣ, въ какой

сами эти надежды слѣпы и ложны и содержатъ нарушеніе вѣчныхъ заповѣдей Божьей премудрости, что въ исторіи вмѣстѣ съ тѣмъ утверждается ненарушимая правда Божія, и что, взятая вмѣстѣ съ ея первымъ, абсолютнымъ началомъ — рожденіемъ человѣка изъ рукъ Бога и съ ея необходимымъ концомъ — завершеніемъ предназначенія человѣка на землѣ — она становится страдальческимъ, но разумно-осмысленнымъ путемъ всечеловѣческой жизни.

И наконецъ, міровая космическая жизнь, которая, если брать ее, какъ замкнутое въ себѣ цѣлое, есть тоже, несмотря на всю свою грандіозность, не что иное, какъ бессмысленная игра слѣпыхъ стихій, — поставленная въ связь съ своимъ средоточіемъ, съ религиознымъ смысломъ бытія, съ судьбой въ мірѣ Богочеловѣчества, постигнутая, какъ метафизическое цѣлое, отъ своего абсолютнаго начала въ сотвореніи міра до своего чаемаго конца въ преображеніи міра, также пріобрѣтаетъ хотя бы смутно прозрѣваемый нами смыслъ. Ибо въ космической жизни, постигаемой въ ея неразрывной связи съ жизнью вѣчной, съ сверхвременнымъ существомъ Бога, все есть *символь*, — искаженное, затуманенное, какъ бы въ смутномъ снѣ видимое отраженіе и проявленіе великихъ законовъ духовнаго бытія. Не только господствующее механическое міровоззрѣніе, по собственной слѣпотѣ, видящее въ мірѣ только наборъ мертвыхъ рычаговъ, колесъ и винтовъ, но и виталистическое воззрѣніе, постигающее космосъ, какъ живую стихію, и даже античное пантеистическое постиженіе міра, какъ живого существа, не достигаетъ здѣсь подлиннаго про-

зрѣнія. Лишь христіанскіе мистики и теософы, какъ Яковъ Беме и Баадеръ, имѣли это глубокое чутье, которое открываетъ глаза на міръ и даетъ прозрѣвать въ немъ видимое подобіе невидимыхъ силъ, и въ его мнимо-слѣпыхъ законахъ — воплощенія разумныхъ закономѣрностей духовнаго бытія. Но тогда, глядя на міръ, какъ на периферію абсолютнаго центра, открываешь, что онъ совсѣмъ не бессмысленъ, а что на каждомъ шагу онъ намъ обнаруживаетъ слѣды своего происхожденія изъ абсолютной Премудрости, и каждое явленіе природы есть символъ, за которымъ или въ которомъ можетъ быть вскрытъ глубочайшій смыслъ. — Такъ, всюду ориентировка на первичное средоточіе бытія, раскрытіе завѣсь, заслоняющихъ отъ насъ его метафизическія глубины, озаряетъ свѣтомъ то, что раньше было сплошной тьмой, дѣлаетъ вѣчно значительнымъ то, что, казалось, лишь проносится мимо насъ въ вихрѣ хаоса. Всюду степень проникновенія въ смыслъ бытія зависитъ отъ духовной зоркости самого познающаго, отъ степени утвержденности *его самого* въ вѣчномъ Смыслѣ жизни. Какъ говорилъ старый Гете:

Isis zeigt sich ohne Schleier
Nur der Mensch — er hat den Star *)

Рядомъ съ этимъ теоретическимъ осмысленіемъ жизни идетъ другая сторона нашего духовнаго перевоспитанія и углубленія, которую можно назвать практическимъ осмысленіемъ жизни, дѣйственнымъ утвержденіемъ въ ней смысла и уничтоженіемъ ея безсмыслія.

*) «У Изиды нѣтъ покрыва, лишь у насъ — бѣльмо въ глазу».

Мы знаемъ и предвидимъ, что всѣ развитыя выше соображенія для современнаго сознанія, всецѣло ориентированнаго на мѣръ и дѣйственную работу въ немъ, покажутся черезчуръ «отрѣшенными отъ жизни», «безжизненными». Судьба міра и всѣ человѣческія дѣла все таки остаются развѣнчанными, энтузіазмъ великихъ дѣлъ погашень, и жизненная мудрость приводитъ здѣсь къ освобожденію человѣка отъ исполненія его жизненнаго долга, къ міроотрицающему «квіэтизму» — такъ, вѣроятно, скажутъ противники намѣченнаго здѣсь жизнепониманія.

Что попытка осмыслить мѣръ и жизнь осуществима лишь черезъ отрѣшеніе отъ міра въ смыслѣ превозмоганія его притязанія имѣть самодовлѣющее и абсолютное значеніе, черезъ утвержденіе себя въ сверхмірной, вѣчной и истинно всеобъемлющей основѣ бытія — это есть просто самоочевидная истина, имѣющая въ области духовнаго знанія значеніе элементарной аксіомы, безъ знанія которой человѣкъ просто безграмотенъ. И если эта простая и элементарная истина противорѣчитъ «современному сознанію» или нашимъ предубѣжденіямъ, основаннымъ на страстяхъ — хотя бы самыхъ благородныхъ, то — *тѣмъ хуже для нихъ!* Но если это жизнепониманіе упрекнуть въ квіэтизмъ, въ проповѣди «недѣланія» и пассивности, если подъ «отрѣшенностью» будутъ понимать замкнутость человѣка внутри себя, уходъ отъ жизни и отрывъ отъ нея — то это будетъ чистымъ недоразумѣніемъ, основаннымъ на непониманіи подлиннаго существа дѣла.

Мы видѣли только что, что духовная ориентировка

на первоосновѣ бытія и утверждение себя въ ней не «обезсмысливаетъ» для насъ жизни, а, наоборотъ, впервые открываетъ намъ ту широту кругозора, при которой мы можемъ ее осмыслить. Самоуглубленіе здѣсь, въ области знанія, есть не замыканіе духа, а напротивъ, его расширеніе, освобожденіе его отъ всяческой узости, обусловливающей его слѣпоту. Но *то же соотношеніе* господствуетъ и въ области практической, въ сферѣ дѣйственной жизни. Мы уже видѣли, что исканіе смысла жизни есть, собственно, *борьба* за него, творческое его утверждение черезъ свободное внутреннее дѣланіе.

Здѣсь намъ остается отмѣтить еще одну сторону дѣла. Мы уже говорили о томъ, что «Богъ есть любовь». Религіозное осмысленіе жизни, раскрытіе своей утвержденности въ Богѣ и связанности съ Нимъ есть по самому своему существу *раскрытіе человеческой души*, преодоленіе ея безнадежной *въ себѣ-замкнутости* въ эмпирической жизни. Истинная жизнь есть жизнь въ всеобъемлющемъ всеединствѣ, неустанное служеніе абсолютному цѣлому; мы впервые подлинно *обрътаемъ* себя и свою жизнь, когда жертвуемъ собой и своей эмпирической отъединенностью и замкнутостью и укрѣпляемъ все свое существо въ иномъ — въ Богѣ, какъ первоисточникъ всяческой жизни. Но тѣмъ самымъ мы глубочайшимъ, онтологическимъ образомъ связываемъ себя со всѣмъ живущимъ на землѣ и прежде всего — съ нашими ближними и ихъ судьбой. Извѣстный образъ Аввы Дороея говорить, что люди, какъ точки радіуса въ кругѣ, чѣмъ ближе къ центру круга, тѣмъ ближе и другъ къ другу. Заповѣдь: «люби ближняго, какъ самого себя»

не есть дополнительная заповѣдь, извнѣ, невѣдомо почему, присоединенная къ заповѣди о безмѣрной, всѣми силами души и всѣми помышленіями, любви къ Богу. Она вытекаетъ изъ послѣдней, какъ ея необходимое и естественное слѣдствіе. Дѣти единого Отца, если они дѣйствительно сознаютъ себя таковыми, и въ Отцѣ видятъ единственную опору и основу своей жизни, не могутъ не быть братьями, не любить другъ друга. Вѣтвь лозы, если она сознаетъ, что она живетъ только соками, пробѣгающими по всей лозѣ и идущими отъ ея общаго корня, не можетъ не ощутить исконнаго единства своей жизни со всѣми остальными вѣтвями. *Любовь* есть основа всей человѣческой жизни, само ея существо; и если человекъ въ міру представляется себѣ оторваннымъ и замкнутымъ въ себѣ кускомъ бытія, который долженъ утверждать себя *за счетъ* чужихъ жизней, то человекъ, нашедшій свое подлинное существо въ мірообъемлющемъ единствѣ, сознаетъ, что внѣ любви нѣтъ жизни, и что онъ самъ тѣмъ болѣе *утверждаетъ себя* въ своемъ подлинномъ существѣ, чѣмъ болѣе онъ преодолагаетъ свою призрачную замкнутость и укрѣпляется въ иномъ. Человѣческая личность какъ бы снаружи замкнута и отдѣлена отъ другихъ существъ; изнутри же, въ своихъ глубинахъ, она сообщается со всѣми ими, слита съ ними въ первичномъ единствѣ. Поэтому, *чѣмъ глубже человекъ уходитъ во внутрь, тѣмъ болѣе онъ расширяется* и обрѣтаетъ естественную и необходимую связь со всѣми остальными людьми, со всей міровой жизнью въ цѣломъ. Поэтому также обычное противопоставленіе самоуглубленія — общенію поверхностно и основано на совершенномъ

непониманіи структуры духовнаго міра, подлинной, невидимой чувственному взору, структуры бытія. Обыкновенно воображаютъ, что люди тогда «общаются» между собой, когда они вѣчно бѣгаютъ, со многими встрѣчаются, читаютъ газеты и пишутъ въ нихъ, ходятъ на митинги и выступаютъ на нихъ, и что, когда человѣкъ погружается «въ самого себя», онъ уходитъ отъ людей и теряетъ связь съ ними. Это есть нелѣпая иллюзія. Никогда человѣкъ не бываетъ столь замкнутымъ, одинокимъ, покинутымъ людьми и самъ забывшимъ ихъ, какъ когда онъ весь размѣнивается на внѣшнее общеніе, на дѣловыя сношенія, на жизнь на-виду, «въ обществѣ»; и никто не достигаетъ такого любовнаго вниманія, такого чуткаго пониманія чужой жизни, такой широты мірообъемлющей любви, какъ отшельникъ, молитвенно проникшій, черезъ послѣднее самоуглубленіе, къ первоисточнику мірообъемлющей вселенской жизни и всечеловѣческой Любви, и живущій въ немъ, какъ въ единственной стихіи своего собственнаго существа. Нерелигіозный человѣкъ можетъ хоть до нѣкоторой степени приблизиться къ пониманію этого соотношенія, если приглядится къ постоянному соотношенію между *глубиной* и *широтой* во всей сферѣ духовной культуры вообще: гений, личность, углубленная въ себя и идущая своимъ путемъ, предуказаннымъ собственными духовными глубинами, оказывается нужнымъ и полезнымъ всѣмъ, понятнымъ еще позднѣйшимъ поколѣніямъ и отдаленнымъ народамъ, потому что изъ своихъ глубинъ онъ извлекаетъ *общее для всѣхъ*; а человѣкъ, живущій въ суетѣ непрерывнаго внѣшняго общенія съ множе-

ствомъ людей, готовый во всемъ имъ подражать, быть, «какъ всѣ», и жить вмѣстѣ со всѣми, знающій только наружную поверхность человѣческой жизни, оказывается никчемнымъ существомъ, никому не нужнымъ и вѣчно одинокимъ...

Изъ этого основнаго соотношенія духовнаго бытія, по которому наибольшая общность и солидарность находится въ глубинѣ, вытекаетъ, что и подлинное, творческое и плодотворное дѣло совершается тоже только въ глубинѣ, и что именно это глубокое, внутреннее дѣланіе есть общая работа, совершаемая каждымъ не для себя одного, а для всѣхъ. Мы видѣли, въ чемъ заключается это настоящее, основное дѣло человѣка. Оно состоитъ въ дѣйственномъ утвержденіи себя въ Первоисточникѣ жизни, въ творческомъ усилии влить себя въ него и Его въ себя, укрѣпиться въ немъ и тѣмъ дѣйственно осуществить смыслъ жизни, приблизить его къ жизни и имъ разогнать тьму безсмыслія. Оно состоитъ въ молитвенномъ подвигѣ обращенности нашей души къ Богу, въ аскетическомъ подвигѣ борьбы съ мутью и слѣпотой нашихъ чувственныхъ страстей, нашей гордыни, нашего эгоизма, въ уничтоженіи своего, эмпирическаго существа для воскресенія въ Богѣ. Обычно люди думаютъ, что человѣкъ, творящій или пытающійся творить это дѣло, либо вообще «ничего не дѣлаетъ», либо, во всякомъ случаѣ, эгоистически занять только своей собственной судьбой, своимъ личнымъ спасеніемъ и равнодушень къ людямъ и ихъ нуждамъ. И ему противопоставляютъ «общественнаго дѣятеля», занятаго устройствомъ судьбы множества людей, или воина, самоотверженно гибнущаго

за благо родины, какъ людей, которые дѣйствуютъ и притомъ дѣйствуютъ для общей пользы, для блага другихъ. Но все это разсужденіе въ корнѣ ложно, обусловлено совершенной слѣпотой, прикованностью сознанія къ обманчивой, поверхностной видимости вещей.

Прежде всего, что есть подлинное, производительное дѣло? Въ области матеріальной жизни наука о богатствѣ, политическая экономія, различаетъ между «производительнымъ» и «непроизводительнымъ» трудомъ. Правда, тамъ это различіе весьма относительное, ибо не только тѣ, кто непосредственно «производитъ» блага, но и тѣ, кто занять ихъ перевозкой, продажей или защитой государственнаго порядка, словомъ, всѣ, кто трудится и участвуютъ въ общемъ устроеніи жизни, одинаково нужны и творятъ одинаково необходимое дѣло; и все таки это различіе сохраняетъ какой-то серьезный смыслъ, и всѣмъ ясно, что если всѣ начнутъ «организовывать» хозяйство, распредѣлять блага, и никто не будетъ ихъ производить (какъ это было, напр., одно время, а отчасти и доселѣ такъ остается, въ Совѣтской Россіи), то всѣ будутъ умирать съ голоду. Но въ области духовной жизни какъ будто совершенно утрачено представленіе о производительномъ и непроизводительномъ трудѣ; а здѣсь оно имѣетъ существенное, рѣшающее значеніе. Для того, чтобы пропагандировать идеи, для того, чтобы устраивать жизнь въ согласіи съ ними, надо ихъ *имѣть*; для того, чтобы творить добро людямъ или ради него бороться со зломъ, надо *вѣдь*, имѣть *само добро*. Здѣсь совершенно ясно, что безъ производительнаго труда и накопленія невозможна жизнь,

невозможно никакое проникновеніе благъ въ жизнь и использованіе ихъ. Кто же здѣсь производитъ и накапливаетъ? Наши понятія о добрѣ такъ смутны, что мы думаемъ, что добро есть «отношеніе между людьми», естественное качество нашего поведенія, и не понимаемъ, что добро *субстанціально*, что оно есть реальность, которую мы прежде всего должны добывать, которымъ мы должны сами *обладать*, прежде, чѣмъ начать благодѣлывать имъ другихъ людей. Но добываетъ и накапливаетъ добро *только* подвижникъ — и каждый изъ насъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой онъ есть подвижникъ и посвящаетъ свои силы внутреннему подвигу. Поэтому молитвенный и аскетическій подвигъ есть не «безплодное занятіе», не нужное для жизни и основанное на забвеніи жизни — оно есть въ духовной сферѣ единственное *производительное дѣло*, единственное подлинное созиданіе или добываніе того питанія, безъ котораго всѣ мы обречены на голодную смерть. Здѣсь — не праздная созерцательность, здѣсь — тяжкій, «въ потѣ лица», но и плодотворный трудъ, здѣсь совершается накопленіе богатства; и это есть поэтому основное, существенное дѣло каждого человѣка — то первое производительное дѣло, безъ котораго останавливаются и становятся бессмысленными всѣ остальные человѣческія дѣла. Чтобы мельницы имѣли работу, чтобы булочники могли печь и продавать хлѣбъ, нужно, чтобы сѣялось зерно, чтобы оно всходило, чтобы колосилась рожь и наливалось въ ней зерно; иначе мельницы останутся, или будутъ вертѣться пустыми, и намъ придется питаться мякиной и лебедой. Но мы безъ конца строимъ новыя мельницы, которыя

съ шумомъ машутъ по вѣтру крыльями, мы хлопочемъ объ открытіи булочныхъ, устраиваемъ въ нихъ порядокъ полученія хлѣба, озабочены тѣмъ, чтобы никто при этомъ не обидѣлъ другого и забываемъ лишь о мелочи — о томъ, чтобы сѣять зерно, чтобы поливать ниву и возвращать хлѣбъ! Такъ социализмъ заботится о всечеловѣческомъ благополучіи, воюя съ врагами народа, митингуя, издавая декреты и организуя порядокъ жизни — и при этомъ не только не заботясь о произрастаніи хлѣба, но тщательно истребляя его и засоряя нивы плевелами; вѣдь этотъ хлѣбъ насущный для него есть только усыпляющій «опій», вѣдь возвращаніе добра есть пустое дѣло, которымъ отъ бездѣлья занимаются монахи и прочіе дармоѣды! Такъ въ американскомъ темпѣ жизни миллионы людей въ Америкѣ и Европѣ суетятся, дѣлаютъ дѣла, стараются обогатиться, и въ итогъ всѣ сообща неутомимымъ трудомъ создаютъ — пустыню, въ которой изнемогаютъ отъ зноя и погибаютъ отъ духовной жажды. Такъ въ политической лихорадкѣ митинговые ораторы и газетчики такъ упорно и неистово проповѣдуютъ справедливость и правду, что души и проповѣдниковъ, и слушателей опустошаются до конца, и никто уже не знаетъ, для чего онъ живетъ, гдѣ правда и добро его жизни. Всѣ мы, нынѣшніе люди, живемъ болѣе или менѣе въ такомъ сумасшедшемъ обществѣ, которое существуетъ только, какъ Россія въ годы революціи, *разбазариваніемъ* благъ, которыя когда-то, въ тихихъ, невидимыхъ мастерскихъ непримѣтно создали наши предшественники. А между тѣмъ, каждый изъ насъ, какое бы иное дѣло онъ ни дѣлалъ, долженъ былъ бы

часть своего времени затрачивать на основное дѣло ---- на накопленіе внутри себя силъ добра, безъ которыхъ всѣ остальные дѣла становятся бессмысленными или вредными. Наши политики любятъ, изъ всего дѣла св. Сергія Радонежскаго съ одобреніемъ отмѣчать, что онъ благословилъ рать Дмитрія Донскаго и далъ ей двухъ монаховъ изъ своей обители; они забываютъ, что этому предшествовали десятилѣтія упорнаго молитвеннаго и аскетическаго труда, что *этимъ* трудомъ были добыты духовныя богатства, которыми питались втеченіе вѣковъ, и доселѣ питаются русскіе люди, и что безъ него, какъ указываетъ проницательный русскій историкъ Ключевскій, русскіе люди никогда не имѣли бы силъ подняться на борьбу съ татарами. Мы рвемся воевать со зломъ, организовывать нашу жизнь, дѣлать настоящее, «практическое» дѣло; и мы забываемъ, что для этого нужны прежде всего силы добра, которыя нужно умѣть взрастить и накопить въ себѣ. Религіозное, внутреннее дѣланіе, молитва, аскетическая борьба съ самимъ собой есть такой непримѣтный основной трудъ человѣческой жизни, закладывающій самый ея фундаментъ. Это есть основное, первичное, единственное подлинно-производительное человѣческое дѣло. Какъ мы видѣли, всѣ человѣческія стремленія въ конечномъ счетѣ, въ послѣднемъ своемъ существѣ, суть стремленія къ *жизни*, къ полнотѣ удовлетворенности, къ обрѣтенію свѣта и прочности бытія. Но именно поэтому всѣ внѣшнія человѣческія дѣла, всѣ способы внѣшняго устройства и упорядоченія жизни опираются на внутреннее дѣло — на осмысленіе жизни черезъ духовное дѣланіе, черезъ

взращиваніе въ себѣ силъ добра и правды, черезъ дѣйственное вживаніе человѣка въ Первоисточникъ жизни — Бога.

И далѣе: хотя каждый человѣкъ, какъ въ физическомъ, такъ и въ духовномъ смыслѣ, чтобы жить, долженъ *самъ* дышать и питаться и не можетъ жить только за счетъ чужого труда, но изъ этого не слѣдуетъ, какъ обычно думаютъ, что невидимое, молчаливое дѣланіе есть работа для себя одного, что въ немъ всѣ люди разобщены другъ отъ друга и заняты каждый только своимъ эгоистическимъ дѣломъ. Напротивъ; мы уже видѣли, что люди разобщены между собой на поверхности и связаны въ своей глубинѣ и что поэтому всякое углубленіе есть тѣмъ самымъ расширеніе, преодоленіе перегородокъ, отдѣляющихъ людей другъ отъ друга. Наше ослѣпленное матеріализмомъ время совершенно утратило понятіе о вселенской, космической, или, такъ сказать, магической силѣ молитвъ и духовнаго подвига. Намъ нужны смутныя и рискованныя чудеса оккультныхъ явленій и спиритическихъ сеансовъ, чтобы повѣрить, какъ въ «рѣдкое исключеніе», что духъ дѣйствуетъ на разстояніи, что сердца человѣческія связаны между собою еще инымъ способомъ, чѣмъ черезъ дѣйствіе звуковъ глотки одного человѣка на барабанную перепонку другого. Въ дѣйствительности — опытъ молитвъ и духовнаго подвига не только тысячекратно подтверждаетъ это на частныхъ примѣрахъ, но и раскрываетъ сразу, какъ общее соотношеніе — духовная сила всегда сверхъиндивидуальна, и ею всегда устанавливается невидимая связь между людьми. Одинокій отшельникъ въ своей

кельѣ, въ затворѣ, невидимый и неслышимый никѣмъ, творить дѣло, сразу дѣйствующее на жизнь въ цѣломъ и затрагивающее всѣхъ людей; онъ дѣлаетъ дѣло не только болѣе производительное, но и болѣе *общее*, болѣе захватывающее людей и вліяющее на нихъ, чѣмъ самый умѣлый митинговый ораторъ или газетный писатель. Конечно, каждый изъ насъ, слабыхъ и неумѣлыхъ рядовыхъ работниковъ въ области духовнаго бытія, не можетъ рассчитывать на *такое* дѣйствіе своего внутренняго дѣланія; но, если мы свободны отъ самоуниженія, можемъ ли мы рассчитывать на большіе результаты и въ области внѣшняго нашего вмѣшательства въ жизнь? Принципіальное же соотношеніе остается здѣсь тѣмъ же самымъ; невозможное для людей, возможно для Бога, и никто напередъ не знаетъ, въ какой мѣрѣ онъ способенъ помочь и другимъ людямъ своей молитвой, своимъ исканіемъ правды, своей внутренней борьбой съ самимъ собой. Во всякомъ случаѣ, это основное человѣческое дѣло дѣйствительнаго осмысленія жизни, возвращенія въ себѣ силъ добра и правды есть не только одиночное дѣло каждаго въ отдѣльности; по самому своему существу, по природѣ той области бытія, въ которой оно совершается, оно есть общее, соборное дѣло, въ которомъ всѣ люди связаны между собой въ Бога, и всѣ — за каждаго, и каждый — за всѣхъ.

Таково то великое, единственное дѣло, съ помощью котораго мы дѣйственно осуществляемъ смыслъ жизни и въ силу котораго въ мірѣ дѣйствительно совершается нѣчто существенное — именно возрожденіе самой внутренней его ткани, разсѣяніе силъ зла и наполненіе міра

силами добра. Это дѣло — подлинно метафизическое дѣло — возможно вообще только потому, что оно совсѣмъ не есть простое человѣческое дѣло. Человѣку здѣсь принадлежить только работа по уготовленію почвы, произрастаніе же совершается самимъ Богомъ. Это есть метафизическій, Богочеловѣческій процессъ, въ которомъ только соучаствуетъ человѣкъ, и именно потому въ немъ можетъ осуществиться утвержденіе человѣческой жизни на ея подлинномъ смыслѣ.

Отсюда становится понятной нелѣпость иллюзіи, въ которой мы пребываемъ, когда мнимъ, что въ нашей внѣшней дѣятельности, въ работѣ, протекающей во времени и соучаствующей во временномъ измѣненіи міра, мы можемъ осуществить нѣчто абсолютное, достигнуть осуществленія смысла жизни. Смыслъ жизни — въ ея утвержденности въ вѣчномъ, онъ осуществляется, когда въ насъ и вокругъ насъ проступаетъ вѣчное начало, онъ требуетъ погруженія жизни въ это вѣчное начало. Лишь поскольку наша жизнь и нашъ трудъ соприкасается съ вѣчнымъ, живетъ въ немъ, проникается имъ, мы можемъ разсчитывать вообще на достиженіе смысла жизни. Во времени же все раздроблено и текуче; все, что рождается во времени, по слову поэта, заслуживаетъ и погибнуть во времени. Поскольку мы живемъ только во времени, мы живемъ и только *для времени*, мы имъ поглощены, и оно безвозвратно уноситъ насъ вмѣстѣ со всѣмъ нашимъ дѣломъ. Мы живемъ въ части, разъединенной съ цѣлымъ, въ отрывкѣ, который не можетъ не быть бессмысленнымъ. Пусть мы, какъ соучастники міра, обречены на эту жизнь во времени, пусть

даже — какъ это ниже уяснится — мы даже *обязаны* въ ней соучаствовать, но въ *этой* нашей работѣ мы достигаемъ и при наибольшей удачѣ только относительныхъ цѣнностей и ею никакъ не можемъ «осмыслить» нашу жизнь. Всѣ величайшія политическія, социальныя и даже культурныя перемѣны, въ качествѣ только событій исторической жизни, въ составѣ одного лишь временнаго міра, не совершаютъ той метафизической, *подземной* работы, которая намъ нужна: не приближаютъ насъ къ смыслу жизни — все равно, какъ всѣ наши дѣла, даже важнѣйшія и нужнѣйшія, совершаемыя нами *внутри* вагона поѣзда, въ которомъ мы ѣдемъ, ни на шагъ не подвигаютъ насъ къ цѣли, къ которой мы движемся. Чтобы *существенно* измѣнить нашу жизнь и исправить ее, мы должны усовершенствовать ее сразу, какъ *цѣлое*; а во времени она дана лишь по частямъ и, живя во времени, мы живемъ лишь въ маломъ, преходящемъ ея отрывкѣ. Работа же надъ жизнью, какъ цѣлымъ, есть работа именно духовная, дѣятельность соприкосновенія съ вѣчнымъ, какъ сразу цѣликомъ даннымъ. Только эта подземная, невидимая міру работа приводитъ насъ въ соприкосновеніе съ тѣми нѣдрами, въ которыхъ покоится чистое золото, подлинно нужное для жизни. Единственное дѣло, осмысляющее жизнь и потому имѣющее для человѣка абсолютный смыслъ, есть, слѣдовательно, не что иное, какъ дѣйственное соучастіе въ Богочеловѣческой жизни. И мы понимаемъ слова Спасителя, на вопросъ: «что намъ дѣлать?», отвѣчавшаго: «вотъ дѣло Божіе, чтобы вы вѣровали въ Того, Кого Онъ послалъ». (Ев. Іоанна, 6, 29).

8. О ДУХОВНОМЪ И МІРСКОМЪ ДѢЛАНІИ.

Но какъ же быть со всѣми остальными человѣческими дѣлами, со всѣми интересами нашей эмпирической жизни, со всѣмъ тѣмъ, что отовсюду насъ окружаетъ и заполняетъ нашу обычную жизнь? Осмысленіе жизни должно ли искупаться отреченіемъ отъ всего земного, отказомъ отъ всего ея эмпирическаго содержанія? Любовь, семья, заботы о ежедневномъ пропитаніи, а также тѣ блага, которыя мы обычно считаемъ объективно-цѣнными и которымъ посвящаемъ нашу жизнь, отдавая ее на служеніе имъ — наука, искусство, справедливость въ человѣческихъ отношеніяхъ, судьба родины — остаются ли по прежнему они бессмысленными, суть ли они иллюзіи, блуждающіе огоньки, погоня за которыми зря губитъ нашу жизнь и отъ которыхъ мы должны поэтому просто отвернуться и отказаться? Не искупается ли въ такомъ случаѣ обрѣтеніе смысла жизни ея ужасающимъ обѣдненіемъ, и не слишкомъ ли это дорогая цѣна?

Такъ спрашиваетъ насъ наша непреодолимая языческая природа. И на это *прежде всего* нужно отвѣ-

тить такъ. Кто не понимаетъ, что «смысль жизни» есть благо, превышающее всѣ остальные человѣческія блага, что подлинное его обрѣтеніе есть обрѣтеніе сокровища, безмѣрно обогащающаго человѣческую душу, болѣе того — что оно есть *единственное* настоящее, а не мнимое и иллюзорное благо и потому не можетъ быть оплачено «слишкомъ дорогой цѣной» — тотъ, значить просто еще не извѣдалъ настоящей жажды, и не для того пишутся эти слова. Чье сердце не откликнется глубокимъ внутреннимъ трепетомъ на слова Спасителя: «Кто хочетъ душу свою сберечь, тотъ потеряетъ ее; а кто потеряетъ ее ради Меня, тотъ сбережетъ ее. Ибо что пользы человѣку приобрѣсти весь міръ, а себя самого погубить». (Ев. Луки, 9, 24 — 25), кто самъ не сознаетъ, что Царство Небесное подобно «сокровищу, скрытому на полѣ, которое нашедъ человѣкъ утаилъ, и отъ радости о немъ идетъ и продаетъ все, что имѣетъ и покупаетъ поле то», или подобно «купцу, ищущему хорошихъ жемчужинъ, который, нашедъ одну драгоцѣнную жемчужину, пошелъ и продалъ все, что имѣлъ, и купилъ ее» (Ев. Матѣ., 13, 44 — 46) — тотъ еще не готовъ для *исканія* смысла жизни и потому, очевидно, никогда не можетъ сговориться съ тѣми, кто его ищутъ, а тѣмъ болѣе не согласится на условія, при которыхъ его можно найти. Безъ жертвы и отреченія нельзя вообще найти смысла жизни или — что то же — подлинной жизни, таковъ, какъ мы уже знаемъ, внутренней законъ духовнаго бытія; а что тутъ не можетъ быть слишкомъ большой жертвы, ясно для всякаго, кто понимаетъ, о чемъ идетъ здѣсь рѣчь.

Разъ навсегда и незыблемо стоитъ одинъ итогъ

нашихъ размысленій: для того, чтобы искать и найти *абсолютное благо*, надо прежде всего отказаться отъ того заблужденія, которое въ относительномъ и частномъ усматриваетъ само абсолютное, надо понять бессмысленность всего на свѣтѣ *внѣ связи* съ подлинно-абсолютнымъ благомъ. Какъ бы часто душа наша, колеблясь между двумя мірами, ни возвращалась къ болѣе естественной и легкой для нея мысли, что въ богатствѣ, славѣ, земной любви или даже въ сверхличныхъ благахъ, какъ счастье человѣчества, благо родины, наука, искусство — заключено «настоящее», «реальное» удовлетвореніе человѣческой души, а все остальное есть туманная и призрачная «метафизика» — пробуждаясь, она снова понимаетъ и, оставаясь правдивой, не можетъ не понимать, что все это — тлѣнъ, суета и что единственное, что ей подлинно нужно, есть смыслъ жизни, заключенный въ подлинной, вѣчной, просвѣтленной и успокоенной жизни. Относительное и частное всегда останется только относительнымъ и частнымъ, всегда нужно только для чего то иного — абсолютнаго — и легко отдается или по крайней мѣрѣ должно отдаваться за него. Эта іерархія цѣнностей, — этотъ *приматъ* цѣли надъ средствами, основного надъ вторичнымъ и производнымъ, долженъ быть незыблемо утвержденъ въ душѣ разъ навсегда и огражденъ отъ опасностей затуманиванія и колебанія, которому онъ подвергается всегда, когда нами овладѣваетъ *страсть* — хотя бы самая чистая и возвышенная страсть. Жизнь осмысливается только отреченіемъ отъ ея эмпирическаго содержанія; твердую, подлинную опору для нея мы находимъ лишь внѣ ея; лишь перешагнувъ за предѣлы

міра, мы отыскиваемъ ту вѣчную основу, на которой онъ утверждёнъ. Пребывая въ немъ, мы имъ охвачены, и вмѣстѣ съ нимъ шатаемся и кружимся въ безсмысленномъ вихрѣ.

И все же такимъ чисто отрицательнымъ выводомъ мы не можемъ ограничиться, потому что онъ былъ бы одностороннимъ. Ибо смыслъ жизни, разъ найденный, черезъ отреченіе и жертву, въ послѣдней глубинѣ бытія, вмѣстѣ съ тѣмъ осмысливаетъ всю жизнь. Царство Небесное, будучи подобно одной жемчужинѣ, за которую охотно отдается все остальное имущество, вмѣстѣ съ тѣмъ подобно закваскѣ, которая сквашиваетъ «три мѣры муки», подобно горчичному зерну, которое вырастаетъ въ огромное тѣнистое дерево. Выражаясь отвлеченно, мы можемъ сказать: абсолютное отыскивается черезъ противопоставленіе его относительному, оно — внѣ и выше послѣдняго; но оно не было бы абсолютнымъ, если бы оно вмѣстѣ съ тѣмъ не проникало все относительное и не охватывало его. Никакое земное человѣческое дѣло, никакой земной интересъ не можетъ *осмыслить* жизни, и въ этомъ отношеніи они всѣ совершенно безсмысленны; но когда жизнь уже *осмыслена* инымъ началомъ — своею послѣдней глубиной, то она осмыслена всецѣло, и, слѣдовательно, все ея содержаніе. Въ тѣмъ нельзя отыскать свѣтъ, и свѣтъ противоположенъ тѣмѣ; но свѣтъ освѣщаетъ тьму. Было бы совершенно ложнымъ, противорѣчащимъ христіанскому сознанію и подлинному строенію бытія стремленіемъ — оторвать Бога отъ міра, замкнуться въ Богѣ и оградить себя отъ міра презрѣніемъ къ нему. Ибо Богъ, превосходя міръ и будучи

сверхмірнымъ, сотворилъ этотъ міръ и въ немъ явилъ Себя; въ Боговоплощеніи онъ Самъ влилъ Свои силы въ міръ, и истина христіанства, въ которой мы узнали истинное обрѣтеніе смысла жизни, есть не ученіе о трансцендентномъ и отрѣшенномъ отъ міра Богѣ, а ученіе о Боговоплощеніи и Богочеловѣчествѣ, о нераздѣльномъ и неслиянномъ единствѣ Бога и человѣка, а, стало быть, и Бога и міра (такъ какъ существо міра — въ человѣкѣ). Вся человѣческая жизнь, просвѣтленная своей связью съ Богомъ и утвержденная черезъ нее, оправдана; вся она можетъ совершаться «во славу Божию», свѣтло и осмысленно. Единственнымъ условіемъ этого является требованіе, чтобы человѣкъ не *служилъ* міру, «не любилъ міра и того, что въ мірѣ», какъ послѣднихъ самодовлѣющихъ благъ, а чтобы онъ разсматривалъ свою мірскую жизнь и весь міръ, какъ средство и орудіе Божьяго дѣла, чтобы онъ употреблялъ ихъ на *служеніе* абсолютному добру и подлинной жизни. Жизнь, какъ наслажденіе, власть, богатство, какъ упоенность міромъ и самимъ собой, есть бессмыслица; жизнь, какъ *служеніе*, есть Богочеловѣческое дѣло и, слѣдовательно, всецѣло осмысленно. И каждое мнимое человѣческое благо — любовь къ женщинѣ, богатство, власть, семья, родина — использованное, какъ *служеніе*, какъ путь къ истинной жизни, и озаренное лучами «свѣта тихаго», теряетъ свою суетность, свою иллюзорность и приобрѣтаетъ вѣчный, т. е. подлинный *смысль*. Христосъ благословилъ бракъ въ Канѣ Галилейской, онъ повелѣлъ платить дань Кесарю — подъ условіемъ несмѣшенія его съ Богомъ. Іоаннъ Креститель наряду съ абсолютнымъ требованіемъ

— сотворить достойные плоды покаянія, — на вопросъ «что дѣлать?» заповѣдалъ народу дѣлиться одеждой и пищей съ неимущими, мытарямъ — не требовать болѣе опредѣленнаго ѣмъ, а воинамъ — никого не обижать, не клеветать, довольствоваться своимъ жалованіемъ (Ев. Луки, 3, 8 — 14).

И все же здѣсь остается еще неясность. Сказано вѣдь: «царство Мое не отъ міра сего», «не любите міра и того, что въ мірѣ». Служеніе Богу вѣдь и есть отреченіе отъ міра, ибо нельзя сразу служить двумъ господамъ, Богу и маммонѣ. Какимъ же образомъ возможно мірское служеніе, оправданіе мірской жизни черезъ связь ея съ Богомъ?

Человѣкъ, по своей природѣ, принадлежитъ къ двумъ мірамъ — къ Богу и къ міру; его сердце есть точка скрещенія двухъ этихъ силъ. Онъ не можетъ служить этимъ двумъ силамъ сразу, и долженъ имѣть только одного господина — Бога. Но Богъ есть и Творецъ міра, и черезъ Бога и въ Богѣ оправданъ и міръ. Кто можетъ отречься всецѣло отъ міра, отъ всего того въ мірѣ, что не согласуется съ Богомъ и не божественно, и итти прямо къ Богу — тотъ поступаетъ праведно, кратчайшимъ и вѣрнѣйшимъ, но и труднѣйшимъ путемъ обрѣтаетъ оправданіе и смыслъ своей жизни. Такъ идутъ къ Богу отшельники и святые. Но кому это не дано, у того другое предназначеніе: онъ вынужденъ итти къ Богу и осуществлять смыслъ своей жизни *сразу двумя путями*: пытаться по мѣрѣ силъ неуклонно итти прямо къ Богу и возвращать въ себѣ Его силу, и вмѣстѣ съ тѣмъ итти къ Нему черезъ переработку и совершенство-

вані мірських силъ въ себѣ и вокругъ себя, черезъ приспособленіе ихъ всѣхъ къ служенію Богу. Таковъ путь мірянина. И на этомъ пути необходимо и *правомѣрно* возникаетъ та двойственность, въ силу которой отреченіе отъ міра должно сочетаться съ любовнымъ соучастіемъ въ немъ, съ усиліемъ его же средствами содѣйствовать его приближенію къ вѣчной правдѣ.

Другими словами, существуетъ истинное и ложное отреченіе отъ «міра». Истинное заключается въ дѣйствительномъ подавленіи въ себѣ мірскихъ страстей, въ свободѣ отъ нихъ, въ ясномъ и дѣйственно подтверждаемомъ усмотрѣніи призрачности всѣхъ мірскихъ благъ. Ложное отреченіе состоитъ въ фактическомъ пользованіи жизненными благами, въ рабствѣ передъ міромъ, и желаніи вмѣстѣ съ тѣмъ не соучаствовать дѣйственно въ жизни міра и наружно не соприкасаться съ его грѣховностью. При такомъ мнимомъ отреченіи человѣкъ, стараясь воздерживаться отъ внѣшняго соучастія въ грѣхахъ міра, но пользуясь его благами, грѣшитъ на самомъ дѣлѣ *больше*, чѣмъ тотъ, кто, соучаствуя въ мірѣ и обременяя себя его грѣховностью, стремится въ самомъ этомъ соучастіи къ конечному преодолѣнію грѣховности. Война есть зло и грѣхъ; и монахъ и отшельникъ правъ, воздерживаясь отъ участія въ ней; но онъ правъ потому, что онъ не используетъ никогда плодовъ войны, что ему не нужны уже само государство, ведущее войну, и все, что даетъ человѣку государство; кто же готовъ воспользоваться ея плодами, кто еще нуждается въ государствѣ, тотъ несетъ отвѣтственность за его судьбу — и, грѣша вмѣстѣ съ нимъ, менѣе грѣшитъ, чѣмъ когда умываетъ

руки и сваливаетъ грѣхъ на другого. Половая любовь есть несовершенная любовь, и дѣвственность есть совершенное состояніе человѣка, подлинно и на кратчайшемъ пути ведущее его къ Богу; но, по слову Апостола, лучше жениться, чѣмъ разжигаться, и потому бракъ есть мірской путь очищенія плотской жизни, въ которомъ, несовершенно и искаженно, выражается таинственная связь мужчины и женщины, — символъ связи Бога съ человѣкомъ. Забота о пропитаніи, объ одеждѣ, и пищѣ, есть выраженіе человѣческой слабости и человѣческаго невѣрія; отъ нея праведно свободенъ тотъ, кто подобно Серафиму Саровскому, можетъ питаться полевой травкой, и каждый изъ насъ въ мѣру силъ долженъ стараться освободиться отъ нея; но поскольку мы не свободны отъ нея, трудолюбіе лучше бездѣлія, и заботливый семьянинъ меньше грѣшитъ, чѣмъ праздный гуляка и эгоистъ, равнодушный къ нуждѣ своихъ близкихъ. Насиліе надъ людьми, принудительная борьба даже съ преступникомъ есть грѣхъ и выраженіе нашей слабости; но истинно свободенъ отъ этого грѣха не тотъ, кто равнодушно смотритъ на преступленіе и холодно пассивенъ въ отношеніи причиняемаго имъ зла, а лишь тотъ, кто въ состояніи силою Божьяго свѣта просвѣтитъ злую волю и остановитъ преступника; всякій иной *меньше* грѣшитъ, примѣняя насиліе къ преступнику, чѣмъ равнодушно умывая руки передъ лицомъ преступленія.

Вообще говоря, нужно помнить, что человѣкъ праведно свободенъ отъ мірскаго труда и мірской борьбы только въ томъ случаѣ, если онъ въ своей духовной жизни осуществляетъ *еще болѣе тяжкій* трудъ, ведетъ

еще болѣе опасную и трудную борьбу. Какъ благодать не отмѣняетъ закона, но его восполняетъ, такъ, что имѣетъ право не думать о законѣ лишь тотъ, кто благодатно осуществить *болѣе*, чѣмъ требуетъ законъ, — такъ и отъ нравственныхъ обязательствъ, налагаемыхъ самимъ фактомъ нашего участія въ жизни, свободенъ лишь тотъ, кто самъ на себя налагаетъ обязанности еще тягчайшія. Человѣческая жизнь по самому своему существу есть трудъ и борьба, ибо она осуществляется, какъ мы уже знаемъ, только черезъ самопреодоленіе, черезъ дѣйственное свое перевоспитаніе и усиліе впитыванія въ себя своего божественнаго первоисточника. Поэтому ложны и неправомѣрны сентиментально-идиллическія вождельнія «убѣжать» отъ суеты міра, отъ его заботъ и тревогъ, чтобы мирно и невинно наслаждаться тихой жизнью въ уединеніи. Въ основѣ этихъ стремленій лежитъ невысказанное убѣжденіе, что міръ внѣ меня полонъ зла и соблазновъ, но человѣкъ самъ по себѣ, я самъ, собственно невиненъ и добродѣтеленъ; на это, исходящее отъ Руссо, убѣжденіе опирается и все толстовство. Но этотъ злой міръ въ дѣйствительности я несу *въ самомъ себѣ* и потому никуда не могу отъ него убѣжать; и нужно гораздо больше мужества, силы воли, нужно — какъ показываетъ опытъ отшельниковъ — преодоленіе гораздо большаго числа искушеній или болѣе явственныхъ искушеній, чтобы въ одиночествѣ, въ себѣ самомъ и одними лишь духовными усиліями преодолѣть эти искушенія. Жизнь отшельника есть не жизнь празднаго созерцателя, не тихая идиллія, а суровая жизнь подвижника, полная жестокаго трагизма и невѣдомой намъ творческой энергіи

воли. Серафимъ Саровскій, простоявшій на колѣняхъ на камнѣ 1000 дней и ночей и говорившій о цѣли этого подвига: «тому томящаго мя», обнаружилъ, конечно, неизмѣримо больше терпѣнія и мужества, чѣмъ наиболѣе героической солдатъ на войнѣ. Онъ боролся со всѣмъ міромъ, — въ себѣ, и потому былъ свободенъ отъ внѣшней борьбы съ міромъ. Кто не можетъ совершить того же, кто живетъ въ мірѣ и въ комъ живетъ міръ, тотъ тѣмъ самымъ обязанъ нести и бремя, которое міръ возлагаетъ на насъ, обязанъ въ несовершенныхъ, грѣховныхъ, мірскихъ формахъ содѣйствовать утвержденію въ мірѣ началъ и отношеній, приближающихъ его къ его Божественной первоосновѣ.

Въ сущности, въ основѣ этого ложнаго, идиллическаго аскетизма лежитъ представленіе (заимствованное изъ чисто чувственной области) о разобщенности людей или о возможности ихъ разобщенія чисто физическимъ способомъ — путемъ «уединенія», удаленія отъ другихъ людей. Но, какъ мы знаемъ, въ глубинѣ, въ первоосновѣ своей жизни люди не разобщены, а исконнымъ образомъ связаны между собой; ихъ объемлетъ одна общая стихія бытія — будетъ ли то стихія добра, или зла. Каждый несетъ отвѣтственность за всѣхъ, ибо страдаетъ однимъ зломъ и исцѣляется однимъ, общимъ для всѣхъ, добромъ. Поэтому физически отъединяться отъ людей и не участвовать въ ихъ мірской судьбѣ имѣетъ право лишь тотъ, кто борется въ себѣ съ самимъ корнемъ міроваго зла и раститъ въ себѣ само, единое и благодѣтельное для всѣхъ, субстанціальное добро. Всякій же, кто еще противопоставляетъ себя другимъ, кто имѣетъ

свои личныя страданія и радости, — еще зависеть отъ міра, еще живетъ въ мірѣ, т. е. и извнѣ соучаствуетъ въ коллективной жизни міра (хотя бы физически и видимымъ образомъ уклонялся отъ этого соучастія), а потому отвѣтственъ за *нее*, обязанъ соучаствовать въ налагаемыхъ ею обязанностяхъ. Онъ обязанъ осуществить наибольшее добро, или достигнуть наименьшей общей грѣховности въ данномъ, совершенно конкретномъ, опредѣленномъ данными условіями человѣческой жизни, положеніи. Отсюда именно для того, кто осозналъ смыслъ жизни, вытекаетъ необходимость каждый шагъ жизни ставить въ связь съ ея абсолютной первоосновой; рождаются обязанности передъ міромъ и людьми — обязанности добраго гражданина и добраго человѣка вообще; если при исполненіи этихъ обязанностей онъ неизбѣжно соучаствуетъ въ міровой грѣховности — ибо вся эмпирическая, мірская жизнь полна несовершенства и грѣховности — то онъ долженъ сознавать, что эту грѣховность онъ *все равно* несетъ въ себѣ, что въ ней онъ все равно соучаствуетъ, даже оставаясь пассивнымъ, и удаляясь отъ людей; но въ послѣднемъ случаѣ онъ не искупаетъ ее нравственнымъ дѣломъ, которое въ конечномъ счетѣ вытекаетъ изъ любви къ людямъ, какъ непосредственнаго выраженія любви къ Богу. Сказано: «не любите міра, ни того, что въ мірѣ: кто любитъ мірѣ, въ томъ пѣтъ любви отчеи. Ибо все, что въ мірѣ... не есть отъ Отца, но отъ міра. И мірѣ проходитъ, и похоть его, а исполняющій волю Божію пребываетъ во вѣкъ», (I Посл. Іоанна, 3, 15 — 17). Но тотъ же апостоль — апостоль любви — вмѣстѣ съ тѣмъ сказалъ: «Кто говоритъ: я люблю Бога,

а брата своего ненавидить, тотъ лжець; ибо не любящій брата своего, котораго *видить*, какъ можетъ любить Бога, котораго *не видитъ*. И мы имѣемъ отъ Него такую заповѣдь, чтобы любящій Бога любилъ и брата своего». (4, 20 — 21). Эта любовь къ «видимому брату» и обязанность облегчить его страданія и помогать ему въ его борьбѣ со зломъ и стремленіи къ добру, эта любовь къ живымъ людямъ въ ихъ чувственно-эмпирической конкретности, осуществляемая внѣшними, эмпирическими же дѣйствіями въ мірѣ, есть источникъ всѣхъ нашихъ мірскихъ обязанностей; и она связуетъ наше непосредственное отношеніе къ Богу, нашу духовную работу осмысленія жизни съ нашей дѣятельностью въ міру и мірскими средствами.

Но что можно вообще сдѣлать въ міру и мірскими средствами? Что это значить — съ той точки зрѣнія, которая насъ только и интересуеетъ, которая только и должна интересоватъ всякаго прозрѣвшаго человѣка, понявшаго безсмысленность эмпирической жизни, какъ таковой — съ точки зрѣнія осмысленія жизни, осуществленія въ ней сушностного добра и истинной жизни, стремленія къ ея «обоженію»? Необходимо отдать себѣ ясный, чуждый всякой двусмысленности, отчетъ въ этомъ.

Какъ уже сказано, въ подлинномъ, метафизическомъ смыслѣ существуетъ у человѣка только одно единственное дѣло — то, о которомъ Спаситель напомнилъ Марей, сказавъ ей, что она заботится и печется о многомъ, а лишь единое есть на потребу. Это есть духовное дѣло — возвращеніе въ себѣ субстанціального добра, усилія

жизни со Христомъ и во Христѣ, борьба со всѣми эмпирическими силами, препятствующими этому. Никакая, самая энергичная и въ другихъ отношеніяхъ полезная внѣшняя дѣятельность не можетъ быть въ буквальномъ, строгомъ смыслѣ *«благотворной»*, не можетъ сотворить или осуществить ни единого грана добра въ мірѣ; никакая самая суровая и успѣшная внѣшняя борьба со зломъ не можетъ уничтожить ни единого атома зла въ мірѣ. Добро вообще не творится людьми, а только возвращается ими, когда они уготовляютъ въ себѣ почву для него и заботятся объ его ростѣ; растеть и творится оно силою Божіей. Ибо добро и есть Богъ. А единственный способъ реально *уничтожить* зло есть вытѣсненіе его сущностнымъ добромъ; ибо зло, будучи пустотой, уничтожается только *заполненіемъ*, и, будучи тьмой, разсѣивается только свѣтомъ. Подобно пустотѣ и тьмѣ, зло нельзя никакимъ непосредственнымъ, на него обращеннымъ способомъ, раздавить, уничтожить, истребить — ибо при всякой такой попыткѣ оно ускользаетъ отъ насъ; оно можетъ лишь исчезнуть, «какъ таетъ воскъ отъ лица огня», какъ тьма разсѣивается свѣтомъ, и пустота исчезаетъ при заполненіи. Въ этомъ подлинномъ, сущностномъ смыслѣ добро и зло живутъ только въ глубинѣ человѣческой души, въ человѣческой волѣ и помыслахъ и только въ этой глубинѣ совершается борьба между ними, и возможно вытѣсненіе зла добромъ.

Но человѣкъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ тѣлесное, а потому и космическое существо. Его воля имѣетъ два конца — одинъ, внутренній, упирающійся въ метафизическія глубины, въ которыхъ и совершается это истинное, под-

линное дѣло, другой—наружный, проявляющійся въ внѣшнихъ дѣйствіяхъ, въ образѣ жизни, въ порядкахъ и отношеніяхъ между людьми. Эта внѣшняя жизнь, или жизнь этого, во внѣ обращеннаго, наружнаго конца человѣческой воли не безразлична для жизни внутренняго существа души, хотя никогда не можетъ замѣнить ея и выполнить ея дѣло. Она играетъ для этого внутренняго существа души двоякую пособную роль: черезъ ея дисциплинированіе и упорядоченіе можно косвенно воздѣйствовать на внутреннее существо воли, содѣйствовать его работѣ, а черезъ ея разнузданіе можно ослабить внутреннюю волю и помѣшать ея работѣ; и, съ другой стороны, общіе внѣшніе порядки жизни и то, что въ ней происходитъ, можетъ благоприятствовать или вредить духовному бытію человѣка. Въ первомъ отношеніи можно сказать, что всякое воспитаніе воли начинается съ внѣшняго ея дисциплинированія и поддерживается имъ: полезно человѣку дано вставать, трудиться хотя бы надъ ничтожнымъ дѣломъ, упорядочить свою жизнь, воздерживаться отъ излишествъ; отсюда — рядъ внѣшнихъ нормъ поведенія, которыя мы должны соблюдать сами и къ которымъ должны пріучать другихъ; и работа по такому внѣшнему упорядоченію жизни — своей и чужой — косвенно содѣйствуетъ основной задачѣ нашей жизни. Съ другой стороны, добро, разъ уже осуществленное, проявляется во внѣ и благотѣльно для всей окружающей его среды; зло также существуетъ и обнаруживаетъ себя истребленіемъ, калѣченіемъ жизни вокругъ себя; оно, какъ магнитъ, притягиваетъ къ себѣ все вокругъ себя и заставляетъ и его обнаруживаться и

портить жизнь, и оно, такимъ образомъ, можетъ затруднить и — въ мѣру нашей слабости — сдѣлать невозможной нашу внутреннюю духовную жизнь. Поэтому *огражденіе добра* во внѣ, созданіе внѣшнихъ благопріятныхъ условій для его обнаруженія и дѣйствія во внѣ, и *обузданіе зла*, ограниченіе свободы его проявленія, есть важнѣйшее вспомогательное дѣло человѣческой жизни. То и другое есть дѣло, съ одной стороны, права, какъ оно творится и охраняется государствомъ, дѣло нормированія общихъ, «общественныхъ» условій человѣческой жизни, и, съ другой стороны, повседневное дѣло каждаго изъ насъ въ нашей личной, семейной, товарищеской, дѣловой жизни. Итакъ, внѣшнее воспитаніе воли и содѣйствіе ея внутренней работѣ черезъ ея дисциплинированіе въ дѣствіяхъ и поведеніи, и созданіе общихъ условій, ограждающихъ уже осуществленныя силы добра и обуздывающихъ гибельное дѣйствіе зла — вотъ къ чему сводится мірское дѣло человѣка, въ чемъ бы оно ни заключалось. Идетъ ли рѣчь о трудѣ для нашего пропитанія, о нашихъ отношеніяхъ къ людямъ, о семейной жизни и воспитаніи дѣтей, или нашихъ многообразныхъ общественныхъ обязанностяхъ и нуждахъ — всюду, въ конечномъ счетѣ, дѣло сводится или на наше индивидуальное, и коллективное, внѣшнее воспитаніе, косвенно полезное для нашего внутренняго, свободнаго духовнаго перевоспитанія, или на работу по огражденію добра и обузданію зла.

Два взаимно-противоположныхъ и именно потому сходныхъ заблужденія, два непониманія основной структуры бытія препятствуютъ здѣсь укрѣпленію здороваго

и разумнаго отношенія къ жизни. Смѣшивая внѣшнюю жизнь съ внутренней, не понимая отличія между огражденіемъ добра и обузданіемъ зла, съ одной стороны, и осуществленіемъ добра и истребленіемъ зла — съ другой, одни утверждаютъ, что всякая внѣшняя, общественная и государственная дѣятельность бесполезна и есть зло, а другіе, напротивъ, считаютъ ее равноцѣнной внутренней дѣятельности, мнятъ черезъ нее осуществить добро и истребить зло. Толстовцы и фанатики внѣшнихъ дѣлъ права и государства, раздѣляютъ *одно и то же заблужденіе*: смѣшеніе сущностно-творческаго съ вспомогательно-механическимъ дѣломъ, внутренняго съ внѣшнимъ, абсолютнаго съ относительнымъ. *Отвергаютъ* относительное на томъ основаніи, что оно — не абсолютное, и признавать его, только превознося его до значенія абсолютнаго, — значитъ одинаково не понимать различія между абсолютнымъ и относительнымъ, одинаково не признавать относительной правомѣрности относительнаго, значитъ въ *томъ* или *другомъ* отношеніи нарушать завѣтъ: «воздавайте Кесарю кесарево, а Богу Богово». *Правы* толстовцы, когда говорятъ, что насиліемъ нельзя сотворить благо и истребить зло, что всякая внѣшняя, механическая и государственно-правовая дѣятельность не осуществляетъ и не можетъ осуществить самого главнаго: внутренняго обрѣтенія въ себѣ добра, внутренняго свободнаго воспитанія человѣка, наростанія любви въ человѣческой жизни. Но они *неправы*, когда поэтому считаютъ всю эту сферу жизни и дѣятельности ненужной и губельной. Если нельзя на этомъ пути сотворить благо, то можно и должно *ограждать* его; если нельзя истре-

бить зла, то можно *обуздать* его и не позволить ему разрушать жизнь. Никакія самыя суровыя кары, вплоть до смертной казни не уничтожаютъ ни одного атома зла въ мірѣ; ибо зло въ своемъ бытіи не уловимо для внѣшнихъ мѣръ; но слѣдуетъ ли изъ этого, что мы должны давать убійцамъ и насильникамъ свободно губить и калѣчить жизнь и не имѣемъ права ихъ обуздать. Государство, справедливо говоритъ Вл. Соловьевъ, существуетъ не для того, чтобы осуществить рай на землѣ, оно бессильно совершить это; но оно существуетъ, чтобы предупредить осуществленіе *ада* на землѣ. *Правы* фанатики общественности и политики, когда утверждаютъ, что обязанность каждаго гражданина и мірянина заботиться объ улучшеніи общихъ, общественныхъ условій жизни, дѣйственно бороться со зломъ и содѣйствовать, хотя бы и съ мечемъ въ рукахъ, утвержденію добра. Но они *неправы*, когда думаютъ, что съ мечемъ въ рукахъ можно истребить зло и сотворить благо, что *сами добро и зло* творятся и борются между собой въ политической дѣятельности и борьбѣ. Добро *творится* — и только имъ, его твореніемъ, зло *истребляется* — однимъ лишь духовнымъ дѣланіемъ и его осуществленіемъ — любовнымъ единеніемъ людей. Никогда еще добро не было осуществлено никакимъ декретомъ, никогда оно не было сотворено самой энергичной и разумной общественной дѣятельностью; тихо и незамѣтно, въ сторонѣ отъ шума, суеты и борьбы общественной жизни, оно нарастаетъ въ душахъ людей, и *ничто* не можетъ замѣнить этого глубокаго, сверхчеловѣческими силами творимаго органическаго процесса. И никогда зло не было истреблено,

какъ уже указано, никакими карами и насиліями; напротивъ, всегда, когда насиліе мнитъ себя всемогущимъ и мечтаетъ дѣйствительно *уничтожить* зло (а не только обуздать его, оградить жизнь отъ него), оно всегда плодитъ и умножаетъ зло; свидѣтельство тому — дѣйствіе всякаго террора (откуда бы онъ ни исходилъ и во имя чего бы ни совершался), всякой фанатической попытки истребить зло въ лицѣ самихъ злодѣевъ; такой терроръ рождаетъ вокругъ себя новое озлобленіе, слѣпая страсти мести и ненависти. «Аполитизмъ», пренебреженіе къ общественной жизни, нежеланіе мараться соучастіемъ въ ней, есть, конечно, недомысліе или индифферентизмъ; а религіозный аполитизмъ есть лицемѣріе и ханжество. Политическій же фанатизмъ, и рождаемый имъ культъ насилія и ненависти есть слѣпое идолопоклонство, измѣна Богу и поклоненіе статуѣ кесаря.

То, что сказано объ отношеніи къ общественности и государственности, примѣнимо ко всякому внѣшнему, мірскому дѣланію, будь то экономическая дѣятельность, забота о довольствѣ, о порядкѣ и благоустроенности своего дома, будь то внѣшнее воспитаніе людей, будь то техническое совершенствованіе жизни, или даже научная работа, или безкорыстная дѣятельность матеріальной помощи ближнему. Всякая такая дѣятельность, поставленная на свое надлежащее мѣсто, именно какъ вспомогательное средство, внѣшне содѣйствующее основному дѣлу духовнаго труда надъ обоженіемъ жизни, совершаемая во имя Христа и со Христомъ, не только правомѣрна, но для всякаго, не способнаго подавить въ себѣ сразу мірскія силы, обязательна. И всякая такая дѣ-

тельность, совершаемая, какъ абсолютное дѣло, мнящая замѣнить собою основную внутреннюю работу духовнаго возрожденія человѣка, гибельна, какъ измѣна Богу и слѣпое идолопоклонство, какъ слѣпая плѣненность безсмысленностью мірской жизни, Не даромъ Спаситель сказалъ разъ навсегда, *естьмъ* людямъ и для *всѣхъ* ихъ дѣль: «*Безъ Меня не можете дѣлать ничего*».

Какъ мы уже говорили, эта внѣшняя дѣятельность не есть нѣчто, чѣмъ можно было бы подлинно *осмыслить* свою жизнь; и поскольку она притязаетъ на такое значеніе, это всегда есть иллюзія; но она есть нѣчто, что само *осмыслено* уже обрѣтеннымъ и осуществляемымъ въ непрерывномъ внутреннемъ, духовномъ дѣланіи смысломъ, и, въ качествѣ таковаго, она, для каждаго въ своемъ мѣстѣ и въ своей надлежащей формѣ, необходима и разумна. Или, выражая то же самое съ объективной стороны: всякое внѣшнее дѣланіе осуществляетъ не *цѣль*, а только средство къ жизни; это средство разумно, поскольку мы сознаемъ разумную цѣль, которой оно служить, и ставимъ его въ связь съ нею; и, напротивъ, оно безсмысленно, поскольку мнить само быть цѣлью жизни, не будучи въ силахъ осуществить это притязаніе и отвлекая насъ отъ служенія истинной цѣли. А это означаетъ слѣдующее. Въ нашей внѣшней дѣятельности мы правомѣрно *служимъ* лишь тому, что само *въ свою очередь служить* — именно служить абсолютному Первоисточнику жизни — Богу — и, тѣмъ самымъ, служить осуществленію нашей подлинной жизни. Служеніе государству правомѣрно постольку, поскольку само государственное бытіе воспринимаетъ себя и восприни-

мается нами, какъ служеніе Богу, поскольку мы сознаемъ, что оно имѣетъ свое, относительное и подчиненное, назначеніе въ осуществленіи подлинной жизни; матеріальныя заботы правомѣрны, поскольку онѣ служатъ не обогащенію, какъ самоцѣли или какъ средству къ наслажденіямъ и довольству, а лишь поддержанію жизни въ той мѣрѣ, въ какую оно дѣйствительно необходимо, при нашей слабости, и дѣйствительно содѣйствуетъ нашей духовной жизни (мѣра эта очень невелика, и потому богатство, по слову Спасителя, затрудняющее намъ достиженіе Царства Небеснаго, вредно). Ни въ какомъ трудѣ и интересѣ, ни даже въ естественной любви къ человѣку, которая, возникая въ насъ, всегда манитъ насъ надеждой на какое-то высшее удовлетвореніе, нельзя усматривать послѣдней цѣли; все это разумно и осмысленно, поскольку само есть средство и путь, поскольку само есть *служеніе* — именно содѣйствіе тому внутреннему служенію, которое одно только и есть подлинное осуществленіе нашей жизни.

И возвращаясь назадъ, къ нашей постановкѣ вопроса о смыслѣ жизни, мы должны вспомнить то, что уже достигнуто нами. Когда человѣкъ отдаетъ свою жизнь, какъ средство, для чего либо частнаго, въ чемъ бы оно ни заключалось, когда онъ служить какой-либо предполагаемой абсолютной цѣли, которая сама не имѣетъ отношенія къ его собственной, личной жизни, къ интимному и основному запросу его духа, къ его потребности найти *самого себя* въ послѣднемъ удовлетвореніи, въ вѣчномъ свѣтѣ и покоѣ совершенной полноты — тогда онъ неминуемо становится *работомъ* и теряетъ смыслъ

своей жизни. И лишь когда онъ отдаеть себя служенію тому, что есть вѣчная основа и источникъ его собственной жизни, онъ обрѣтаетъ смыслъ жизни. Поэтому всякое *иное* служеніе оправдано въ той мѣрѣ, въ которой оно само косвенно соучаствуетъ въ этомъ единственномъ подлинномъ служеніи Истинѣ, истинной жизни. «Познаете Истину, и Истина освободитъ васъ» — освободитъ отъ неминуемаго рабства, въ которомъ живетъ идолопоклонникъ; а идолопоклонствуетъ, по свойству чело-вѣческой природы, всякій чело-вѣкъ, поскольку онъ именно не просвѣтленъ Истиной.

Есть одинъ, довольно простой внѣшній критерій, по которому можно распознать, установилъ ли чело-вѣкъ правильное, внутренне-обоснованное отношеніе къ своей внѣшней, мірской дѣятельности, утвердилъ ли онъ ее на связи съ своимъ подлиннымъ, духовнымъ дѣломъ или нѣтъ. Это есть степень, въ какой эта внѣшняя дѣятельность направлена на ближайшія, неотложныя нужды сегодняшняго дня, на живыя конкретныя потребности окружающихъ людей. Кто весь, цѣликомъ ушелъ въ работу для отдаленнаго будущаго, въ благодѣтельство-ваніе далекихъ, невѣдомыхъ ему, чуждыхъ людей, родины, чело-вѣчества, грядущаго поколѣнія, равнодушенъ, невнимателенъ и небреженъ въ отношеніи окружающихъ его, и считаетъ свои конкретныя обязанности къ нимъ, нужду сегодняшняго дня, чѣмъ-то несущественнымъ и незначительнымъ по сравненію съ величіемъ захватившаго его дѣла — тотъ несомнѣнно идолопоклонствуетъ. Кто говоритъ о своей великой исторической миссіи, и о чаемомъ свѣтломъ будущемъ и не считаетъ нужнымъ

согрѣть и освѣтить сегодняшній день, сдѣлать его хоть немного болѣе разумнымъ и осмысленнымъ для себя и своихъ ближнихъ, тотъ, если онъ не лицемѣритъ, идолопоклонствуетъ. И наоборотъ, чѣмъ болѣе конкретна нравственная дѣятельность человѣка, чѣмъ больше она считается съ конкретными нуждами живыхъ людей и сосредоточена на сегодняшнемъ днѣ, — чѣмъ больше, короче говоря, она проникнута не отвлеченными принципами, а живымъ чувствомъ любви или живымъ сознаниемъ обязанности любовной помощи людямъ, тѣмъ ближе человѣкъ къ подчиненію своей внѣшней дѣятельности духовной задачѣ своей жизни. Завѣтъ не заботиться о завтрашнемъ днѣ, ибо «довлѣетъ дневи злоба его», есть не только завѣтъ не перегружать себя чрезмѣрными земными заботами, но вмѣстѣ съ тѣмъ требованіе ограничить себя заботами о реальной жизни, а не о предметахъ мечтаній и отвлеченной мысли. *Сегодня* я живу, и живутъ окружающіе меня люди; сегодня есть дѣло воли и жизни. *Завтра* есть область мечты и отвлеченныхъ возможностей. *Завтра* легко совершить величайшіе подвиги, облагодѣтельствовать весь міръ, завести разумную жизнь. *Сегодня, сейчасъ* — трудно побороть и уничтожить свою слабость, трудно удѣлить нищему и больному минуту вниманія, помочь ему и немногимъ, трудно заставить себя выполнить и небольшое нравственное дѣло. Но именно это небольшое дѣло, это преодоленіе себя, хотя и въ мелочи, это хотя бы ничтожное проявленіе дѣйственной любви къ людямъ есть моя обязанность, есть непосредственное выраженіе и ближайшая провѣрка степени подлинной осмысленности моей жизни. Ибо

дѣло сегодняшняго дня и текущаго часа, и мои отношенія къ окружающимъ меня ближнимъ непосредственно связаны съ конкретностью моей жизни, съ самимъ ея вѣчнымъ существомъ; направляясь на вѣчное, стремясь исполнить заповѣди Божіи и питаться изъ вѣчнаго источника жизни, я необходимо долженъ осуществить ближайшія конкретныя дѣла, въ которыхъ находить свое выраженіе вѣчное начало жизни. Кто живетъ въ сегодняшнемъ днѣ — не отдаваясь ему, а подчиняя его себѣ — тотъ живетъ въ вѣчности. Свое нравственно-психологическое выраженіе такая правильная установка находить въ смиреніи, въ сознаніи ограниченности своихъ силъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ душевной *тишинѣ* и *прочности*, съ какою совершаются эти дѣла сегодняшняго дня, это соучастіе въ конкретной жизни міра; тогда какъ идолопоклонническое служеніе міру, съ одной стороны, всегда проявляется въ гордынѣ и восторженности и, съ другой стороны, связано съ чувствомъ безпокойства, неувѣренности и суеты. Ибо кто считаетъ основной цѣлью своей дѣятельности достиженіе какого-либо опредѣленнаго внѣшняго результата, осуществленіе объективной перемѣны въ устройствѣ міра, — съ одной стороны долженъ преувеличивать и значеніе своего дѣла, и свои собственныя силы, и, съ другой стороны, въ виду шаткости и слѣпоты въ теченіе всѣхъ земныхъ дѣлъ, никогда не увѣренъ въ успѣхѣ и тѣмъ ставитъ свою жизнь въ зависимость отъ условій, надъ которыми его воля не властна. Лишь тотъ, кто живетъ въ вѣчномъ и задачу своей дѣятельности видитъ въ возможно большемъ дѣйственномъ обнаруженіи вѣчныхъ силъ — независимо отъ

ихъ внѣшняго успѣха и объективнаго результата, — кто живетъ въ сознаниі, выражаемомъ французской поговоркой: *fais ce que dois, advienne ce que pourra*, — живетъ въ душевномъ покоѣ, и въ своемъ внѣшнемъ дѣланіи не отрывается отъ внутренняго корня своего бытія, отъ основнаго, внутренняго своего дѣланія, направленнаго на укрѣпленіе этого корня.

Такимъ образомъ, внѣшнее, мірское дѣланіе, будучи производнымъ отъ основнаго, духовнаго дѣланія и имъ только и осмысляясь, должно стоять въ нашей общей духовной жизни на надлежащемъ ему мѣстѣ, чтобы не было опрокинуто нормальное духовное равновѣсіе. Силы духа, укрѣпленныя и питаемыя извнутри, должны свободно изливаться наружу, ибо вѣра безъ дѣлъ мертва; свѣтъ, идушій изъ глубины, долженъ озарять тьму во внѣ. Но силы духа не должны итти въ услуженіе и плѣнь къ бессмысленнымъ силамъ міра, и тьма не должна заглушать вѣчнаго Свѣта.

Это есть, вѣдь, тотъ живой Свѣтъ, который просвѣщаетъ всякаго человѣка, приходящаго въ міръ; это — самъ Богочеловѣкъ Христось, который есть для насъ «*путь, истина и жизнь*» и который именно потому есть вѣчный и ненарушимый *смысль нашей жизни*.

С. Франкъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

1. Вступленіе	7
2. «Что дѣлать?»	21
3. Условія возможности смысла жизни	43
4. Безсмысленность жизни	61
5. Самоочевидность истиннаго бытія	80
6. Оправданіе вѣры	101
7. Осмысленіе жизни	129
8. О духовномъ и мірскомъ дѣланіи	147

Каталог

1975

ИЗДАТЕЛЬСТВА "ЖИЗНЬ С БОГОМ"

Адрес: **Foyer Oriental Chrétien, Avenue de la Couronne 206,
1050 Bruxelles, Belgique.** Цены обозначены в бельг. франках.

Compte chèque postal 000-0064635-33 tél. 02-647.71.06

КНИГИ

- Бл. АВГУСТИН – Творения.* 11 кн. в 3-х томах. Фототип. изд. Перевод Киевской Дух. Академии. 3672 стр. Б 1974. 3200
- К. АДАМ – Иисус Христос.* Апологетический труд. Автор использовал обширный научный материал для воспроизведения исторического и вечного облика Христа. 370 стр. Б 1956. 140
- Н. АРСЕНЬЕВ – О жизни преизбыточествующей.* Сборник статей, объединенных одной общей темой: Человек перед безмерным величием Бога. 286 стр. Б 1966. 210
- Н. АРСЕНЬЕВ – Единый поток жизни.* К проблеме единства христиан. О православной, католической и протестантской духовности. Иллюстр. издание. 304 стр. Б 1973. 250
- И. А. БАЙГАЧЕВ – Спаситель мира.* Евангелие для детей с многочислен. иллюстрациями. 88 стр. Рим 1956. 84
- БИБЛИЯ В КАРТИНКАХ* (для детей) богато иллюстр., 96 стр. 1970. 140
- А. БОГОДЮБОВ – Сын Человеческий* (40 иллюстр.). Цель книги: дать ключ к Евангелию в нашу эпоху и представить живое Лицо Основателя христианства, чтобы помочь людям познать и полюбить Его. С ценными приложениями (критический разбор тезисов атеизма о Христе и т. д.). 336 стр. Б 1969. 280
- Г. БОССИ – Он и я.* Дневник, передающий в кратких изречениях беседу души с живым Богом. 42 изд. на франц. языке. 100 стр. Б 1961. 60
- Л. БУЙЕ – О Библии и Евангелии.* Лекции в католическом Институте в Париже: Слово Божие – непреходящий источник христианской духовности. 232 стр. Б 1965. 210

<i>С. В. БУЛГАКОВ</i> – <i>Настольная книга для священно-церковнослужителей</i> . Фототип. изд. 1270 стр. Рим 1963.	700
<i>Ж. ВИАННЕЙ</i> . Арсский Пастырь – <i>Избранные проповеди и уроки катехизиса</i> . Краткая биография. 280 стр. Б 1969.	280
<i>М. ВИНОВСКА</i> – <i>Миранафа</i> . Рассказы об обращении неверующих в странах Восточной Европы. 148 стр. Б 1970.	100
<i>М. ВИНОВСКА</i> – <i>Тайна Максимилиана Кольбе</i> . 192 стр. Б 1973.	120
<i>Ю. ДАНЗАС</i> – <i>Католическое Богопознание и марксистское безбожие</i> . 346 стр. Рим 1941.	280
<i>А. ДОНДЕЙН</i> – <i>Христианская вера и современная мысль</i> . Исследование современных течений в свете христианства. 248 стр. Б 1974.	300
<i>ЕВАНГЕЛИЕ</i> – Слово жизни вечной. Текст составлен из повествований четырех Евангелий. 508 стр. Б 1959.	120
<i>Вячеслав ИВАНОВ</i> – <i>Собрание сочинений</i> . Том I. С введением-биографией (220 стр.) и впервые изданной повестью (257 стр.) 872 стр. Б 1971.	1200
Том II. Лирика, драм. произведения, статьи, письма, дневники. 832 стр. Б 1975.	1300
<i>М. КАРРУЖ</i> – <i>Шарль де Фуко</i> . Иллюстр. изд. 182 стр. Б 1968.	100
<i>Л. П. КАРСАВИН</i> – <i>Католичество</i> . Общий обзор. (Огни, Петроград, 1918). Фототип. изд. С предисловием М. Аксенова, введением и примечаниями издательства. 152 стр. Б 1974.	100
<i>И. КОЛОГРИВОВ</i> – <i>Очерки по истории русской святости</i> . Историческое исследование на основании наилучших трудов о святых, в Земле Российской просиявших. 415 стр. Б 1961.	280
<i>Ф. ЛЕЛОТТ</i> – <i>Решение проблемы жизни</i> . 390 стр. Б 1959.	260
<i>К. ЛЮБИХ</i> – <i>Новый мир</i> . Духовные размышления основательницы христ. интернационального движения Фоколарини, стремящихся превратить в жизнь завет Христов: "Да будут все едино!" 92 стр. Б 1961.	70
<i>НЕБО НА ЗЕМЛЕ</i> – Литургический очерк. Предназначается в первую очередь читателям, не получившим религиозного воспитания, но желающим понять смысл, структуру и красоту восточно-христианского богослужения. 236 стр. Б 1969. 2-ое фототип. изд.	140
<i>К. НИКОЛЬСКИЙ</i> – <i>Пособие к изучению устава богослужения</i> . Фототип. издание. 872 стр. Рим 1960.	500
<i>НОВЫЙ ЗАВЕТ ГОСПОДА НАШЕГО ИИСУСА ХРИСТА</i> . На тонкой индийской бумаге. С толкователем к Н.З., параллельными местами,	

приложениями и картами св. Земли в красках. Формат: 13 x 18.50. 758 стр. Б 1965.	300
формат: 10 x 14. Б 1970. (Уменьшенное фототип. изд.).	185
<i>ОТЕЧНИК</i> – Избранные изречения свв. иноков и повести из жизни их, собр. Еп. Игнатием Брянчаниновым. Фототип. изд. 550 стр. Б 1963.	280
<i>А. ПАВЛОВ</i> – <i>Откуда явилось все это ? (Вселенная, человек и Бог)</i> . Богато иллюстр. альбом в 4-х красках. Неаполь (итал. изд.) и Б 1972.	250
<i>М.Э. ПОСНОВ</i> – <i>История христианской Церкви</i> (до разделения Церквей – 1054 г.). Лекции, читанные в Киевской и Софийской Духовных Академиях. Именной и предметный указатель. Русская и иностранная библиография. 614 стр. Б 1964.	400
<i>А. РИШОМ</i> – <i>Винцент де Поль</i> или "Созидательная сила любви". Святой – благодетель Франции в 17 веке. Иллюстр. изд. 160 стр. Б 1968.	120
<i>Э. СВЕТЛОВ</i> – Всемирно-исторический процесс религиозных исканий человечества. Том I. <i>Истоки религии</i> . Иллюстр. изд. 408 стр. Б 1970.	300
Том II. <i>Магизм и единобожие</i> . Иллюстр. изд. 670 стр. Б 1971.	350
Том III. <i>У врат молчания</i> . О духовной жизни Китая и Индии. Иллюстр. издание. 332 стр. Б 1971.	355
<i>Г. СЕНКЕВИЧ</i> – <i>Камо грядеши ?</i> Перевод В. М. Лаврова. Москва 1902. Фототип. изд. с иллюстрациями. 528 стр.	250
<i>СЛОВАРЬ БИБЛЕЙСКОГО БОГОСЛОВИЯ</i> под редакцией Ксавье Леон-Дюфура, при сотрудничестве 70 экзегетов. 1288 столб. Б 1974.	1500
<i>ВЛ. СОЛОВЬЕВ</i> – <i>Духовные основы жизни</i> . 140 стр. Б 1958.	120
<i>ВЛ. СОЛОВЬЕВ</i> – Сборник всего, что Вл. С. написал "О христианском единстве". Именной и предметный указатель. 490 стр. Б 1967.	420
<i>ВЛ. СОЛОВЬЕВ</i> – <i>Собрание сочинений</i> . 12 томов (XI-XII изд. впервые), 6270 стр. Б 1966-1970 и Письма (I - IV) 1200 стр. Б 1970	9500
Отдельно: тома XI - XII.	2000
Письма (I - IV).	1000
Стихотворения и шуточные пьесы.	240
<i>Св. ТЕРЕЗА Имени Млад. Иисуса</i> – <i>Повесть об одной душе</i> , 350 стр.	180
<i>П. ТИВОЛЬЕ</i> – <i>Спутник искателя правды</i> . Пространный катехизис в общедоступной форме. Объяснение литургии и богослужений Страстной Седмицы и Пасхи. 511 стр. Б 1964.	240
<i>ТИПИКОН</i> – Устав (на тонкой бумаге, в двух цветах). Фототип. изд. в холщ. переплете. 986 стр. Рим 1964.	1000

<i>Р. ТРАМОН</i> – <i>Эпопея Анны Марии Жавуэ</i> . Её миссионерская деятельность. Иллюстр. изд. 160 стр. Б 1973.	170
<i>С. ТЫШКЕВИЧ</i> – <i>Церковь Богочеловека</i> . 580 стр. Рим 1958.	400
<i>ФЕОФАН ЗАТВОРНИК</i> – <i>Путь ко спасению</i> . Истолкование Молитвы Господней словами святых Отцов. Фототип. изд. 508 стр. Б 1962.	280
<i>ФОМА КЕМПИЙСКИЙ</i> – <i>О подражании Христу</i> . Перевод с лат. К. П. Победоносцева. 354 стр. Рим 1949.	80
<i>Св. ФРАНЦИСК САЛЬСКИЙ</i> – О благочестивой жизни. 2. Доктор <i>А. КАРРЕЛЬ</i> – О молитве. 3. Проф. <i>Ж. ЛАДРИЕР</i> – О сочетании христианской жизни и научной деятельности. Сборник под названием: " <i>Неведомая стихия</i> ". 202 стр. Б 1967.	200
<i>А. ФРОССАР</i> – <i>Соль земли</i> . О католических монашеских орденах. С иллюстрациями автора. 140 стр. Б 1973.	150
<i>Р. ХАРДУИН</i> – <i>Коттоленго</i> . Безграничное упование великого итальянского святого и благодетеля больных XIX века. 144 стр. Б 1968.	100
<i>ЦВЕТНИК ДУХОВНЫЙ</i> . Часть I и II в твердом переплете. 496 стр. Б 1972.	300
<i>ЦВЕТОЧКИ СВ. ФРАНЦИСКА АССИЗСКОГО</i> . Мусажет, Москва 1913. Фототип. изд. с введением, иллюстрациями и примечаниями. 176 стр. Б 1974.	200
<i>АКТЫ II-го ВАТИКАНСКОГО СОБОРА</i> , Рим 1965-1968; в картонной папке: 16 брошюр с подробным указателем (55 стр).	500

БРОШЮРЫ

<i>АКАФИСТ ПРЕПОДОБНОМУ ВЕНЕДИКТУ</i> . Б 1962.	25
<i>Н. АРСЕНЬЕВ</i> – <i>О Достоевском</i> . Четыре очерка. 64 стр.	80
<i>БЕЛОМОРСКИЙ</i> – <i>Правы ли отрицатели религии ?</i> 92 стр.	50
" – <i>Правы ли отрицатели Церкви ?</i>	10
" – <i>Существовал ли Христос ?</i>	20
<i>БОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТУРГИЯ</i> – Текст и объяснение, 40 стр.	35
<i>С. БОЛЬШАКОВ</i> – <i>На высотах духа</i> . 12 бесед о молитве Иисусовой.	30
<i>М. Н. ГАВРИЛОВ</i> – <i>Св. Лев Великий</i> . 48 стр.	25
" – <i>Св. Николай Чудотворец</i> . С истор. введением.	25

ЖУРНАЛЫ

<i>РОССИЯ И ВСЕЛЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ</i> (1951 - 1970). Комплекты прошлых лет. Цена за год	140
<i>ЖИЗНЬ С БОГОМ</i> . №№ приуроченные к праздникам, об историчности Христа, о смысле страданий и т.д. до 1965 г. Цена отд. ном.	15
<i>ЛОГОС</i> . Религиозно-философский журнал. Католическая периодика в переводе на русский язык. Выходит 2 раза в год. Цена двух ном.	160

* * *

<i>ЦЕРКОВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ</i> (ежегодный).	30
<i>ЛИСТОВКИ</i> — на актуальные религ. темы (комплект — 30 лист.).	70

* * *

Фототипическое издание

*Книга СМЫСЛ ЖИЗНИ была напечатана
издательством ИМКА-ПРЕСС
Париж 1926 г.*